Имена на обелиске

МАРКС

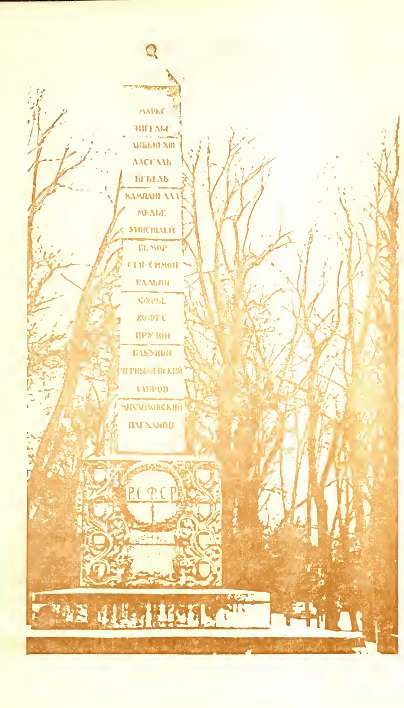
ЭНГЕЛЬС

ЛИБКНЕХТ
ЛАССАЛЬ
БЕБЕЛЬ
КАМПАНЕЛЛА
МЕЛЬЕ
УИНСТЕНЛИ
МОР

СЕН-СИМОН
ВАЙЯН
ФУРЬЕ
ЖОРЕС
ПРУДОН
БАКУНИН
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
ЛАВРОВ
МИХАЙЛОВСКИЙ
ПЛЕХАНОВ

Д. ВАЛОВОЙ, Г. ЛАПШИНА

Имена на обелиске

МАРКС
ЭНГЕЛЬС
ЛАССАЛЬ
БЕБЕЛЬ
КАМПАНЕЛЛА
МЕЛЬЕ
Т. МОР
СЕН-СИМОН
ВАЛЬЯН
ФУРЬЕ
ЖОРЕС
ПРУДОН
БАКУНИН
ЛАВРОВ
МИХАЙЛОВСКИЙ
ПЛЕХАНОВ
РСФСР

Д. ВАЛОВОЙ, Г. ЛАПШИНА

Имена на обелиске

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

66.02
В15

Художник Н. ЛАВЕЦКИЙ

В $\frac{70302-040}{078(02)-80}$ БЗ—036—001—79. 4700000000

Верному другу, надежному помощнику —
Лапшиной Марии Агеевне — посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Александровском саду Кремля стоит обелиск, воздвигнутый в честь известных мыслителей-борцов за народное счастье, за свободу. Примечательна судьба этого памятника.

В апреле 1918 года по инициативе В. И. Ленина Советом Народных Комиссаров был утвержден декрет о снятии памятников царям и их слугам, не представляющих исторической или художественной ценности. Вместо них было предложено поставить монументы в Москве и других городах Советской Республики видным деятелям социализма и революционного движения.

План пропаганды средствами монументального искусства В. И. Ленин подробно изложил в беседе с наркомом просвещения А. В. Луначарским, который, вспоминая об этом, писал: «Еще в 1918 г. Владимир Ильич вызвал меня и сказал, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство». При этом добавил, что социалист-утопист Кампанелла в своем труде «Город Солнца» мечтал о широком использовании фресок, которые должны возбуждать гражданское чувство, воспитывать новые поколения. «Мне кажется, — говорил В. И. Ленин, — это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же».

Владимир Ильич предложил украсить площади наших городов различного рода монументами: статуями и памятниками в честь революционеров, поместить на стенах домов революционные лозунги. Учитывая трудности того времени, он предупреждал о неосуществимости создания произведений сразу из таких прочных и дорогих материалов, как гранит, мрамор, золото и бронза, а советовал изготовлять монументы из гипса и бетона. Важно, говорил Ильич, чтобы это было доступно народу, будило мысль, напоминало о героических событиях и выдающихся деятелях культуры и революционной борьбы.

Предложение В. И. Ленина вошло в историю под названием «плана монументальной пропаганды». Ленинский замысел был мудрым и грандиозным. «По правде сказать, — писал Луначарский, — я был совершенно ошеломлен и ослеплен этим предложением...»

Одним из самых первых памятников Советской России и стал обелиск в Александровском саду. Его открытие состоялось в канун первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Но сооружен он был в 1913 году в честь... 300-летия монархической династии Романовых. И высечены были на памятнике имена царствовавших особ этой династии, а венчал его двуглавый орел — герб царской России. Памятник должен был стать символом непоколебимости самодержавия, незыблемости его основ. Немало места оставлено было и для имен будущих российских монархов.

Но история распорядилась иначе. Революционная буря, пронесшаяся над страной более шестидесяти лет назад, смела с престола последних представителей царской фамилии. По образному выражению В. И. Ленина, за несколько дней была опрокинута «трехсотлетняя телега, залитая кровью и грязью романовской монархии». Эта буря изменила и судьбу обелиска. С него были сняты имена Романовых и царский символ — двуглавый орел.

Вскоре глазам москвичей предстал обновленный памятник — с серпом и молотом, с буквами «Р.С.Ф.С.Р.» на пьедестале, с 19 именами, высеченными на строгом сером четырехграннике. Вот эти имена: Маркс, Энгельс, Либкнехт, Лассаль, Бебель, Кампанелла, Мелье, Уинстенли (на памятнике — Уинстлей), Т. Мор, Сен-Симон, Вайян (Вальян), Фурье, Жорес, Прудон, Бакунин, Чернышевский, Лавров, Михайловский, Плеханов.

Различны судьбы и жизненные пути этих людей, их теории и практическая деятельность.

Бессмертно имя Карла Маркса — великого ученого, смелого первооткрывателя научных истин, революционера, долгие годы руководившего борьбой пролетариев всего мира за освобождение от гнета эксплуатации. С именем Маркса связано создание самого передового, подлинно научного мировоззрения, которое дало рабочему классу непобедимое оружие преобразования и познания мира. Жизнь и деятельность Маркса — образец бескорыстного служения человечеству, революционного подвига и научного вдохновения.

Фридрих Энгельс, друг и ближайший соратник К. Маркса, принадлежит к плеяде самых выдающихся ученых и революционных деятелей в истории. Человек огромных, поистине энциклопедических знаний, гениальный мыслитель, он вместе с Марксом стоял у истоков нового учения — научного коммунизма. «Нельзя понять марксизма и нельзя изложить его,

не считаясь со всеми сочинениями Энгельса», — писал В. И. Ленин.

Всю свою кипучую энергию, светлый ум и горячее сердце Ф. Энгельс без остатка отдал великой задаче революционного преобразования мира.

Имена К. Маркса и Ф. Энгельса, основоположников научного коммунизма, вождей международного пролетариата, по праву венчают первый памятник революционной России — страны, в которой их мысли, планы, думы о будущем получили реальное воплощение.

Т. Мор, Уинстенли, Кампанелла, Мелье, Сен-Симон, Фурье были создателями утопического социализма. И пусть с позиций сегодняшнего дня многое в их учении представляется ошибочным, даже наивным — не следует забывать, что именно они представили человечеству впечатляющую картину справедливого общества, а многие идеи, высказанные в их произведениях, были творчески переработаны, научно осмыслены классиками марксизма-ленинизма.

В. Либкнехт, Бебель, Жорес, Вайян сыграли выдающуюся роль в развитии рабочего и социалистического движения, обессмертили свои имена борьбой против реакции, капиталистической эксплуатации, милитаризма и империалистических войн.

Без Чернышевского, Лаврова, Плеханова, Бакунина, Михайловского невозможно представить развитие русского революционного и демократического движения. Жизнь и деятельность этих людей, постоянный, хотя и не всегда успешный, поиск путей освобождения народа раскрывают всю глубину ленинской мысли, что Россия «выстрадала марксизм».

Представители мелкобуржуазного социализма Прудон и Лассаль сыграли определенную роль в рабочем движении, своими трудами и выступлениями пробуждали у пролетариата Франции и Германии интерес к социализму.

Большинство этих людей еще при жизни вызывали к себе жгучую ненависть со стороны господствующих классов, обрекали себя на постоянные гонения и лишения. Разве не показателен такой факт? Люди, имена которых высечены на первом революционном обелиске первой социалистической республики, более трехсот лет провели в изгнании, ссылках, в карцерах и казематах. Это почти половина их сознательной жизни!

И следует помнить указание В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями,

а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками».

В книге «Имена на обелиске» рассказывается о каждом борце-мыслителе, о его судьбе и борьбе за освобождение народа от гнета «сильных мира сего». Дается краткая характеристика взглядов выдающихся личностей, показано влияние этих революционеров на последующие поколения борцов за свободу. Разумеется, в кратком очерке трудно дать систематическое изложение научной и практической деятельности революционеров, раскрыть их теневые стороны и заблуждения. Но такая задача и не ставилась.

На основе работ классиков марксизма-ленинизма, научных исследований и литературных источников авторы попытались в доступной для молодого читателя форме рассказать о деятелях социализма и революции, имена которых увековечены на первом революционном памятнике Советского государства.

Была у авторов еще одна цель — пробудить углубленный интерес молодого читателя к героям книги. И если, перевернув последнюю страницу, вы захотите узнать больше о жизни революционеров и общественных деятелей, обратитесь к их литературному наследию, к произведениям, более подробно освещающим жизненный путь мыслителей и борцов за свободу, авторы смеют считать свою задачу отчасти выполненной.

Авторы благодарят Т. Валовую, оказавшую большую помощь в создании очерков о Т. Море и Уинстенли.

Глубокую благодарность приносим всем рецензентам за их ценные замечания и предложения, которые существенно помогли при работе над книгой.

Не могу я жить в покое

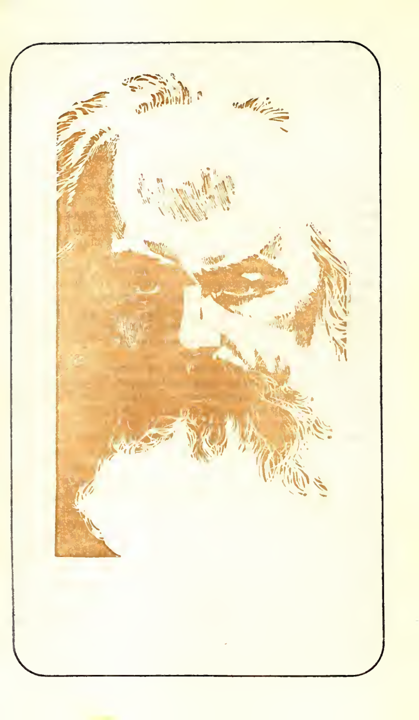
1841 году в одном из литературных журналов Берлина появилось стихотворение:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.
. . . .
Так давайте в многотрудный
И в далекий путь пойдем,
Чтоб не жить нам жизнью скудной
В прозябанни пустом.
Под ярмом постылой лени
Не влачить нам жалкий век.
В дерзновенье и в стремленье
Полновластен человек.

Автором этих строк был молодой Карл Маркс. Пройдет немало времени, прежде чем он создаст и сделает то, что навсегда обессмертит его имя. Но уже тогда этот живой, энергичный юноша выделялся среди сверстников. Он поражал окружающих не только своим аналитическим умом и энциклопедическими знаниями, не только неукротимой энергией и дерзостью мысли. В молодом Марксе было обостренное чувство неприятия несправедливости, чувство острого сострадания к людям — не к тем, чьи дома возвышались лепными фасадами в центре Берлина, а к тем, кто ютился по окраинам столицы прусского королевства. Это чувство не было знакомо многим его товарищам: об этом не принято было всерьез задумываться, да и зачем? Разоренные крестьяне? Толпы бедно одетых людей, выходящих из заводских ворот? Да, право, стоит ли об этом думать, слушая в залитых солнечным светом университетских аудиториях длинные рассуждения педантичного профессора о всеобщей гармонии мира?!

Но Карл Маркс думает об этом чаще, чем хотелось бы тем, кто прочил ему сытую профессию кабинетного ученого. Не сразу он пришел к созданию теории научного коммунизма, названной его именем. Впереди был трудный путь борьбы, невосполнимых потерь, бессонных ночей, титанического труда:

В дерзновенье и в стремленье
Полновластен человек...

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в Трире, городе Рейнской области, экономически и политически одной из наиболее развитых частей Германии.

Отец Карла Маркса, Генрих Маркс — личность талантливая, незаурядная, — относился к сыну с большой нежностью, постоянно заботился о его духовном развитии.

В 1830 году Карл поступил в Трирскую гимназию. Учился он хорошо, добиваясь особенно больших успехов там, где требовались творческая самостоятельность, живое воображение. Маркс прекрасно усваивает латинский и греческий языки, легко толкует древние тексты. По-видимому, именно любовь к древним языкам дала Марксу тот логичный и в то же время живой, полный иронии стиль, отличавший его произведения. Хорошие познания обнаружил Маркс и в математике.

Уже в это время формируются демократические воззрения Маркса, прорывается ненависть ко всему закостенелому, реакционному. После окончания гимназии осенью 1835 года он демонстративно отказался нанести традиционный прощальный визит преподавателю Лёрсу — доносчику и соглядатаю, осуществлявшему политический надзор над учениками.

Особенно ярко характеризует духовный облик молодого Маркса его выпускное сочинение «Размышления юноши при выборе профессии». В сочинении семнадцатилетнего выпускника «мелькнула зарницей мысль» (Ф. Меринг), которая в зрелом возрасте получит блестящее и глубокое развитие: «Если мы избрали профессию, в рамках которой больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем...»

В октябре 1835 года Маркс поступил в Боннский университет. Настало время напряженной учебы, пересмотра традиционных понятий, поисков жизненного пути. Ровно через год Маркс переехал в Берлин, где поступил на юридический факультет Берлинского университета. Здесь, несмотря на господствующую атмосферу затхлости, засилья юнкерства, политической трусливости буржуазии, все еще «витал дух» великого Гегеля.

Наряду с занятиями юриспруденцией, историей, теорией искусства, иностранными языками Маркс все более и более увлекается философией. Он штудирует серьезные философские труды, весной 1837 года «ознакомил-

ся с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников».

Одновременно Маркс сблизился с одним из течений последователей Гегеля — младогегельянцами, чья смелость, уничтожающая критика многих религиозных и философских догм вызывали симпатии молодого мыслителя.

С 1839 года Маркс полностью посвятил себя изучению философии. Плодом его напряженного труда стала диссертация «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура», за которую он получил в 1841 году диплом доктора философии. Несмотря на то, что Маркс оставался в своей работе еще сторонником учения Гегеля, диссертация свидетельствовала о новом шаге в его духовном развитии. Маркс провозгласил принцип активного отношения философии к действительности, заявил о своих атеистических взглядах.

К этому же времени относится начало политической деятельности Маркса. В октябре 1842 года он становится одним из сотрудников и редакторов «Рейнской газеты». Статьи молодого Маркса определяют направленность газеты, полны революционно-демократического звучания. Здесь и ненависть к феодально-монархическому строю, и призыв к демократическим свободам и революционной борьбе. Разумеется, подобные призывы не могли не обеспокоить прусское правительство. Каждый выходивший в свет номер был безжалостно исковеркан цензурой. «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами» [1], — писал Маркс. В начале 1843 года правительство закрыло «Рейнскую газету». В июне того же года Маркс зарегистрировал брак с Женни фон Вестфален, ставшей его верным другом, помощницей и единомышленником в революционной борьбе. Первое время молодожены жили в Крейцнахе, затем переехали в Париж.

Париж — город славных революционных традиций — встретил Маркса шелестом пожелтевшей листвы, дождливым дыханием осени. Это был первый приезд Маркса в столицу Франции и из всех последующих наиболее памятный и значительный. Именно здесь в 1843—1844 годах завершился его переход на революционно-коммунистические позиции, именно здесь зародилась великая дружба с Ф. Энгельсом.

В феврале 1844 года вышел единствеиный иомер журиала «Немецко-французский ежегодннк», в котором Маркс впервые выдвнгает положеине о том, что коммуннстическое преобразоваине общества является единственным реальиым путем преодолеиия ограиичеиностн буржуазиой революции и освобождеиня человека от социальных, национальиых и других оков. При этом он подчеркнвает роль пролетариата как общественной снлы, способиой осуществить это преобразование, выступает уже как пролетарский революциоиер, идеолог рабочего класса, «...апеллирующий к *массам и к пролетариату*»[2].

Смысл этого Маяковскнй образио выразил так:

Маркс раскрыл
истории законы,
Пролетариат
поставил у руля.

В Париже К. Маркс принимал активиое участие в деятельности иемецкой эмнграции, сотрудинчал в газете «Вперед». Но в яиваре 1845 года фраицузские власти в угоду прусскому правительству выслалн редакторов и сотрудников газеты. Маркс с семьей выиуждеи был выехать в Брюссель.

В Брюсселе семья Маркса осталась без средств к существоваиию. Едииствеиный источннк деиег — гонорары за статьи по вопросам текущей политики — для Маркса оказался закрытым, поскольку брюссельская полиция в угоду прусским властям запретила ему публиковать что-либо в прессе. На помощь пришел Фрндрих Энгельс. Ои организовал сбор средств средн сторониников и едииомышленников Маркса в Рейнской областн и сам выслал часть гоиорара за свою киигу «Положение рабочего класса в Англии».

В Брюсселе Маркс с головой уходит в работу. Вместе с Энгельсом прнмерио за шесть месяцев закаичивает рукопись «Немецкой ндеологии», создает ряд других произведений, в том числе в одной из записных киижек набрасывает геииальные «Тезисы о Фейербахе», в которых ему удалось сформулировать нсходиые положеиня нового мнровоззреиия.

Весь предшествующнй опыт классовой борьбы и теоретический анализ прнвели Маркса н Энгельса к выводу, что только революциоииая рабочая партия смо-

жет поднять, организовать и повести рабочий класс на слом старого мира. К тому же в Европе назревали буржуазно-демократические революции, приближение которых явственно ощущалось во многих политических событиях. Рабочий класс, по мысли Маркса, должен был встретить их во всеоружии. И друзья отдают все силы делу создания революционной партии. Еще в начале 1846 года Маркс создает Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, который поддерживал связи с комитетами и группами в Великобритании, Франции, Германии. Он ведет решительную борьбу с представителями различных течений мелкобуржуазного социализма. В июне 1847 года в Лондоне при участии Энгельса состоялся первый конгресс Союза коммунистов.

Реорганизованный Марксом и Энгельсом Союз коммунистов заложил основы всей последующей истории революционного рабочего движения.

На втором конгрессе союза в Лондоне Марксу и Энгельсу было поручено написать его программу. И в феврале 1848 года вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» — одно из первых произведений зрелого марксизма, свидетельство о рождении научного коммунизма.

«В этом произведении, — писал В. И. Ленин, — с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[3].

Революция 1848—1849 годов стала первой исторической проверкой марксизма.

Известие о свержении в Париже «короля банкиров» Луи-Филиппа вызвало бурю восторга в Брюсселе. Жандармы жались к стенам домов. Народ овладел улицей.

Маркс и высланный незадолго до февральских событий из Франции Энгельс разделяли общую радость. Приближался долгожданный день, о котором они так долго мечтали, — день, когда на мостовые германских городов полетят ненавистные короны — символ королевской и княжеской власти.

Но реакция не собиралась сдаваться без боя. К Брюс-

селю стянули войска, которые должны были спровоцировать рабочих на преждевременное выступление. Маркс, незадолго до этого получивший наследство, отдает несколько тысяч франков на вооружение рабочих.

Бельгийская полиция, напуганная активной революционной деятельностью Маркса, поспешила выслать его из страны. 4 марта будущий создатель «Капитала» покидает Брюссель и отправляется во Францию. Однако всеми своими помыслами Маркс находился у себя на родине, в Германии.

После мартовских баррикадных боев в Берлине, когда реакция в лице прусского короля Вильгельма вынуждена была склонить голову перед павшими революционными бойцами, немецкие эмигранты в Париже получили возможность вернуться на родину.

В апреле 1848 года Карл Маркс приезжает в Германию.

В Кельне он приступает к созданию «Новой Рейнской газеты», которая с первого же номера становится рупором революционной демократии. Маркс и Энгельс четко определили программу печатного органа: ликвидацию прусских и австрийских государств — оплотов реакционных порядков, создание единой республиканской Германии. «Новая Рейнская газета» последовательно проводила линию на углубление революции, с пролетарских позиций оценивала развитие политической борьбы.

Маркс стал душой редакции. Он определял стратегическую линию газеты, распределял среди сотрудников задания, вел обширную переписку, редактировал, распоряжался финансами. Когда издание оказалось в тяжелом материальном положении, он пожертвовал значительную сумму денег из наследства отца. У тридцатилетнего главного редактора газеты были блестящие помощники: Фридрих Энгельс, из-под пера которого выходили энергичные и необычайно глубокие по содержанию статьи, секретарь редакции и публицист Вильгельм Вольф, поэт Георг Веерт, Генрих Бюргерс, Фердинанд Вольф и другие. Благодаря их таланту «Новая Рейнская газета» приобретала новых сторонников и вызывала великую ненависть у правящих классов.

Кроме работы в редакции, которая отнимала у Маркса много времени и сил, он входил в руководство кельнского Демократического общества, в Рейнский окружной

комитет демократов. Весной 1849 года он предпринял шаги к объединению рабочих союзов в массовую пролетарскую партию, но наступление реакции сорвало эти планы. В мае 1849 года прусское правительство добилось прекращения выпуска газеты. Последний номер «Новой Рейнской газеты» издатели напечатали красной краской.

«Мы вынуждены были сдать свою крепость, — вспоминал о последних днях «Новой Рейнской газеты» Энгельс, — но мы отступили с оружием и снаряжением, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера».

В июне Маркс выехал в Париж, но и здесь реакция не оставила его в покое. В августе Маркс вынужден был переехать в Великобританию. В Лондоне он занялся дальнейшей разработкой теории научного коммунизма.

Гению Маркса принадлежит величайшая заслуга разработки научного, коммунистического мировоззрения.

Созданное в содружестве с Энгельсом, это мировоззрение представляет собой стройную систему философских, экономических и социально-политических взглядов. Марксизм явился результатом критического усвоения и дальнейшего развития всех предшествующих достижений человеческой мысли.

Впервые в трудах Маркса материализм был распространен на историю человеческого общества, впервые диалектический метод, поставленный Гегелем «с ног на голову», был применен к анализу законов развития природы, общества и познания. Это был подлинно революционный переворот, пролетариат получил мощное теоретическое оружие в борьбе против своих угнетателей.

Главное условие коренного изменения мира Маркс видел в освобождении пролетариата от капиталистической эксплуатации, в замене буржуазного способа производства новым, более прогрессивным — коммунистическим. Такая замена не могла произойти сама собой. Под руководством своей партии пролетариату надо было вступить в ожесточенную классовую борьбу, которая неизбежно должна привести к социалистической революции и установлению диктатуры пролетариата.

В противоположность всем предыдущим теориям и религиям, которые провозглашали свои догмы неизменными и вечными, научный коммунизм — это живое,

творческое учение. «Наша теория не догма, а *руководство к действию»*, — говорили К. Маркс и Ф. Энгельс.

Новое учение стало неразрывно связано с практической деятельностью людей, с революционной борьбой рабочего класса. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс подчеркивает решающее значение практики как в жизни общества, так и в процессе познания. Революционный характер коммунистического мировоззрения он выразил в заключительном тезисе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»[4].

Конечно, не сразу были разработаны краеугольные положения марксизма. Для этого понадобились долгие дни и ночи, заполненные кропотливым, прямо-таки каторжным трудом.

Одним из важнейших произведений Маркса стал «Капитал».

Маркс приступил к детальному изучению политэкономии капитализма с середины 40-х годов. Он не без основания считал, что именно эта сфера исследования позволит ему понять специфические законы капитализма, раскрыть «анатомию гражданского общества». Эта работа потребовала величайшего напряжения всех сил. «Я работаю, — писал он в декабре 1857 года Ф. Энгельсу, — как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований...». Месяц спустя еще одно признание: «Я чересчур злоупотреблял ночной работой...»

Только сознание того, что он делает нужное для рабочего класса дело, позволило Марксу выдержать это гигантское перенапряжение духовных и физических сил.

В январе 1859 года экономическая рукопись готова. В ней, по сути дела, заключен план создания шести книг: о капитале, о земельной собственности, о наемном труде, о государстве, о внешней торговле и о мировом рынке.

У Маркса, однако, нет ни гроша, чтобы переслать рукопись издателю. Вряд ли когда складывалась подобная ситуация: ученый, избравший предметом своего исследования политэкономию капитализма, крупнейший теоретик по вопросам денег... самих денег не имеет.

Один из первых биографов Маркса — Франц Меринг писал с грустной иронией по этому поводу: «Счета и

впоследствии не сходились у этого классического теоретика денежного обращения».

Как всегда, на помощь пришел Энгельс. Рукопись отправлена к издателю и вскоре выходит под названием «К критике политической экономии. Первый выпуск».

«К критике политической экономии» — одно из гениальных произведений Маркса. Особенно известно предисловие к книге, в котором впервые были изложены в систематизированном виде основные положения нового материалистического понимания истории.

Маркс между тем считал, что его труд — лишь первый подступ к теме, требующей своего дальнейшего развития. Таким продолжением и стал «Капитал», в котором автор реализовал план создания одной из шести книг, набросанный в «К критике политической экономии».

Маркс приступил к этой работе сразу же после выхода в свет своего первого экономического исследования. Ежедневно много часов он проводил в библиотеке Британского музея, заполняя свои тетрадки подробными конспектами прочитанных книг. Но все же основная теоретическая работа проходила дома, за письменным столом скромно обставленного кабинета. Воспоминания друзей Маркса восстанавливают внешний вид этой комнаты: большое деревянное кресло, столы, заваленные рукописями, полки с книгами и газетами, камин, на котором стояли фотографии родных и самых близких друзей: Фридриха Энгельса и Вильгельма Вольфа. Посреди комнаты вытертая из-за бесконечного ночного хождения дорожка... Все просто, даже бедно... Но именно отсюда Маркс был связан тысячами нитей с борьбой рабочего класса, именно здесь, склоняясь над страницами книг, он видел за строчками и колонками цифр отношения реальной жизни.

По своему обыкновению Маркс работал необычайно много и напряженно. Лишь иногда, почувствовав усталость, он откладывал рукописи и отдыхал... занимаясь высшей математикой. И все же переутомление дает о себе знать — Маркс жалуется на недомогание и боли в печени.

«Поверьте мне, — читаем в одном из его писем Женни Маркс, — вряд ли какая-нибудь книга писалась в более тяжелых условиях...»

В конце марта 1867 года, после почти десятилетнего труда, первый том был готов к печати. Энгельс, сразу

же извещенный об этом событии, не может сдержать радости: «Ура! От этого возгласа я не мог удержаться, когда наконец прочитал черным по белому, что первый том **готов»**. В конце того же года «Капитал» вышел из печати...

В центре исследования Маркса — отношения, которые складываются между капиталом и трудом, буржуазией и пролетариатом. Вождь I Интернационала срывает покров «вечности и божественности» с капитала, который набросили на него буржуазные экономисты. Капитал — это не просто сумма денег, скопленная бережливым предпринимателем, а общественные отношения, основанные на беззастенчивом ограблении и безжалостной эксплуатации наемных рабочих. Маркс подчеркивает, что капитал, «едва появившись на свет, источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят».

Чтобы определить подлинное место капитала в системе социально-экономических отношений, Маркс раскрыл саму суть капиталистической эксплуатации. Эту задачу не смогли решить ни буржуазные экономисты, ни социалисты-утописты. Нужен был поистине гений Маркса, чтобы, отталкиваясь от анализа свойств и противоречий товара, этой подлинной «клеточки» капиталистической экономики, прийти к закону присвоения капиталистами неоплачиваемой части труда рабочего — прибавочной стоимости. По образному выражению Ленина, это открытие стало «краеугольным камнем экономической теории Маркса».

Но Маркс не ограничился изучением только этого закона: он раскрыл смысл основного противоречия капиталистического строя, доказал неизбежность его гибели и победы нового, коммунистического строя.

Это был смертный приговор капитализму. Благодаря «Капиталу» была разрушена вера в незыблемость капиталистического общества еще до того, как началось его крушение. Эта книга помогла пролетариату обрести ясные цели, стала мощным оружием в борьбе за освобождение от эксплуатации.

«С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появилось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами», — писал по поводу первого издания «Капитала» Энгельс [5].

Наряду с титанической научной работой К. Маркс

продолжал активно заниматься организационными делами революционного движения. В личности Маркса, по словам Вильгельма Либкнехта, органически слились черты гениального мыслителя, совершившего революционный переворот в общественных науках, и несгибаемого революционера, борца. Ему принадлежит ведущая роль в организации Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала, учредительный съезд которого состоялся в 1864 году. Он возглавил его руководящий орган — Генеральный совет. В подготовленных Марксом «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» и «Временном уставе Товарищества» он изложил программные положения, в которых определил революционную направленность Интернационала и развил идеи пролетарского интернационализма.

С лета 1870 года внимание Маркса было приковано к Франции. Здесь, в северных департаментах страны, развертывались грозные события франко-прусской войны: капитуляция войск Наполеона III под Седаном, сентябрьская революция в Париже, покончившая с прогнившим режимом Второй империи, провозглашение республики...

Новое правительство, боявшееся собственного народа больше, чем Бисмарка и прусских интервентов, попыталось разоружить национальную гвардию. В ночь на 18 марта 1871 года верные правительству войска двинулись к высотам Монмартра, чтобы увезти пушки национальной гвардии. Но попытка провалилась. Возмущенный народ взял власть в свои руки. 26 марта в Париже была провозглашена Коммуна.

Излишне говорить, с каким горячим интересом и участием следил Маркс за развитием событий, жадно ловя каждую новую весточку о Коммуне. Впрочем, что это за вести? Буржуазная пресса намеренно искажает события, рисуя коммунаров самыми мрачными красками, распространяясь о «беззакониях и ужасах», творимых коммунарами. И все же Марксу удавалось и в этом потоке лжи найти крупицы правды. А несколько позже ему удалось установить контакт с парижской секцией Международного Товарищества Рабочих.

Маркс восхищался парижанами: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» Он предостерегал Коммуну о возможности контрреволюционного сговора

Бисмарка с Тьером; он приветствовал многие мероприятия парижан: «Декреты о квартирной плате и коммерческих векселях — поистине мастерский ход».

Одновременно Маркс обратился к социал-демократии разных стран развернуть движение солидарности с Коммуной. Он призывал рабочих Англии, Германии, Австрии и других стран организовать массовые выступления в защиту парижан.

Между тем известия, приходившие из столицы Франции, были одно хуже другого. Тьер, оправившись от испуга, с помощью Бисмарка сколотил армию и повел наступление на Коммуну. В мае бои шли уже в самом городе. Версальцы захватывали один район за другим, без суда расстреливали пленных коммунаров.

Маркс тяжело переживал рассказы о бесчеловечных актах мести торжествующей буржуазии. Это сказалось на его здоровье: на несколько дней пришлось лечь в постель.

30 мая, когда коммунары защищали последние баррикады в Париже, Маркс зачитал перед членами Генерального совета текст воззвания, озаглавленного «Гражданская война во Франции». Приходится удивляться, как Марксу, современнику и участнику событий, удалось сразу же дать глубокий научный анализ Парижской коммуны, предостеречь от ее ошибок будущие революционные выступления рабочих.

Коммуна стала историческим подтверждением правильности научной теории, созданной Марксом.

В воззвании Маркс подчеркнул, что Коммуна стала первым опытом диктатуры пролетариата, показала необходимость слома старого государственного аппарата, союза с другими слоями трудящегося населения.

В последние годы своей жизни Маркс большое внимание уделял дальнейшему совершенствованию революционной теории, формированию пролетарских партий в отдельных странах и укреплению интернациональных связей между ними.

Глубокий интерес проявлял Маркс к России. Его связи с представителями русского революционного движения с каждым годом укреплялись. Он высоко ценил русскую демократическую литературу, считал, что Россия может сыграть важную роль в мировом революционном процессе. В июне 1858 года К. Маркс писал о том, что «...существует еще одна великая держава, которая де-

сять лет тому назад чрезвычайно энергично сдерживала напор революции. Мы имеем в виду Россию. Но в настоящее время у нее самой под ногами накопился горючий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться. Симптомы войны крепостных крестьян внутри России настолько очевидны, что самим местным властям приходится для объяснения этого необычайного брожения обвинять в нем Австрию, которая будто бы с помощью тайных эмиссаров распространяет по всей стране социалистические и революционные учения»[6].

В письме к Л. Кугельману 12 октября 1868 года К. Маркс сообщал о том, что несколько дней тому назад один петербургский книгоиздатель поразил его известием, что он печатает русский перевод «Капитала», и просил автора послать ему свою фотографию. Первой иностранной нацией, которая переводит «Капитал», добавляет Маркс, оказывается русская.

В одном из писем Энгельсу Маркс сообщал, что из Петербурга ему прислали том Флеровского о положении русских крестьян и рабочих. К сожалению, констатировал Маркс, он написан по-русски.

Марксу было пятьдесят два года, когда он решил всерьез заняться русским языком, считая, что при изучении аграрного вопроса невозможно обойтись без изучения по первоисточникам отношений земельной собственности в России. Через год Маркс отмечал, что по-русски он читает уже «довольно сносно».

10 февраля 1870 года в письме Энгельсу Маркс сообщал, что из книги Флеровского он прочел первые 150 страниц, которые посвящены Сибири, Северной России и Астрахани. «Это, — заявляет Маркс, — первый труд, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Автор — решительный враг того, что он сам именует «русским оптимизмом»[7].

Спустя месяц Маркс, по-прежнему внимательно штудирующий Флеровского, пишет Лафаргам: «...Книга Флеровского «Положение рабочего класса в России» — выдающийся труд. Я очень рад, что в состоянии теперь довольно бегло читать ее с помощью словаря. Здесь впервые полностью обрисовано экономическое положение России. Это добросовестный труд. В течение 15 лет автор путешествовал от западных границ страны до Восточной Сибири, от Белого моря до Каспийского с

единственной целью — изучить факты и разоблачить традиционную ложь... После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция — разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это — добрые вести. Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия...» [8]

В письме членам Комитета русской секции Международного Товарищества Рабочих в Женеве от 24 марта 1870 года Маркс сообщает, что он с удовольствием принял предложенную ими почетную обязанность быть их представителем в Генеральном совете. В конце письма он писал: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века» [9].

В трудах Герцена, Чернышевского, Берви-Флеровского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Добролюбова, Пушкина Маркс черпал данные о положении и борьбе народных масс, об истории передовой общественной мысли. В переписке К. Маркса с русскими революционерами постоянной темой было обсуждение вопросов русской революции. Маркс внимательно изучал причины революционной ситуации, связанной с борьбой против крепостного права.

В 1871 году на Лондонской конференции Интернационала Маркс отмечал, что в России дан «сильный толчок рабочему классу, среди которого очень силен дух интернационализма и солидарности». «Маркс и Энгельс, — писал В. И. Ленин, — были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение». В 10-ю годовщину Парижской коммуны Маркс и Энгельс пророчески предсказывали, что развивающееся революционное движение в России «в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны».

На долю Маркса выпали все тяготы эмигрантской жизни. Верные слуги капитала — буржуазные правительства постоянно его преследовали. А семья нередко была лишена самого необходимого. В жертву делу своей

жизни, борьбе за торжество коммунизма он принес, по его собственным словам, здоровье, жизненное счастье и свою семью. Его жена и верный друг Женни разделила с мужем все горести его беспокойной жизни: скитания, эмиграцию, нищету, яростную травлю. Из семи их детей выжило лишь трое дочерей — Женни, Лаура, Элеонора. Жена была ближайшим помощником и советчиком Маркса, его «добрым гением». Она дожила до той поры, когда имя Маркса стало символом нового борющегося мира — от России до Америки.

Два человека играли в жизни Маркса исключительную роль: Женни и Энгельс.

Маркс очень ценил юмор Женни, ее тонкий эстетический вкус и обширные познания. Женни, несмотря на обремененность семейными заботами, многие годы была его незаменимым секретарем, переписчиком его сочинений. Она вела переписку со многими деятелями международного рабочего движения и принимала близко к сердцу все, что связано с этим движением. Когда Женни скончалась, Энгельс обронил фразу: «Мавр умер тоже» (самые близкие друзья и члены семьи любовно называли Маркса Мавром). Энгельс знал, что Карл и Женни буквально не могли жить друг без друга.

Гениальность Маркса понимали многие его современники. Кому приходилось общаться с великим мыслителем, говорили и писали о всеобъемлющем характере гения Маркса, его колоссальной эрудиции, о покоряющей мощи его ума, таланта. Когда одного из современников Маркса спросили, какое впечатление на него произвел вождь I Интернационала, он, подумав, ответил: «Это Аристотель XIX века».

Впрочем, не все были с этим согласны. «Представь себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля в одном лице... и перед тобою будет доктор Маркс», — писал в 1841 году одному своему другу молодой почитатель таланта Маркса Гесс.

Знакомство с трудами Маркса показывает силу, мощь и многогранность гения Маркса. Величие Маркса состоит в том, что он дал ответы на вопросы, которые были поставлены в порядок дня всем ходом исторического развития. Маркс совершил величайший переворот во взглядах на природу и общество.

Многие современники К. Маркса отмечают, что он был исключительно простым, доступным и общительным

человеком. Как-то на досуге его дочь Женни предложила ответить на вопросы анкеты. Впоследствии анкета стала широко известной под названием «Исповедь».

Вопрос: Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях?

Ответ: Простота.

Маркс не только ценил это качество в людях, но и сам был очень простым, скромным человеком. В его дом приходили люди из Сибири и Америки, с фабрик Манчестера и из парижских салонов. Разумеется, рабочих здесь встречали любезней, чем встречают князей и графов. И каждый получал необходимый совет и поддержку. Но Маркс извергал «громы» на каждого, кто проявлял поползновения к «идолопоклонству». Когда Маркс однажды собрался в гости к старшей дочери, то предупредил ее специальным письмом, чтобы она не беспокоилась относительно точного дня и часа приезда и не сообщала никому о его намерении. Это Маркс объяснил тем, что ничто его так не выводит из равновесия, как встречающие на вокзале. После выхода «Капитала» друзья Маркса организовали публикацию в одной из газет заметок рекламного толка. Это вызвало протест Маркса. «Подобные вещи, — заявил он, — я считаю скорее вредными, чем полезными, и недостойными человека науки. Так, например, издатели Энциклопедического словаря Мейера уже давно писали мне и просили мою биографию. А я не только не дал ее, но и на письмо не ответил».

Вопрос: Достоинство, которое Вы больше всего цените в мужчине?

Ответ: Сила.

Молодой Энгельс, воспевая силу Маркса, написал:

> То ТРИРА черный сын с НЕИСТОВОЙ душой.
> Он не идет, — бежит, нет, катится лавиной,
> Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
> А руки он простер взволнованно вперед,
> Как бы желая вниз обрушить неба свод.
> Сжимая кулаки, силач неутомимый...

Вопрос: Ваша отличительная черта?

Ответ: Единство цели.

В молодости Марксу предложили поступить на государственную службу, но он отказался. «Я должен лю-

бой ценой идти к своей цели и не позволю буржуазному обществу превратить меня в машину, делающую деньги».

В своем письме З. Мейеру Маркс писал: «...Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я был в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным,* если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи».

Вопрос: Ваше представление о счастье?

Ответ: Борьба.

В «Циркулярном письме», написанном осенью 1879 года, основоположник научного коммунизма писал: «...В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу... между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса».

В начале 80-х годов здоровье Маркса заметно ухудшилось. В декабре 1881 года умерла его жена, а в январе 1883-го — старшая дочь Женни. Это подрывает последние силы великого мыслителя. 14 марта 1883 года Маркса не стало. 17 марта на Хайгетском кладбище в Лондоне состоялись его похороны. Здесь Энгельс в своей речи произнес слова: «И имя его, и дело переживут века». Это были поистине пророческие слова.

Октябрьская революция открыла эпоху крушения капитализма и перехода общества к социализму и коммунизму. Все последующие события на международной арене — образование мировой социалистической системы, громадное расширение и углубление революционного процесса, включая гигантский размах национально-освободительного движения народов, — непосредственно связаны с идеями Маркса.

Даже буржуазные идеологи вынуждены признать несокрушимую силу марксизма.

Известный американский писатель Эдмунд Вильсон в книге «Путь к Финляндскому вокзалу» пишет, что учение Маркса является «полной и последовательной теорией, которая вскрыла в прошлом больше тайн, прояснила в настоящем больше сложных проблем и открыла в будущее более практичный путь, чем какая-либо другая до него созданная теория». «И после него» — такое дополнение к приведенному выводу Вильсона сделал профессор политических наук Калифорнийского университета Роберт Вессон в его книге «Ну почему же марксизм?». «Маркса после смерти ждал беспрецедентный успех. Почти повсюду марксизм является очень важной частью политической атмосферы... Марксизм-ленинизм — единственное политическое движение всемирного характера», — пишет Вессон.

Впрочем, для буржуазных писателей и ученых так и остается загадкой, почему учение Маркса стало движением миллионов тружеников. А между тем ответ на этот вопрос дан давно.

На III съезде РКСМ в октябре 1920 года Владимир Ильич Ленин сказал, что учение марксизма стало учением миллионов и десятков миллионов пролетариев во всем мире, применяющих это учение в своей борьбе против капитализма. Почему? Ответ может быть один: Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме. Он изучил законы развития человеческого общества и понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму. Все то, что человеческой мыслью было создано, Маркс переработал, подверг критике, практически проверил на рабочем движении и сделал те выводы, которые связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Встреча, которая длилась сорок лет

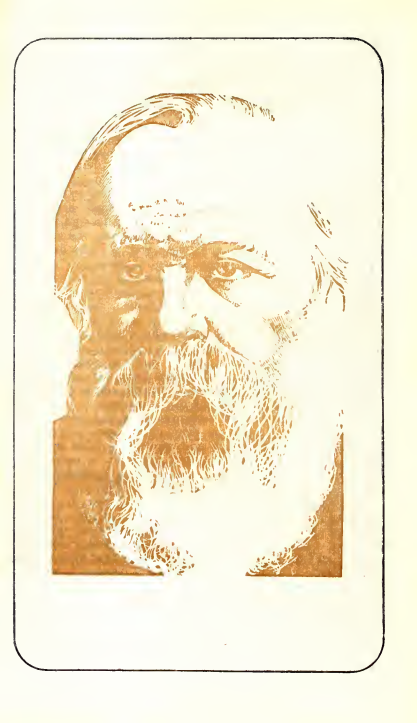
В августе 1844 года возвращавшийся из Англии в Германию Ф. Энгельс заехал в Париж, чтобы поближе познакомиться с К. Марксом. Оба достаточно много слышали друг о друге, даже мельком виделись в редакции «Рейнской газеты», но тесных личных контактов не было. И вот Париж, узкая улица Ванно, скромная квартира доктора Карла Маркса и бесконечные, до позднего вечера разговоры. Оба вдруг разом ощутили, что они единомышленники. Единомышленники не только в том общем деле, которому они себя посвятили, но и по духу, интересам. Они почувствовали ту неуловимую симпатию друг к другу, которая перерастает в дружбу. «Когда я летом 1844 года посетил Маркса в Париже, — вспоминал позже Ф. Энгельс, — выявилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа».

Десять дней, проведенных в Париже, пролетели как один день. И вот снова задымленный вокзал, взволнованный Маркс в распахнутом сюртуке... Они расставались... Расставались, еще не зная, что эта короткая встреча станет встречей, которая будет длиться сорок лет...

«Старинные предания, — писал В. И. Ленин, — рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»[1].

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 года в городе Бармен (Рейнская провинция Пруссии) в семье фабриканта. В 1834 году он поступил в гимназию в Эльберфельде. Но отец решил, что его старший сын должен быть коммерсантом, и поэтому Фридрих Энгельс вынужден был оставить гимназию за год до ее окончания и заняться коммерческой деятельностью. Однако в свободные часы он упорно занимается самообразованием: глубоко изучает труды философов, историков и экономистов, осваивает многие иностранные языки.

Молодой Энгельс внимательно присматривается к окружающему его миру. Столкнувшись с нищетой рабочих-текстильщиков, он был до глубины души воз-

мущен и не скрывал своих чувств, чем вызвал бурное негодование своего отца. В 1839 году в своих «Письмах из Вупперталя» Энгельс гневно клеймил бесчеловечность имущих классов: «Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих... Но у богатых фабрикантов эластичная совесть...» [2]

Чувство справедливости, присущее уже молодому Энгельсу, привело его к простым труженикам, людям труда, руками которых были созданы все богатства мира. И чем крепче была симпатия и любовь к ним, чем больше он находил в «низших классах» высокие нравственные качества, тем сильнее становилась ненависть к их угнетателям — буржуазии, феодальным владыкам. Вот что писал Энгельс о прусском короле: «Я ненавижу его... я смертельно ненавижу его; и если бы я не презирал до такой степени этого подлеца, то ненавидел бы его еще больше». Энгельс мечтал о том времени, когда народ почувствует свою силу и вступит в патриотическую борьбу за «великую, единую, равноправную нацию».

После отбытия воинской службы Энгельс в октябре 1842 года вернулся из Берлина в Бармен. По настоянию старшего Энгельса в ноябре этого же года он переехал в Манчестер (Англия), чтобы поступить на службу в торговую контору бумагопрядильни «Эрмен и Энгельс», совладельцем которой был его отец.

В Англии, передовой капиталистической стране, Энгельс воочию убедился, к чему стремились буржуа из Бармена, когда ставили в пример процветание и достижения Англии: к еще большей роскоши, к еще более высокой прибыли, к еще более сильной эксплуатации. Контрасты Манчестера потрясли Энгельса.

Но Англия позволила сделать Энгельсу и другое открытие — пролетариат не только страдающий класс, но и борющийся. Молодой Энгельс внимательно присматривается к развернувшемуся в стране чартистскому движению, знакомится со многими его руководителями. Уже первые статьи, написанные им в Англии и опубликованные в «Рейнской газете», раскрывают процесс созревания его социалистических убеждений.

Еще ранее, в 22-летнем возрасте, Энгельс опубликовал брошюру «Шеллинг и откровение». Она привлекла внимание не только в Германии, но и за рубежом и по-

служила исходной позицией перехода Энгельса от идеализма к материализму. В 1844 году Энгельс изложил плоды своих практических и теоретических занятий, поместив в «Немецко-французском ежегоднике» статью под заглавием «Наброски к критике политической экономии». Здесь он впервые сделал попытку объяснить все противоречия капиталистического строя их истинным источником — частной собственностью. Маркс в «Капитале» назвал эту статью «гениальным эскизом».

Энгельсу не было и 25 лет, когда он написал книгу «Положение рабочего класса в Англии». По словам В. И. Ленина, эта работа — одно из лучших произведений в мировой социалистической литературе. «Энгельс *первый* сказал, — подчеркивал Ленин, — что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе.* Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*»[3]. Этим произведением Энгельс заложил один из краеугольных камней научного понимания политической экономии, показал, что в своих ранних работах он независимо от Маркса вплотную подошел к материалистическому пониманию истории.

После встречи и личного знакомства с Марксом в Париже Энгельс в 1844 году возвратился в Германию, где активно участвовал в организации многолюдных собраний и диспутов, в создании коммунистических печатных органов, в массовых выступлениях против феодальной политики правительства. Но его революционная деятельность не могла долго оставаться незамеченной для прусской полиции. Весной 1845 года он переезжает в Брюссель, где проживал тогда Маркс, и совместно с ним посвящает свои силы разработке революционной теории.

В начале 1847 года Маркс и Энгельс вступили в Союз справедливых. Это была организация, объединяющая в Лондоне небольшое количество рабочих, главным образом эмигрантов. Программа союза с привлекательным на первый взгляд лозунгом «Все люди братья» носила

утопический характер и, конечно, ни в коей степени не могла удовлетворить Маркса и Энгельса. Они потребовали реорганизации союза. После их вступления Союз справедливых был преобразован в Союз коммунистов. В июне 1847 года в Лондоне состоялся конгресс, на котором произошло основание новой организации. Энгельс принял в нем участие как делегат парижских коммунистов. Маркс на I конгрессе отсутствовал, приехать не позволили денежные затруднения. Конгресс подготовил новый устав, принял новое название союза. Старый девиз был заменен революционным классовым лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

После конгресса Энгельс вместе с Марксом организовали в Брюсселе общину Союза коммунистов и Немецкое рабочее общество. В сентябре — октябре 1847 года оба приняли участие в создании международного демократического объединения в Брюсселе — «Демократическая ассоциация». В октябре 1847 года Энгельс снова уезжает в Париж, где принял активное участие в подготовке второго конгресса Союза коммунистов. Здесь им был создан проект программы союза, известный под названием «Принципы коммунизма». Это произведение послужило основой для гениального «Манифеста Коммунистической партии».

Незадолго до февральской революции 1848 года Энгельс был выслан из Парижа французским правительством Поводом для этого послужила его речь, полная революционных призывов, перед немецкими эмигрантами, о которой стало известно властям. Энгельс отправился в Брюссель, где вместе с Марксом активно участвовал в деятельности рабочих организаций, продолжал печатать свои революционные статьи на страницах «Немецкой Брюссельской газеты».

25 февраля 1848 года парижские рабочие свергли монархию Луи-Филиппа и провозгласили Вторую республику. Французский пролетариат вновь оказался во главе европейского движения. «Германия, надо надеяться, последует за Францией. Теперь или никогда воспрянет она из своего униженного состояния! Если есть у немцев еще энергия, гордость и мужество, не пройдет и четырех недель, как мы тоже воскликнем: «Да здравствует Германская республика!» — писал в те дни Энгельс.

Республиканское правительство Франции направило

Марксу почетное приглашение вернуться во Францию, которое он принял. 20 марта из Брюсселя выехал в Париж и Энгельс. Но последующие события резко изменили планы друзей. По Парижу разнеслись слухи о победе народа в Берлине. Революция наконец-то вспыхнула и в Германии. В апреле 1848 года Энгельс вместе с Марксом и группой ближайших сторонников возвращаются на родину. Активно участвуя в революционном движении, они создают в Кёльне боевой орган революционной демократии — «Новую Рейнскую газету», проявлявшую повсюду, по словам Энгельса, свой пролетарский характер. Со страниц газеты они звали немецкий народ к решительной борьбе против феодальных порядков и абсолютизма, разоблачали предательство буржуазии, трусость и непоследовательность мелкобуржуазных демократов. При помощи своей газеты Маркс и Энгельс направляли деятельность демократических организаций, руководили борьбой народных масс. Энгельс написал в газете серию статей, посвященных июньскому восстанию 1848 года в Париже. В них он дает анализ хода вооруженной борьбы, вскрывает ошибки, допущенные восставшими, и выясняет с военной точки зрения, при каких условиях парижский пролетариат мог бы победить. С большим талантом и глубоким знанием дела Энгельс освещает ход национально-освободительной войны в Италии и в Венгрии — против австрийской монархии. «Он — настоящая энциклопедия, — писал Маркс, — работать способен в любое время дня и ночи... пишет и соображает быстро, как черт». В конце сентября «Новая Рейнская газета» временно по распоряжению властей прекратила свой выход, а Энгельс ввиду угрожавшего ему ареста вынужден был бежать из Германии в Швейцарию. Но в январе 1849 года он снова возвратился в Германию.

В мае 1849 года в Рейнской провинции и Южной Германии развернулась вооруженная революционная борьба. Энгельс вступил в добровольческий отряд А. Виллиха, члена Союза коммунистов, и провел всю кампанию в Пфальце и Бадене. Он брал на себя выполнение самых опасных поручений, а в дни боев его место всегда было на передовой линии. «Все, кто видел его под огнем, — писала об Энгельсе Элеонора Маркс, — еще долго потом рассказывали о его необычайном хладнокровии и абсолютном пренебрежении ко всякой опас-

ности». Лишь когда революция окончательно потерпела поражение, Энгельс с последними остатками разбитой революционной армии покинул 12 июля 1849 года Германию, поселившись снова в Швейцарии. Но вскоре он переезжает в Лондон, где к тому времени уже находился Маркс, и вместе с ним принимает участие в реорганизации и укреплении Союза коммунистов, активно занимается научной деятельностью.

В ноябре 1850 года по настоянию отца Энгельс переехал из Лондона в Манчестер и начал работать в торговой конторе фирмы «Эрмен и Энгельс». Как ни ненавидел Энгельс свое новое занятие, как ни мечтал о свободном времени для научных изысканий, горячее желание оказать материальную поддержку Марксу и его семье побудили его принять предложение отца. Энгельс готов был идти на любую жертву, чтобы помочь своему другу завершить работу над «Капиталом». «...Не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, — писал В. И. Ленин, — Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты»[4].

По сути дела, Энгельс стал членом семьи Маркса. Дочери Маркса любили его. как второго отца. Приезд Энгельса в Лондон становился настоящим праздником и вызывал хлопоты еще задолго до появления в доме гостя. Сам Маркс, как вспоминает Поль Лафарг, от нетерпения не мог работать. «Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания».

Дружба между Марксом и Энгельсом не ослабевала с годами. Напротив, после каждой встречи они открывали друг в друге новые достоинства, черпали силы для своего творчества. В 70-е годы, когда Маркс стал часто болеть, Женни Маркс в одном из писем с шуткой заметила: «Энгельс... действует на Мавра лучше, чем какое угодно количество лекарств, тем, что забирает его с собой в длительные прогулки».

Все основные выводы, к которым приходил Маркс в ходе своих научных занятий, он сообщал Энгельсу и требовал его отзыва: «...Это для меня важнее всего того, что может сказать весь свет...» Прежде чем давать ответ на поставленные им вопросы, Энгельс самостоятельно подвергал их глубокому теоретическому анализу.

В два часа иочи 16 августа 1867 года, когда последний лист корректуры первого тома «Капитала» был отправлен в печать, Маркс писал Энгельсу: «Итак, *этот том готов.* Только ***тебе*** обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвоваиия ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!.. Привет, мой дорогой, верный друг!»[5]

И в период сотрудничества с Марксом, и после его смерти Энгельс самостоятельно написал ряд гениальных произведений — «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и многие другие.

Научный труд «Аити-Дюринг» — это одно из великих творений марксизма. В нем сведена воедино вся совокупность теоретических выводов и принципов марксизма. Можно без преувеличения сказать, что после «Капитала» Маркса главнейшим из трудов основоположников научного социализма является «Анти-Дюринг» Энгельса. В книге дана характеристика социализма как нового общественного строя, не знающего антагонистических классовых противоречий и эксплуатации человека человеком. В. И. Ленин не случайио называл «Аити-Дюринг» удивительно поучительной и содержательной книгой, подчеркивая, что в ней разработаны величайшие вопросы из области естествознания и общественных наук.

Работа Ф. Энгельса, разоблачавшая врагов революционного мировоззрения, была иаправлена прежде всего против Е. Дюринга, который провозгласил себя единственным «истинным» философом «иастоящего времени и обозримого будущего». Он представлял дело таким образом, будто те, кто расходится во взглядах с ним, расходятся «с истиной в последней инстанции». В резкой форме Дюринг отзывался не только о совремеиниках — ученых различных отраслей науки, но и о предшественниках. Так, дарвинизм, по его оценке, «представляет собой порядочное скотство, направленное против человечности», а социалисты-утописты окрещены «социальными алхимиками». Произведения же Маркса, вещал Дюринг, «должны быть упомянуты разве только как симптомы влияния одной отрасли новейшей сектантской схоластики».

Подобные оцеики и побудили Ф. Энгельса взяться за

перо: «Мы сочли только своим долгом, с одной стороны, дать пример того, что г-н Дюринг называет «образцами деликатного и истинно скромного способа выражения», а с другой — констатировать, что для г-на Дюринга негодность его предшественников есть нечто столь же твердо установленное, как его собственная непогрешимость»[6].

Затем Энгельс в острой полемической форме подвергает уничтожающей критике скороспелые домыслы Дюринга и дает при этом позитивное изложение основных положений марксизма. В книге просто и убедительно излагаются основные положения марксистской философии, обстоятельно раскрыты научные основы экономической теории. Энгельс сделал ряд выводов и определений, которые широко используются ныне в учебниках и учебных пособиях по этой дисциплине. Автор «Анти-Дюринга» остановился на характеристике производственных отношений, показал их исторически преходящий характер и объективную необходимость замены капиталистических отношений коммунистическими.

Большое внимание в трудах Энгельса уделено разработке вопросов организации производства. Он, в частности, отмечал значение соединения сознательной организации общественного производства с планомерным распределением. «Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начинает свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»[7].

Непосредственно с «Анти-Дюрингом» связана другая работа Энгельса — «Диалектика природы», над которой он работал более 10 лет. В ней автор дал философское обобщение всех наиболее значительных достижений естественнонаучной мысли своего времени. В книге содержится глубокая критика механистического материализма, идеалистических теорий буржуазных ученых и их метафизического метода.

Используя новейшие данные науки, Ф. Энгельс изложил общую картину диалектического развития природы от самых простых, низших из известных тогда форм движения материи до возникновения и развития жизни, по-

явления человека и развития человеческого общества. Великий мыслитель ставит вопрос о необходимости тщательного изучения переходов различных форм движения материи друг в друга, тем самым призывая ликвидировать разрыв между отдельными естественными науками. В этой работе Энгельс предвосхитил некоторые позднейшие достижения науки в области физики и химии, биологии и психологии.

Последние 12 лет жизни Энгельса прошли уже без Маркса. В эти годы он обогатил сокровищницу марксизма новыми открытиями и выводами, с искусством и энергией подлинного революционного вождя выполнял обязанности идейного наставника социал-демократических партий Европы и Америки. Многочисленные представители борющегося пролетариата и прогрессивной интеллигенции из самых разных стран обращались к нему за советом и поддержкой, и он щедро делился своими огромными знаниями и опытом.

Поистине подвиг ученого-коммуниста совершил Энгельс при подготовке второго и третьего томов «Капитала». Когда Маркса не стало, противники марксизма стали усиленно распространять версию о том, что Маркс дальше первого тома «Капитала» не продвинулся, что разговоры о готовящемся втором томе были не более чем «хитрой уверткой Маркса» для того, чтобы уклониться от научной полемики с критиками развитых в первом томе якобы «чрезвычайно абстрактных теорий стоимости и прибавочной стоимости».

После смерти Маркса его квартира была полна ящиков, пакетов, свертков, книг. Среди них был обнаружен сверток с рукописями второй и третьей книг «Капитала». Никто, однако, не знал, в каком они состоянии, насколько готовы к печати. Не знал этого даже Энгельс. «Ты спрашиваешь, — писал Энгельс Бебелю 30 августа 1883 года, — как так случилось, что даже я не знал, насколько продвинулась работа? Очень просто: если бы я знал это, то не давал бы ему покоя ни днем, ни ночью, пока книга не была бы закончена и напечатана. И это Маркс понимал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись могла быть издана мной в его духе...» [8]

Что же будет с незаконченной работой Маркса над «Капиталом»? Этот вопрос беспокоил многих социали-

стов, и они с тревогой и надеждой обращались с ним к Энгельсу. Тот отвечал им: «Рукописи будут изданы; ни одно слово Маркса не будет утрачено». Но для этого нужно было проделать поистине гигантскую работу: прочитать авторские рукописи, написанные неразборчивым почерком, расшифровать многочисленные пометки и сокращения. Эту работу, несомненно, мог проделать только один человек — Энгельс.

Энгельс без промедления перечитал рукопись второго тома «Капитала» и уже в сентябре 1883 года смог сообщить К. Каутскому: «Вторая книга очень разочарует вульгарных социалистов. Она содержит почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования процессов, которые происходят внутри самого класса капиталистов, и ничего такого, из чего можно было бы фабриковать ходкие словечки и громкие фразы»[9].

Первоначально Энгельс надеялся подготовить второй том для печати в сравнительно короткие сроки, однако в октябре 1883 года его самого постигла болезнь, из-за которой он потерял по меньшей мере полгода. Болезнь лишний раз заставила Энгельса подумать о том, что и с ним в любое время все может случиться. А поскольку он «единственный из оставшихся в живых, кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз», то надо было срочно проделать «черновую работу»: продиктовать текст рукописей специально приглашенному переписчику. 20 июня 1884 года Энгельс уже писал немецкому революционеру И. Ф. Беккеру, что он диктует второй том «Капитала», и дело, в общем, продвигается быстро, хотя это огромная работа, требующая много времени. Рецидивы болезни вынуждали Энгельса отрываться от письменного стола, но тем не менее он продолжал диктовать, лежа на диване, с 10 часов до 5 часов вечера ежедневно, а в вечерние часы занимался предварительным редактированием продиктованного.

Объем и характер работы над вторым томом Энгельс обрисовал в предисловии к нему. Обращаясь к Энгельсу 28 января 1886 года, И. Ф. Беккер писал: «Твое «Предисловие» ко II книге Маркса уже само по себе является исполинским трудом и полемическим шедевром. Мне доставило огромное удовольствие читать, как основательно и ловко ты щипал у тщеславного Родбертуса его

павлиньи перья». Второй том «Капитала» Маркса под редакцией Энгельса увидел свет в июле 1885 года.

Трудности же подготовки третьего тома превзошли все первоначальные ожидания и оценки Энгельса. Работа над ним заняла у него около десяти лет. Приступая к расшифровке оставленных Марксом рукописей и заметок, Энгельс писал 23 апреля 1885 года Н. Даниельсону: «Я занят теперь III томом, представляющим собой заключительную часть, которая венчает всю работу и затмит даже I том. Я диктую с оригинала, который решительно никто не способен прочесть, кроме меня, и не успокоюсь до тех пор, пока весь текст не будет переписан так, чтобы его во всяком случае смогли прочесть другие. После этого я смогу заняться окончательной редакцией, что будет нелегкой задачей, поскольку оригинал находится в незавершенном состоянии. Но, как бы то ни было, если даже мне не суждено закончить эту работу, рукопись будет спасена от полной гибели и в случае необходимости может быть издана в том виде, в каком она есть. Этот III том — самая поразительная вещь из всего, что я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не смог при жизни довести работу над ним до конца, сам издать его и увидеть то впечатление, которое этой книге суждено произвести. После такого ясного изложения никакие прямые возражения уже невозможны. Самые трудные вопросы разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид» [10].

При работе над третьим томом Энгельс руководствовался правилом передать результаты исследований Маркса по возможности его же собственными словами. Свое вмешательство в текст авторских рукописей Энгельс ограничивал лишь абсолютно необходимым. Этот том «Капитала» Энгельс сопроводил развернутым предисловием, в котором охарактеризовал состояние сохранившихся рукописей и свою работу над ними. Он разоблачил здесь буржуазных фальсификаторов материалистического понимания истории и экономического учения Маркса.

Работа над вторым и третьим томами «Капитала» Маркса — одна из вершин творческих достижений Энгельса, подвиг во имя дружбы, во имя науки, в интересах пролетариата всех стран. В этой связи В. И. Ленин

писал: «Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса».

Большое значение в развитии международного революционного движения сыграло произведение Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В предисловии к нему автор писал, что еще в 1845 году они с Марксом намечали рассмотреть вопрос об отношении их философии к философии Гегеля и Фейербаха, но по многим обстоятельствам этого сделать не удалось. Распространение же в восьмидесятых годах в Европе модного буржуазного философского учения — неокантианства, целью которого была реакционная переоценка классической немецкой философии, сделало необходимым появление такой работы. В этом замечательном произведении Энгельс подверг критическому рассмотрению философские источники научного коммунизма, показал выдающиеся заслуги Гегеля в развитии диалектического мышления и Фейербаха в развитии материализма. При этом Энгельс показал, что в процессе создания марксистской философии были преодолены как идеалистическая диалектика Гегеля, так и метафизический материализм Фейербаха — создан диалектический материализм.

Энгельс обосновал тезис о том, что основной вопрос философии — это вопрос об отношении бытия и сознания, материи и духа. Для рабочего движения материалистический подход к данному вопросу представляет собой главный критерий в теоретической борьбе двух мировоззрений, позволяет последовательно вести философские дискуссии с буржуазными идеологами.

Заключительная часть произведения Энгельса посвящена раскрытию закономерностей общественного развития. Здесь он разъяснил, почему открытие материалистической диалектики позволило им с Марксом пойти дальше Фейербаха, раскрыл сущность революционного переворота, совершенного ими во взглядах на законы развития природы, общества, познания.

Произведение Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» служит для международного революционного движения замечательным теоретическим пособием в борьбе с буржуазной философией. Оно помогает социалистам выявлять в своих рядах сторонников идеалистического мировоззрения и вести с ними непримиримую борьбу.

Многие свои работы Ф. Энгельс написал по просьбе социалистов разных стран. Как правило, появлялись они из-за острой практической необходимости. Так, чтобы помочь французским социалистам преодолеть оппортунистические шатания в аграрном вопросе и разъяснить основные положения марксизма, Ф. Энгельс пишет в 1894 году статью «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В ней сделан дальнейший крупный шаг в разработке марксистской теории крестьянского вопроса. Автор показал, что пролетарская партия сможет завоевать политическую власть только тогда, когда она развернет агитацию среди крестьянства и станет силой в деревне. Энгельс подчеркнул, что единственный путь к коренным улучшениям в жизни крестьянства — это переход мелкого хозяйства к коллективному производству, к товариществу, причем этот переход должен быть осуществлен «не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели». Совершенно иной должна быть политика пролетарского государства по отношению к крупному, буржуазному землевладению — победившие пролетарии будут экспроприировать эту собственность, как и собственность промышленных фабрикантов. Вместе с этим Энгельс отмечает, что он допускает возможность выкупа. «Произойдет ли эта экспроприация с выкупом или без него, будет зависеть большей частью не от нас, а от тех обстоятельств, при которых мы придем к власти, а также, в частности, и от поведения... крупных землевладельцев. Мы вовсе не считаем, что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне — и как часто! — свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды»[11].

Внимательно следил Ф. Энгельс за революционным движением в России, вел активную переписку со многими русскими прогрессивными деятелями. В октябре 1858 года он просил Маркса достать для него что-нибудь из новейших изданий Герцена — «Голос из России» и «Колокол». В статье «Европа в 1858 году» Энгельс писал: «Существующая сейчас в России степень свободы дебатов считалась бы до смешного ничтожной в любой другой европейской стране, кроме Франции, но людям, знавшим николаевскую Россию, и это кажется огромным шагом вперед; в сочетании с теми трудностя-

ми, которые неизбежно возникнут в связи с отменой крепостного права, это пробуждение к политической жизни более образованных кругов русского общества полно добрых предзнаменований...»

Анализируя рабочее движение в Германии, Франции, Соединенных Штатах и России, Энгельс отмечал, что «Россия — это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль». Энгельс надеялся, что «русская революция уже назрела и вспыхнет скоро». А когда дело дойдет до революции в России, то «изменится лицо всей Европы». 19 декабря 1879 года в письме И. Ф. Беккеру Ф. Энгельс сообщал: «В России дела обстоят великолепно! Там, пожалуй, развязка близка, а когда она наступит, то у власть имущих Германской империи душа уйдет в пятки. Это будет ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории».

Имя Ф. Энгельса было известно в царской России как имя верного друга и соратника К. Маркса. Именно в его адрес поступило немало писем и телеграмм, в которых высказывалось глубокое соболезнование в связи с кончиной Маркса.

Студенты Петровской академии в Москве в своей телеграмме Энгельсу просили его возложить на гроб автора «Капитала» венок со следующей надписью: «Защитнику прав труда в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов Петровской земледельческой академии в Москве».

В связи с этой телеграммой из Москвы Энгельс в письме к П. Л. Лаврову от 24 марта 1883 года сообщал, что он сможет возложить венок только на будущей неделе. «Но я хотел бы сообщить этим славным ребятам, — добавляет Энгельс, — что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня поручение».

Энгельс, так же как и Маркс, уже в зрелом возрасте решил изучить русский язык. И вскоре он мог читать в оригинале «Евгения Онегина» и «Медного всадника» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, «Былое и думы» Герцена. Сохранились словарные выписки Энгельса из романа Пушкина «Евгений Онегин» и прозаический перевод на немецкий язык отдельных строф. В одном из своих писем П. Л. Лавров писал: «Дорогой друг Энгельс! Удивили же Вы меня, написав мне письмо порусски; я и не предполагал никогда, что Вы так сильны

в нашем варварском языке. На будущее время сообщите мне, как звали Вашего отца, а то, по русскому обычаю, в письме надо мне называть Вас по имени и отчеству, а я отчества-то Вашего и не знаю».

До конца своей жизни Энгельс много и напряженно работал. За два года до смерти он написал брошюру «Может ли Европа разоружиться?». В ней он пришел к выводу, что «система постоянных армий во всей Европе доведена до такой крайности, что либо народы будут ею экономически разорены, не выдержав бремени военных расходов, либо она неизбежно приведет к всеобщей истребительной войне, если только постоянные армии не будут своевременно преобразованы в милицию, основанную на всеобщем вооружении народа»[12]. При этом Энгельс исходил из того, что «разоружение, а тем самым гарантия мира — возможно». Ныне положения Фридриха Энгельса о возможностях сохранения мира коммунистические партии используют в своей практической деятельности. Первым декретом Советской власти стал Декрет о мире. Первые шаги молодого социалистического государства на международной арене были направлены на установление добрососедства, сотрудничества, прекращение войн и гонки вооружений. С появлением Страны Советов борьба за предотвращение новых войн приобрела впервые в истории материальную базу, стала политической реальностью.

Фридрих Энгельс был человеком исключительной скромности. В примечании к своему произведению «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он писал: «...Огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя».

В 1884 году в письме к своему другу, немецкому революционеру И. Ф. Беккеру, Энгельс повторил эту мысль: «Всю свою жизнь я делал то, к чему я был предназначен, — я играл вторую скрипку, — и думаю, что

делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс»[13].

В действительности же Энгельс и при Марксе и особенно после его смерти играл выдающуюся роль в дальнейшем развитии теории научного коммунизма и в практическом руководстве международным революционным движением. В. И. Ленин подчеркивал, что в последние годы своей жизни Энгельс становится единственным духовным вождем международного рабочего движения. Все заботы по руководству движением, которые он раньше делил с Марксом, теперь целиком ложатся на его плечи.

Дом, в котором жил Фридрих Энгельс в Лондоне, был своего рода международным штабом революционеров. Отсюда он поддерживал связь с социалистами Англии, Германии, Франции, России, США и других стран. Сюда приходила различная корреспонденция на многих языках мира от социалистических и рабочих организаций. Здесь разрабатывались планы сплочения международного рабочего движения в новый ответственный период его развития, находила поддержку инициатива революционных выступлений рабочего класса.

Одной из главных своих задач Энгельс считал задачу создания нового, социалистического Интернационала. К 80-м годам в большинстве европейских стран уже существовали самостоятельные пролетарские организации, и необходимость укрепления их солидарности становилась все более актуальной задачей. По мнению Энгельса, надо было выждать, когда придет «момент крупного выступления и создания официального, настоящего Интернационала».

Такой момент наступил в конце 80-х годов. Европейская социал-демократия развернула большую подготовительную работу к созыву учредительного конгресса. Ф. Энгельс прилагал особые усилия, чтобы новая международная организация была создана на прочной марксистской основе. И его труд не пропал даром.

14 июля 1889 года в Париже на первый конгресс марксистов собралось 407 делегатов, представлявших 22 нации. В залах конгресса были вывешены лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Политическая и экономическая экспроприация класса капиталистов, обобществление средств производства!». На конгрессе были сформулированы программные требования о

рабочем законодательстве, о ежегодном проведении демонстраций 1 мая за восьмичасовой рабочий день и международную пролетарскую солидарность. Праздник солидарности рабочих 1 Мая 1890 года явился убедительным свидетельством укрепления единства рабочего движения, смотром возросших сил пролетариата. В связи с этим Энгельс писал, что идеи «Манифеста Коммунистической партии» стали «общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии».

Благодаря участию Энгельса в непосредственной деятельности Международного Товарищества Рабочих была обеспечена связь и преемственность II Интернационала с I. II Интернационал мог сконцентрировать свое внимание на развитии пролетарских массовых партий и организаций в отдельных странах. Его задачей, по мнению Энгельса, стала подготовка международного рабочего класса к пролетарской революции.

28 ноября 1890 года в кругу близких друзей было торжественно отмечено семидесятилетие Ф. Энгельса. В письме Лауре Лафарг он сообщал, что получил «кучу писем и телеграмм» из разных концов света. «Словом, я был ошеломлен», — добавлял Энгельс. В связи с юбилеем П. Л. Лавров 27 ноября 1890 года в своем письме Энгельсу писал: «Я только что узнал, что завтра Вам исполняются знаменитые «три с половиной двадцатилетия». Вас лично я не поздравляю с этой годовщиной, так как сам, приближаясь к тому же возрасту, слишком хорошо знаю все его мрачные и печальные стороны. Но я поздравляю всех Ваших юных друзей, которые могут еще черпать новую энергию в Вашей вечно молодой старости. Я поздравляю всемирный социализм, который имеет возможность назвать Вас в числе самых полезных и энергичных борцов. Одновременно в этом письме я шлю Вам привет и наилучшие пожелания не только от своего имени, от имени Вашего личного друга и друга нашего дорогого Маркса, — я передаю Вам горячие поздравления и от имени социалистов моей родины. Они приветствуют в Вашем лице единственного человека, имя которого навеки вписано в историю социализма рядом с именем Карла Маркса и не тускнеет от блеска этого великого имени».

В 1893 году, несмотря на преклонный возраст и плохое здоровье, Ф. Энгельс совершает путешествие по

ряду стран Европы, где ведет активную революционную пропаганду марксистских идей. 12 августа он прибыл в Цюрих на международный социалистический рабочий конгресс. На нем обсуждались политическая тактика социал-демократии, задачи борьбы за восьмичасовой рабочий день, работа в профсоюзах, аграрный вопрос. Зал встретил верного соратника Маркса несмолкающими аплодисментами.

В своем выступлении Ф. Энгельс подверг резкой критике анархизм, дискуссия вокруг которого оказалась в центре внимания конгресса. Он отметил, что отказом от стратегии и тактики пролетариата и отрицанием руководящей роли партии анархисты вводят в заблуждение рабочий класс и предают его интересы. Ф. Энгельс решительно осудил оппортунистов, которые наивно полагают, что к социализму можно прийти с помощью одних только избирательных бюллетеней. Оратор призвал при всех обстоятельствах сохранять и оберегать революционное единство в борьбе против капитализма: «Чтобы не выродиться в секту, мы должны допускать дискуссии, но общие принципы должны неизменно соблюдаться».

В начале сентября Ф. Энгельс в сопровождении А. Бебеля из Цюриха через Мюнхен и Зальцбург отправился в Вену. И снова — приветствия социал-демократов, снова — стремление Энгельса избежать громких похвал, снова — напоминание о задачах пролетарских партий.

В речи на социал-демократическом собрании в Вене 14 сентября 1893 года Ф. Энгельс говорил:

«Я не могу покинуть этот зал, не выразив своей глубокой сердечной благодарности за незаслуженный прием, которого я удостоился в этот вечер. Могу лишь сказать, что славу моего покойного друга Маркса суждено пожинать, к сожалению, мне одному. И в этом смысле я принимаю ваши овации. Если мне и удалось что-нибудь сделать для движения за 50 лет, в течение которых я принимал в нем участие, то за это я не требую никакой награды. Моя лучшая награда — это вы! Наши товарищи есть всюду: в тюрьмах Сибири, на золотых приисках Калифорнии, вплоть до Австралии. Нет такой страны, нет такого крупного государства, где бы социал-демократия не была силой, с которой всем приходится считаться. Все, что делается во всем мире, делается

с оглядкой на нас. Мы — великая держава, внушающая страх, держава, от которой зависит больше, чем от других великих держав. Вот чем я горжусь. Мы прожили не напрасно и можем с гордостью и с удовлетворением оглянуться на свои дела...»

Из Вены путь Энгельса лежал через Германию в Лондон. Эта поездка превратилась в подлинное триумфальное шествие, триумф научного коммунизма. Она оставила в нем неизгладимое впечатление о силе и зрелости пролетарского движения. Непосредственно встречаясь с социал-демократией Австрии и Германии, Энгельс убедился, насколько теория научного коммунизма уже стала всеобщим достоянием революционной части рабочего класса. А рабочие, которые имели счастье видеть и слышать Энгельса, восхищались революционной страстностью и принципиальной стойкостью своего рабочего вождя, его человеческой теплотой и скромностью.

Энергичным и жизнерадостным отметил Энгельс свой семьдесят четвертый год. Он с удовлетворением сообщал, что еще полон творческих сил, еще бодр и подвижен. «Мое положение таково, — с иронией писал в эти дни Энгельс, — 74 года, которые я начинаю чувствовать, и столько работы, что ее хватило бы на двух сорокалетних. Да, если бы я мог разделить самого себя на Ф. Энгельса 40 лет и Ф. Энгельса 34 лет... то все быстро пришло бы в порядок».

Но годы и трудная жизнь революционера неумолимо давали о себе знать, хотя физическая слабость и не могла лишить Энгельса мужества. Он противопоставил ей самодисциплину и сознание долга. Его бодрый дух не был сломлен. «Однако события должны помочь нам сохранить жизненные силы; вся Европа кипит, повсюду назревают кризисы, особенно в России. Долго там не может так продолжаться. Тем лучше», — писал он в конце 1894 года Лаврову. Энгельс надеялся еще многое увидеть: «У меня еще есть такое желание — заглянуть в новое столетие». Но в марте 1895 года Энгельса вновь одолел недуг. Это был быстро прогрессирующий рак пищевода. 28 июля, еще в Истборне, Энгельс написал свое последнее письмо Лауре Лафарг, дочери Маркса: «Кажется, картофельное поле на моей шее приближается к кризису, так что можно будет вскрыть опухоли, и наступит облегчение. Наконец-то! Значит, можно надеяться, что эта длинная тропинка подошла к своему

повороту. И давно пора, потому что при моем скверном аппетите и т. д. я сильно изнурен». В конце письма он писал: «Я еще не в силах писать длинные письма, следовательно, до свидания». До самого конца Энгельс надеялся, что сможет победить болезнь.

5 августа 1895 года в 22 часа 30 минут перестало биться сердце выдающегося ученого-революционера, одного из основоположников научного коммунизма. Международное рабочее движение потеряло своего величайшего борца и мыслителя. В траурной церемонии 10 августа 1895 года приняли участие согласно настоятельной просьбе покойного только его ближайшие друзья, ученики и соратники. «Здесь присутствуют лишь немногие, — сказал Вильгельм Либкнехт, — но эти немногие представляют миллионы, целый мир... они уготовят гибель капитализму... Энгельс всем нам указывал дорогу, и он был руководителем в пути, он был вождем и бойцом, теория и практика слились в нем воедино...»

В связи с кончиной Ф. Энгельса в письме Элеоноре Маркс-Эвелинг П. Л. Лавров писал, что, получив почту и развернув газету, он прочел роковые слова: «Смерть Фридриха Энгельса». Какое несчастье! Какое несчастье! Казалось невозможным, чтобы болезнь могла сломить эту могучую натуру, несмотря на возраст и бои, которые он продолжал вести за свое знамя. Скорбное известие так огорчило меня, что я не в состоянии много писать. Но мне захотелось тотчас же разделить с Вами горе, горе не только друга, но всякого убежденного социалиста, — разделить его именно с Вами, с дочерью Карла Маркса, для которой, как я уверен, Энгельс был вторым отцом и которая является наследницей двух самых ярких светил социализма».

За несколько недель до смерти Энгельса Владимир Ильич Ленин виделся в Париже с Лаурой и Полем Лафарг. Ему не удалось встретиться лично с Энгельсом, которого он глубоко почитал как «одного из двух великих учителей современного пролетариата». Но в написанном им некрологе, необычайно глубоком по мысли и силе чувства, он дает высокую оценку жизни и деятельности Фридриха Энгельса. «Имя и жизнь Энгельса, — писал В. И. Ленин, — должны быть знакомы каждому рабочему».

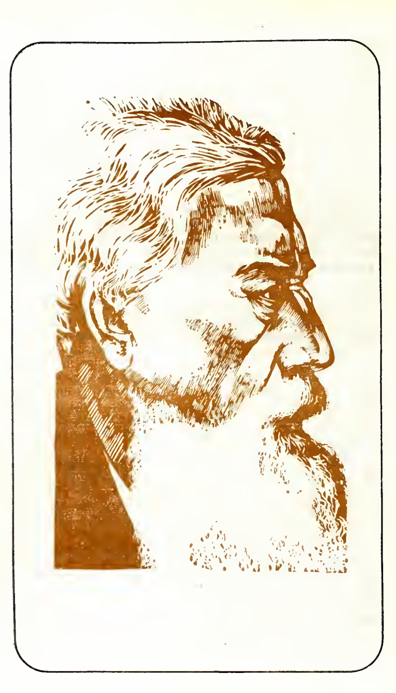

Никаких компромиссов!

В предисловии к русскому переводу брошюры Вильгельма Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!» В. И. Ленин советовал рабочим: «Читайте внимательнее брошюру Вильгельма Либкнехта и построже проверяйте тех, кто советует вам гибельные для пролетариата и для дела свободы соглашения с кадетами!»[1]

«Либкнехт нисколько не отрицает того, что соглашения с буржуазно-оппозиционными партиями полезны — с точки зрения привлечения союзника (якобы союзника) против общего врага. Но в том и обнаруживается действительно политический ум и испытанный социал-демократизм ветерана германских социалистов, что он *не ограничивается* этими соображениями. Он разбирает, не является ли «союзник» скрытым врагом, которого особенно опасно пустить в свои ряды? борется ли действительно и как борется этот союзник против общего врага? не связана ли полезность соглашений, с точки зрения увеличения числа парламентских мандатов, с вредом в отношении более длительных и более глубоких задач пролетарской партии?... Либкнехт учит нас тому, — продолжал В. И. Ленин, — что в каждом союзнике из буржуазии социал-демократ должен уметь открыть его опасные стороны и не скрывать их. А меньшевики кричат о том, что не с кадетами надо бороться, а с черносотенной опасностью! Как полезно было бы для таких людей вдуматься в слова Либкнехта: «Глупые и жестокие насилия полицейских политиков, посягательства закона против социалистов — каторжного закона, закона против партий, проповедующих переворот, могут в нас вызвать чувство презрительного сожаления, — но врага, который протягивает нам руку для избирательного соглашения и втирается к нам, как друг и брат, — такого врага и *только такого мы должны бояться*»[2].

...Вильгельм Либкнехт родился 29 марта 1826 года в Гисене, в семье чиновника. Его мать умерла, когда мальчику было 5 лет, а через год не стало и отца. Во время учебы в гимназии он проявил себя способным юношей, много читал. Рано познакомился с сочинениями социалиста Сен-Симона. В 16 лет он поступил в Ги-

сенский университет, а затем переехал в Берлин, где изучал философию, филологию и теологию. Во время учебы в университетах Либкнехт принимает активное участие в студенческих дискуссиях о сущности христианства, об организации труда, о характере будущего общества. После окончания учебы в Берлине по пути в Гисен он заехал в Саксонскую Швейцарию и в Чехию, которые тогда были в составе Австрийской империи, но здесь его заподозрили в участии в Краковском восстании и выслали из страны. Это был первый шаг в длинном пути высылок и полицейских репрессий против Либкнехта.

Середина 40-х годов стала для Либкнехта временем напряженной внутренней работы, поиском своего жизненного пути. Одно время он мечтает о научной карьере, но, столкнувшись с казенной дисциплиной, чинопочитанием, рутиной, царившими во многих университетах страны, приходит к выводу, что сделать это возможно, лишь «жертвуя своими принципами».

Либкнехта все больше привлекает политическая деятельность. Он присматривается к различным политическим группировкам, знакомится с их программами. Кристально честный человек, полный сочувствия к простым труженикам, он приходит к выводу, что ни либералы, ни тем более правящие классы не могут принести народу освобождение. По собственному признанию, с 1846 года он становится коммунистом. Важную роль в этом движении Либкнехта к социализму сыграло изучение литературы, в частности ряда произведений Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Летом 1847 года Либкнехт оказался в Швейцарии, где стал работать учителем в частной школе Карла Фрёбеля.

В Швейцарии он впервые попробовал свои силы и в области журналистики. В сентябре 1847 года Либкнехт стал корреспондентом оппозиционной немецкой «Мангеймской вечерней газеты», сразу же зарекомендовав себя весьма способным журналистом. За полгода он опубликовал около сотни самых разнообразных материалов. Молодой журналист был замечен, и вскоре ему предложили пост редактора одной из цюрихских газет.

Но неожиданно его редакторская карьера обрывается. Вот как об этом повествует сам Либкнехт: «22 фев-

раля 1848 г. я сидел у себя дома в Цюрихе с несколькими друзьями, не хочу скрывать, за карточным столом, так как и у меня, как у всех это бывает, случались времена, когда я, обреченный на безделье, рылся в своей совести и, не находя покоя своей душе, искал забвения во всевозможного рода пустяках; вдруг влетает один молодой приятель-швейцарец, имевший связи среди членов кантонального правительства, и возбужденно объявляет: «В Берне получена телеграмма от нашего посланника в Париже о том, что там строятся баррикады!» Со словами «Это революция!» я бросил карты, вскочил, быстро распрощался с друзьями, схватил свое великолепное ружье (которое, собственно, предназначалось для американских лесов) и несколько дорожных мелочей и поспешно отправился в Париж; там я, к величайшему своему сожалению, узнал, что парижане без меня уже справились со своим буржуазным королем»[3].

Свободный воздух Парижа кружил голову не только одним парижанам. В среде немецкой политической эмиграции возникает мысль о создании легиона, который должен принести в Германию революцию. Либкнехт — недаром с ним его «американское ружье» — чуть ли не первый спешит записаться добровольцем в корпус. Но затея не удалась. Корпус, не успев сформироваться, распался. Да и самого Либкнехта надолго уложила в постель болезнь. Пришлось выздоравливать и... ждать, чем ответит Германия на февральские события 1848 года. И Германия ответила.

Весной 1848 года в стране началась революция. Не сразу удалось Либкнехту принять участие в ней: сказались последствия болезни. Лишь осенью с двумя товарищами он попытался проникнуть в Баден, чтобы примкнуть к восстанию, возглавленному буржуазным демократом Густавом Струве. Попытка закончилась неудачей. Либкнехт со спутниками угодил в руки правительственных войск.

После освобождения Вильгельм Либкнехт сразу же отправился в столицу герцогства Карлсруэ, которая была центром баденских событий. Здесь он стал адъютантом Струве, к которому не смог примкнуть год назад. Но баденское восстание было подавлено, и 5 июня 1849 года Либкнехт снова был арестован и отправлен в раштатскую тюрьму. Правда, через три дня был осво-

божден солдатами, которых узник распропагандировал... через окно тюрьмы.

Затем Либкнехт принял участие в последних боях с прусскими войсками и вместе с остатками республиканской армии ушел за границу, в Швейцарию. И снова Германия оказалась закрытой для Либкнехта. И на этот раз надолго: на целых тринадцать лет.

Поселившись в Женеве, Либкнехт сблизился с кружком молодых эмигрантов. Летом 1849 года он встретился с Энгельсом, который жил тогда в Швейцарии. Вспоминая впоследствии об этой встрече, Вильгельм Либкнехт писал: «Я смотрел на него снизу вверх, он уже совершил большие дела и был на пять лет старше меня, а в этом возрасте пять лет — целое столетие». Знакомство с Энгельсом оказало плодотворное влияние на последующую деятельность Вильгельма Либкнехта. В августе 1849 года он вступил в Женевское немецкое рабочее общество и вскоре был избран его президентом. На февраль 1850 года был назначен съезд общества, но власти запретили его проведение. Либкнехт вместе с рядом делегатов был арестован и около двух месяцев находился в одиночном заключении. А затем был выслан из Швейцарии. Ему ничего не оставалось, как отправиться в Англию, которая была в то время прибежищем изгнанников. Здесь, в Лондоне, Либкнехт знакомится с Марксом и очень скоро становится «своим человеком» в его семье.

Дружба с Марксом — великое счастье для Либкнехта. В том водовороте политических страстей, которые сотрясали лондонскую эмиграцию, пожалуй, только Маркс и Энгельс твердо знали, что нужно делать для организации пролетарского революционного движения. Маркс становится «строгим учителем» Либкнехта. Именно ему Либкнехт обязан освобождением от последних «налетов» мелкобуржуазного социализма и умением мыслить в «духе научной теории Маркса».

После вступления на престол нового короля Пруссии Вильгельма I была объявлена амнистия, которая открыла дорогу Либкнехту на родину. В 1862 году он вернулся в Германию. Здесь уже происходили знаменательные события. В мае 1863 года в Лейпциге Ф. Лассалем был основан Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС). Немецкий рабочий класс превратился, по выражению В. И. Ленина, «из хвоста либеральной буржуазии в са-

мостоятельную политическую партию». Первое время Либкнехт держался в стороне от этой организации, но осенью 1863 года вступил в союз и развил в нем энергичную деятельность. В своих выступлениях он рекомендовал расширять и укреплять профсоюзные организации, знакомил рабочих с произведениями Маркса и Энгельса. Встречался Либкнехт и с Лассалем, который пытался убедить молодого революционера в том, что Бисмарк не такой уж реакционер, каким его представляют. Но подобные мысли были уже неприемлемы для Либкнехта.

В докладе перед печатниками, с которым Либкнехт выступил 28 февраля 1865 года, он говорил, что ни прогрессистская партия, ни прусское государство не в состоянии удовлетворить социальные требования рабочих. Всякие разговоры о государственной помощи — шарлатанство. Только уничтожение буржуазного государства окажет рабочим действительную помощь. «Итак, — говорил Либкнехт, — не: либо с прогрессистской партией, либо с правительством, а: ни с прогрессистской партией, ни с правительством. Ни одно, ни другое — рабочие должны образовать самостоятельную партию... Идите прямо в гордом сознании, что рабочий класс является хранителем священного огня свободы, что он подлинная партия прогресса; идите вперед, не оглядываясь ни направо, ни налево, и ваша победа обеспечена» [4].

Деятельность Либкнехта привлекла внимание полиции, и летом 1865 года он был выслан из Берлина и Пруссии как лицо, представляющее «угрозу для безопасности государства». Лассальянцам эта высылка была по душе, и они ни слова не сказали в его защиту. Но Союз печатников принял 4 июля 1865 года резолюцию, в которой говорилось: «Союз выражает глубочайшее сожаление по поводу внезапной высылки своего уважаемого друга Либкнехта и уполномочивает правление выразить ему благодарность за его поучительные рефераты по рабочему вопросу, так часто встречавшиеся в союзе всеобщим одобрением, и преподнести ему в виде почетного подарка 100 талеров».

Высланный из Пруссии, Либкнехт поселился в столице Саксонии Лейпциге. Здесь он познакомился с молодым токарем Августом Бебелем, который был председателем Рабочего просветительного общества. «Либкнехт, о деятельности и высылке которого я знал из газет, —

рассказывал Бебель в книге «Из моей жизни», — меня, конечно, очень интересовал. Ему тогда шел уже сороковой год, однако он обладал пылом и живостью двадцатилетнего юноши. У нас сейчас же завязался политический разговор, причем он подверг прогрессистов такой сильной критике и дал им такую беспощадную характеристику, в особенности их вождям, что я, тоже не считавший их святыми, был сильно поражен. Либкнехт был выдающимся человеком, и мы, несмотря на его резкость в обращении, вскоре подружились». Бебель отмечал, что знакомство с Либкнехтом ускорило его превращение в социалиста. «...Бебель, — писал В. И. Ленин, — сумел найти в Либкнехте то, что ему нужно было: живую связь с великим выступлением Маркса в 1848 году, с основанной тогда, хотя небольшой, но истинно пролетарской партией, живого представителя марксистских взглядов и марксистской традиции» [5].

Вильгельм Либкнехт не замыкался только в работе с немецкими пролетариями. Подлинный интернационалист, он принимает участие в организации I Интернационала. Правда, ему не удалось присутствовать на Лондонском — учредительном — конгрессе, хотя он и получил личное приглашение от К. Маркса. Пришлось ограничиться письменным докладом о состоянии немецкого рабочего движения.

Находясь в Лейпциге, Либкнехт продолжал свою агитацию в пользу Интернационала. И это давало определенные результаты: в начале 1866 года 12 членов комитета Лейпцигского просветительного общества вступили в Международное Товарищество Рабочих.

В результате австро-прусской войны 1866 года был создан Северогерманский союз, который утвердил гегемонию Пруссии в Германии. Близилось к завершению объединение Германии «сверху». Развитие событий шло не так, как предполагали Либкнехт и Бебель, но они сохраняли ориентацию на революционное свержение существующего строя и демократическое объединение страны. Такая линия была не только правильной, но и единственно возможной для революционеров, не желавших приспосабливать свою политику к прусскому цезаризму. В. И. Ленин в этой связи писал: «И история оправдала Бебеля и Либкнехта, *несмотря* на то, что Германия объединилась по-бисмаркски. Только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либк-

нехта, только их «неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии» [6].

На состоявшихся в августе 1867 года выборах в рейхстаг Либкнехт был избран депутатом от Северогерманского союза и работал там в сотрудничестве с А. Бебелем. Следуя указаниям Маркса и Энгельса, они умело использовали парламентскую трибуну для разоблачения реакционной внешней и внутренней политики прусских юнкеров, милитаризма. В период франко-прусской войны 1870—1871 годов Либкнехт выступал вместе с Бебелем против захватнических планов юнкерства и буржуазии, занимая интернационалистские позиции.

В 1868 году на Нюрнбергском съезде рабочие общества, которые возглавляли Либкнехт и Бебель, организационно порвали с буржуазно-демократическими течениями. Важнейшим решением этого съезда было присоединение к программе Международного Товарищества Рабочих. А в 1869 году на съезде в Эйзенахе в результате слияния созданного в 1868 году Нюрнбергского объединения рабочих союзов с левыми элементами лассальянского Всеобщего германского рабочего союза была создана Социал-демократическая рабочая партия Германии (эйзенахцы), ставшая фундаментом революционной организации немецкого рабочего класса.

Эйзенахский съезд, по словам Либкнехта, знаменует поворотный пункт в истории развития немецкого пролетариата. Создание социал-демократической рабочей партии было крупнейшим событием не только в немецком, но и во всем международном рабочем движении. В том, что такая партия была создана, большая личная заслуга Вильгельма Либкнехта. Как писал Энгельс, рабочая партия, открыто провозгласившая принципы «Манифеста Коммунистической партии», возникла в Германии «благодаря главным образом усилиям Либкнехта и Бебеля».

В 1869 году под руководством Либкнехта и Бебеля была создана газета «Народное государство». Официально газета считалась органом социал-демократической рабочей партии и «международных профессиональных союзов», но фактически была еще и органом Интерна-

ционала в Германии. В ней регулярно публиковались материалы о деятельности Генсовета и секций Международного Товарищества Рабочих. В сентябре 1869 года Либкнехт присутствовал на конгрессе Международного Товарищества Рабочих в качестве представителя германской социал-демократической рабочей партии в Базеле. Конгресс обсудил вопрос о земельной собственности, о праве наследования и о роли профсоюзов.

Вернувшись в Германию, Либкнехт первое время выражал сомнение в правильности базельских решений об упразднении частной собственности на землю. Но жизнь убедительно подтвердила их правильность. В марте он выступает с докладом по аграрному вопросу в ряде городов, в котором безоговорочно отстаивает базельскую резолюцию. В июне 1870 года Вильгельм Либкнехт выступил на Штутгартском съезде партии с докладом о политической позиции социал-демократии. Обсуждение на съезде этого вопроса имело большое практическое значение, так как в августе предстояли выборы в рейхстаг и нужно было определить свое отношение к ним. Высказавшись в принципе за участие в выборах с целью использования их в агитационных целях, он отверг избирательные соглашения с другими буржуазными партиями.

19 июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии. В этот же день состоялась сессия рейхстага. Обсуждался вопрос о выделении 120 миллионов талеров на военные расходы. И только два депутата под злобные выкрики и шипения «патриотически» настроенных депутатов проголосовали против военных кредитов прусскому правительству — это были Вильгельм Либкнехт и Август Бебель. Их мужественный поступок произвел сенсацию в Германии. В конце ноября правительство снова потребовало кредитов. И снова Либкнехт и Бебель были против. Разумеется, реакционное правительство Бисмарка не могло простить левым депутатам подобное поведение. Было решено «примерно» наказать их. За выступление против аннексии Эльзаса и Восточной Лотарингии Либкнехта и Бебеля привлекли к суду, выдвинув обвинение в «государственной измене». Против Либкнехта возбуждалось одновременно и дело об оскорблении его величества. Процесс по этому делу открылся 11 марта 1872 года в зале окружного суда Лейпцига и продолжался 14 дней. Интерес к нему был очень велик. Вся

немецкая печать, обильно представленная в зале суда своими корреспондентами, уделяла процессу большое внимание.

Однако попытка вынести в лице подсудимых обвинительный приговор социализму и революционному рабочему движению, а немецкую рабочую партию лишить ее руководителей закончилась провалом. Бебель и Либкнехт превратили зал суда в трибуну для революционной пролетарской агитации. Длившееся две недели судебное разбирательство они использовали для изложения принципов социалистического мировоззрения и революционной политики.

Выступая перед судом присяжных, В. Либкнехт заявил: «Еще раз — я не профессиональный заговорщик, не странствующий ландскнехт конспирации. Назовите меня, если угодно, солдатом революции, против этого я ничего не имею. Двоякий идеал мечтался мне с юности: свободная и единая Германия и эмансипация трудящегося народа, то есть уничтожение классового господства, равнозначное освобождение человечества. За эту двойную цель я боролся всеми силами, и за эту двойную цель я буду бороться, пока дышу. Так требует долг!»

После этого звание «солдат революции» прочно закрепилось за Вильгельмом Либкнехтом.

Восемью голосами против четырех суд признал Либкнехта и Бебеля виновными в подготовке к «государственной измене». Приговор гласил: два года заключения в крепости.

Мужественное поведение Бебеля и Либкнехта на суде способствовало росту их популярности как передовых борцов за социализм и демократию далеко за пределами Германии. «Поздравляю вас всех с вашим выступлением в суде... — писал Ф. Энгельс Либкнехту от себя и от имени Маркса. — Надо было дать отпор этой сволочи, и вы это здорово сделали... Большой привет Бебелю и не падайте духом...»

Родные и друзья Либкнехта регулярно навещали его в тюрьме, использовали все легальные, а иногда и нелегальные способы для информации о состоянии рабочего движения. Ни один из принципиальных вопросов, стоявших тогда перед партией, не проходил мимо Либкнехта. Из крепости он вел переписку с Марксом и Энгельсом.

Либкнехт находился еще в тюрьме, когда в январе

1874 году состоялись новые всеобщие выборы, давшие социал-демократии шесть мест в рейхстаге. Либкнехт был избран в своем избирательном округе Тольберг — Шнееберг уже в первом туре. 15 апреля он вышел из тюрьмы. И впервые после двухлетнего перерыва присутствовал на очередном съезде партии, который состоялся в Кобурге в июле 1874 года. 27 июля Либкнехт писал Энгельсу, что съезд прошел хорошо, выявил у делегатов бо́льшую идеологическую ясность и бо́льшую энергию, чем раньше, подлинно боевое настроение.

В мае 1875 года в Готе проходил съезд, на котором лассальянцы объединились с эйзенахцами. Была создана единая партия рабочего класса. Она стала именоваться Социалистической рабочей партией, а после 1890 года — Германской социал-демократической партией. В результате объединения был преодолен раскол в рабочем движении Германии. Пролетариат получил партию, которая могла указать направление и цель борьбы с юнкерско-буржуазным эксплуататорским строем и с прусским милитаризмом.

Однако в целом программа, принятая готским съездом, была эклектичной, она не отражала достигнутого уровня рабочего движения. Компромисс с лассальянскими, мелкобуржуазными и оппортунистическими воззрениями не мог не иметь отрицательных последствий для новой партии. Именно потому Маркс и Энгельс, признавая объединение крупным успехом, ясно видели его теневые стороны и принимали необходимые меры для упрочения этого союза. Либкнехт и Бебель, идя на это объединение, рассчитывали вырвать рабочих из-под влияния лассальянства, и это им во многом удалось. В. И. Ленин отмечал, что Бебель и Либкнехт «сумели объединить две рабочие партии и обеспечить гегемонию марксизма в единой партии».

В практической деятельности Социал-демократическая партия Германии проводила революционную политику, способствовала распространению идей марксизма среди трудящихся масс. Эта работа дала хорошие результаты. В 1877 году на выборах в рейхстаг партия получила около 500 тысяч голосов. Это вызвало испуг в стане юнкерско-буржуазного правительства. Пытаясь пресечь распространение социалистических идей в стране, правительство в 1878 году приняло «исключительный закон» против социалистов,

Этот закон представлял собой целую систему политических, административных, уголовных, юридических и других мер государственно-полицейского характера, направленных на искоренение идей социализма в рабочем движении, физическое уничтожение социал-демократической партии. Были распущены и объявлены вне закона 332 центральные и местные социал-демократические организации. Правительство Вильгельма I запретило многие профсоюзы, больничные кассы и рабочие союзы. Именем «бога и кайзера» отменялись собрания, конфисковывались книги, брошюры и листовки, «целью которых, поскольку они выражают социал-демократические, социалистические и коммунистические стремления, является свержение существующего государственного и общественного строя». Особенно строгие меры наказания устанавливались в городах и районах, где, по определению полиции, «подвергается угрозе общественная безопасность или порядок», — там вводилось так называемое «малое осадное положение».

Двенадцать лет свирепствовал в Германии закон против социалистов. Эти годы В. И. Ленин назвал героическим периодом немецкого рабочего движения. Партия умело сочетала легальную и нелегальную борьбу, парламентские и внепарламентские выступления, укрепляла связи с массами, проводила среди них широкую просветительную работу. В 1879 году вместо запрещенного органа социал-демократии — газеты «Вперед» была основана нелегальная газета «Социал-демократ». Она выходила сначала в Цюрихе, а затем в Лондоне. Многие рабочие, пренебрегая опасностью, занимались распространением этой газеты в Германии.

В августе 1880 года в Швейцарии, неподалеку от Цюриха, состоялся первый со времени введения «исключительного закона» партийный съезд. Он проводился в обстановке строгой секретности. О его созыве было сообщение в «Социал-демократе», но в нем не указывалось место и время проведения съезда, поэтому сбившаяся с ног бисмарковская полиция узнала, где проводился этот съезд, уже после завершения его работы. На съезде Либкнехт доложил о деятельности социал-демократов в рейхстаге. Фракция партии в рейхстаге была признана высшим представительством социал-демократии, а газета «Социал-демократ» ее единственным официальным органом. Вскоре после съезда Либкнехт выехал в Лон-

дон и информировал там Маркса и Энгельса о положении дел в партии и в редакции газеты, публикации которой подверглись серьезным замечаниям основоположников научного коммунизма. После возвращения из Лондона в ноябре 1880 года Либкнехт снова попал на шесть месяцев в тюрьму за одну из своих речей.

Вскоре после выхода Либкнехта на свободу саксонское правительство под давлением «сверху» объявило в Лейпциге и округе «малое осадное положение», предписав 33 социал-демократам, включая и Либкнехта, покинуть в течение 24 часов город. Либкнехт перебрался на станцию Борсдорф и жил здесь под надзором полиции вплоть до отмены закона против социалистов. Несмотря на неоднократные приговоры к тюремному заключению по самым различным поводам на несколько недель или месяцев, Либкнехт продолжал активную деятельность по распространению социалистических идей и укреплению влияния партии.

В октябре 1881 года проходили очередные выборы в рейхстаг. Вильгельм Либкнехт баллотировался одновременно в 17 округах. Несмотря на все гонения против социал-демократии, эти выборы принесли им внушительную победу. Партия получила более 300 тысяч голосов. В этой связи Ф. Энгельс в письме И. Ф. Беккеру 4 ноября 1881 года писал: «На выборах наши товарищи в Германии блестяще выдержали испытание... И все это под гнетом исключительного закона и осадного положения, без прессы, без собраний, без каких-либо средств открытой агитации и с уверенностью, что за это снова жестоко поплатятся тысячи людей в партии... Итак, ура нашим ребятам в Германии!»

Тяжелое материальное положение, в котором оказалась партия, побудило Либкнехта совершить пропагандистскую поездку по Америке. В сентябре 1886 года он отправляется в Соединенные Штаты для сбора средств в пользу германской социал-демократии. Вождь германской социал-демократии побывал в Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Детройте, Чикаго, Питтсбурге, Вашингтоне и ряде других городов. И всюду выступал с докладами и речами о рабочем движении и социалистической теории. Ему сопутствовал успех, превзошедший все самые оптимистические ожидания: 16 тысяч марок! Больше половины всех поступивших в избирательный фонд германской социал-демократии средств — вот

что дала поездка Либкнехта в США. Свои впечатления об Америке Либкнехт опубликовал в виде путевых очерков «Взгляд на Новый свет». Книга была написана интересно, содержала много любопытных наблюдений.

Все эти годы, преодолевая немало трудностей, Вильгельм Либкнехт занимается активной литературно-публицистической деятельностью. Наряду с большим числом газетных статей и прокламаций он опубликовал несколько крупных работ, в их числе несколько выпусков «Истории Великой французской революции». Особенно широкое распространение получил превосходный его памфлет «Пауки и мухи». Его переводили на многие языки. На русском языке памфлет издавался около 50 раз. Вот выдержка из этой работы:

«Пауки — это господа, богачи, эксплуататоры, спекулянты, капиталисты, совратители, высшее духовенство, всякого рода тунеядцы, все те, кому выгоден произвол, от которого мы стонем; находящиеся у власти заправилы, которые принимают дурные законы, подавляющие нас; тираны, которые превращают нас в рабов. Пауки — это все те, кто живет на наш, на народный счет, кто попирает нас ногами, кто с презрением относится к нашим страданиям и издевается над нашими напрасными усилиями, над нашим трудом.

Мухи — это мы все, бедные и простые люди, издавна трепетавшие у ступеней алтарей, опускавшие голову перед проклятием жрецов, во славу и на потеху попам друг друга побивавшие и порабощавшие; все те, которые сгибали спину, преклоняли колени и позволяли нашим угнетателям наслаждаться плодами их насилия и неправоты, ибо мы были духовно обессилены калечащим, парализующим волю влиянием их религиозных учений. Пауки — это носители черных подрясников с лживыми и жадными глазами, оплетающие своих простодушных прихожан принижающими человека учениями и воспитывающие дух подчинения и покорности, который отравляет души и, как видно на примере Польши, губит целые народы.

Одним словом, мухи — это угнетенные, порабощенные, эксплуатируемые, а пауки — это гнусные дельцы и спекулянты, произвол и деспотизм, в каком бы виде они ни попадались на пути первых»[7].

Активная пропаганда социалистических идей и раз-

облачение эксплуататорской сущности буржуазного строя в сочетании с большой организационной работой лидеров социал-демократической партии давали хорошие результаты. Произошло неслыханное событие. Партия, загнанная в подполье, двенадцать лет с особой жестокостью преследуемая юнкерско-буржуазным государством, от выборов к выборам увеличивает число депутатских мест, а ее популярность среди рабочих неуклонно возрастает. Накануне выборов 1893 года Ф. Энгельс предсказывал: «Нынешние выборы производят настоящую революцию в положении партий Германии. Они действительно открывают новую эпоху в ее истории. Они знаменуют собой начало конца бисмарковского периода».

На выборах за социал-демократов проголосовало 1,5 миллиона избирателей. Буржуазия пришла к выводу, что такими «драконовскими» методами, как «исключительный закон», с рабочим движением не справиться. И в 1890 году рейхстаг отказался продлить его действие.

В октябре 1890 года впервые после падения исключительного закона против социалистов в празднично украшенном зале в г. Галле Либкнехт, как старейший социал-демократический депутат рейхстага, открыл легальный съезд Социалистической рабочей партии. В нем принимали участие более 400 делегатов со всех концов страны. Кроме того, из ряда европейских стран прибыли гости. В их числе — большой друг Либкнехта Элеонора Маркс-Эвелинг. На съезде был принят новый устав партии, который учитывал изменившиеся условия. В основном он соответствовал принципам демократического централизма. Официальным органом партии стал «Берлинский народный листок», который с 1 января 1891 года получил название «Вперед. Берлинский народный листок». Главным редактором газеты съезд назначил Либкнехта. Этот пост он занимал до самой смерти.

В своих впечатлениях о съезде в Галле Либкнехт писал Энгельсу: «Славный конгресс: 410 делегатов, настоящий рабочий парламент и великолепный дух... Поистине мы счастливцы, что уже при жизни имеем такой урожай». А в конце ноября 1890 года Либкнехт вместе с Бебелем и Зингером приехали в Лондон, чтобы от имени Социал-демократической партии Германии поздравить

Энгельса с 70-летием. В августе 1891 года Либкнехт принимал участие в Брюссельском конгрессе II Интернационала. Здесь он выступил с докладом по вопросу об отношении рабочего класса к милитаризму. Он провозгласил пролетарский интернационализм неотъемлемой частью социалистического движения. При этом он подчеркивал, что врагом рабочих являются не рабочие других стран, а собственная буржуазия. Конгресс в Брюсселе завершился большим успехом марксистов, которые одержали внушительную победу над реформистскими и анархистскими течениями.

В январе 1891 года Фридрих Энгельс опубликовал работу К. Маркса «Критика Готской программы», написанную еще в 1875 году. Через несколько недель после этого Карл Грилленбергер, депутат от социал-демократической партии, выступил в рейхстаге против диктатуры пролетариата и подчеркнул, что германская социал-демократия никогда не подчинится этому программному предложению Карла Маркса. Против такой чудовищной антимарксистской кампании, представлявшей собой опасность для разработки новой революционной программы и вместе с тем для всей стратегии и тактики партии, решительно выступил Вильгельм Либкнехт.

«Диктатура пролетариата означает, что пролетариат должен защищать свои классовые интересы, — писал Либкнехт. — Диктатура пролетариата — это значит, что пролетариат делает для себя то, что другие до сих пор сделали для себя, что именно он берет в свои руки законодательство, то есть использует его на благо трудящихся классов. Ведь рабочий создает все богатство; он создал бы все заново, если бы ушли все имущие. Наша диктатура означает то, что произойдет и что должно произойти, если имущие (классы) не захотят отказаться от своей диктатуры». Либкнехт ссылался на работу К. Маркса «Критика Готской программы», признавал огромное теоретическое значение этой работы и выступал в ее защиту.

В 1895 году Либкнехт встретился с молодым русским революционером Владимиром Ульяновым. Владимир Ильич побывал в Швейцарии, Франции, Германии, установил связи с плехановской группой «Освобождение труда». Особенно продолжительной была остановка в Берлине, где В. И. Ленин, имея при себе рекомендацию от Плеханова, и навестил Либкнехта.

В 1896 году в Берлине состоялось торжественное чествование Вильгельма Либкнехта по случаю его 70-летия. Его юбилей отмечался не только немецкими рабочими, но и международным пролетариатом. На это событие откликнулась социалистическая пресса многих стран. В немецком журнале «Новое время» А. Бебель писал: «Вильгельм Либкнехт, являющийся после смерти Фридриха Энгельса ветераном партии и единственным и последним из ее вождей, кто стоял у ее колыбели и олицетворяет ее многолетние битвы и ее преследования, но также и ее победы и ее рост, празднует 29 марта свое 70-летие. Хотя партия и является врагом всякого культа личности, она не может отказаться и не откажется принести дань благодарности человеку, который более чем на протяжении жизни целого поколения был ее передовым борцом и ее вождем, за то, что он для партии сделал, вытерпел и добился. В лице Либкнехта... воплощается партия; его собственная жизнь — это жизнь партии; больше, чем у любого из нас, его жизнь слилась с жизнью и развитием партии...»[8]

В последние годы жизни Вильгельму Либкнехту пришлось принять участие в борьбе с оппортунистическими выступлениями ряда деятелей социал-демократии. Особенно критически он встретил «теоретические изыскания» Бернштейна. «Мне очень хотелось бы, — писал он весной 1897 года Каутскому, — чтобы Бернштейн сказал однажды, чем отличается его точка зрения и его рассуждения от точки зрения и высказываний «Дейли кроникл» — органа английских обывателей...»

Либкнехт сражался за марксизм в союзе с лучшими силами революционного немецкого рабочего движения — вместе с Августом Бебелем, Паулем Зингером, Кларой Цеткин и Розой Люксембург. На съезде партии в 1898 году в Штутгарте в протоколе зафиксированы бурное одобрение и аплодисменты, когда Либкнехт в конце своей речи высказался против лозунга Бернштейна «Движение для меня все, конечная цель — ничто» и признал, что целью социал-демократического движения является свержение капиталистического общества.

На съезде партии в Ганновере — последнем, в работе которого Вильгельм Либкнехт смог участвовать, — была принята резолюция, в которой говорилось о том, что «все развитие буржуазного общества до сих пор не дает партии повода отказаться от своих основных выво-

дов о нем или изменить их. Партия по-прежнему стоит на почве классовой борьбы и считает, что освобождение рабочего класса — только его собственное дело, следовательно, исторической задачей рабочего класса является захват политической власти...»

В августе 1899 года Вильгельм Либкнехт обратился к членам социал-демократической партии с брошюрой «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!».

В этой замечательной работе, которая стала своеобразным политическим завещанием Либкнехта, он предупреждает партию об опасностях, которые несет с собой отход от тактики классовой борьбы. Он призывал: поддерживать и охранять чистоту классового характера социалистической партии как партии пролетарской; содействовать посредством агитации, воспитания и организации ведению победоносной освободительной борьбы; методически бороться против классового государства, в руках которого сконцентрирована вся политическая и экономическая власть капитализма, и в этой борьбе извлекать для себя возможную выгоду из всех разногласий и конфликтов, возникающих между различными буржуазными партиями...

Брошюра «Никаких компромиссов...» была высоко оценена В. И. Лениным. В 1906 году, когда она вышла в свет в русском переводе, В. И. Ленин в предисловии указывал, что работа Либкнехта имеет особое значение для России накануне выборов во II Думу.

До самых последних своих дней Вильгельм Либкнехт много и напряженно трудился, принимал самое активное участие в политической жизни. 15 июля он присутствовал на банкете Международного конгресса рабочих-текстильщиков в Берлине, 22 июля — на летнем празднике VI избирательного округа Берлина, депутатом которого был. В следующее воскресенье, 29 июля, Либкнехт был на митинге в Дрездене. 12 августа он готовился выступать на народном празднике в Швейцарии, но 7 августа 1900 года неожиданно перестало биться сердце «ветерана германской социал-демократии».

Он вел неустанную борьбу с врагами марксизма до последнего вздоха. Его смерть образовала брешь в рядах сторонников революционного мировоззрения. Последовательная революционная позиция Либкнехта по отношению к капиталистическому общественному строю,

его постоянные выступления в защиту интересов рабочего класса и активная пропаганда марксизма снискали ему уважение среди пролетариев всего мира. Он был глубоко убежден в исторической победе пролетариата и в построении социалистического общественного строя.

Славное дело борьбы за победу пролетариата, которому была посвящена вся жизнь Вильгельма Либкнехта, продолжил его сын Карл Либкнехт. Он стал видным деятелем германского и международного рабочего движения, одним из основателей Коммунистической партии Германии, достойным преемником своего отца.

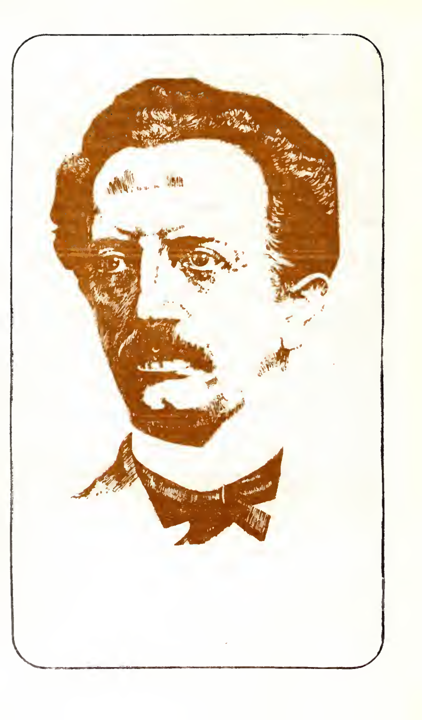

„Враг наших врагов"

Так назвал К. Маркс Фердинанда Лассаля: «Враг наших врагов». Лассаль был видным деятелем рабочего движения Германии середины XIX века. Он активно выступал за создание организационно самостоятельной рабочей партии. В этом его огромная историческая заслуга перед рабочим движением. В письме к Швейцеру от 13 октября 1868 года К. Маркс писал: «...Что касается лассалевского Союза, то он был основан во время реакции. Лассаль — и это остается его бессмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки. Но он совершил крупные ошибки» [1].

Характеризуя Лассаля и его деятельность, Ф. Энгельс отмечал: «Лассаль был чрезвычайно талантлив и разносторонне образован, это был человек большой энергии и почти беспредельной гибкости; он был прямо-таки создан для того, чтобы при любых обстоятельствах играть политическую роль. Но он не был ни первым инициатором немецкого рабочего движения, ни оригинальным мыслителем» [2].

Фердинанд Лассаль родился 11 апреля 1825 года в Бреслау. Его отец был богатым купцом, все родные — торговцами, банкирами и предпринимателями. Родители хотели, чтобы и их сын стал коммерсантом. В гимназии Лассаль учился без особого прилежания, нередко получал плохие отметки. Во избежание столкновений с отцом он «по собственному желанию» был переведен в Лейпцигское коммерческое училище. Директор школы, однако, скоро убедился, что из Фердинанда «никогда не выйдет дельного торговца». И это действительно было так. Его горячая, богато одаренная натура не могла удовлетвориться прозой торговой конторы. Он с жадностью читал немецких классиков, увлекался Гейне и сам мечтал стать поэтом. Между тем обязательные занятия шли плохо, с учителями происходили частые столкновения, и дело кончилось тем, что Лассаль твердо решил оставить школу. Он вернулся в Бреслау, самостоятельно подготовился и выдержал экзамен на аттестат зрелости. После этого ему удалось поступить в университет, сначала в местный, а спустя два года — в Берлинский.

Университет с его шумной, быстро реагирующей на все события жизнью захватил Лассаля. Он стремился быть всюду, обо всем знать, много читать и, само собой разумеется, выступать против всего отжившего и консервативного.

В Бреслау на студенческой сходке он произносит горячую речь в защиту Фейербаха, против которого ополчилась вся реакционная Германия. Это была первая речь Лассаля, за которую он попал под университетский суд.

Университет окончен, и Лассаль отправился в Париж. Там он познакомился с Гейне, который до конца жизни отзывался о нем с величайшим восторгом и удивлением. «Я ни в ком еще не встречал такого соединения страсти и ясности рассудка, — писал он самому Лассалю. — Вы имеете полное право дерзать, между тем как другие лишь узурпируют это божественное право, эту небесную привилегию. В сравнении с вами я оказываюсь лишь скромной мухой». Не один Гейне восхищался Лассалем. Многие пророчили ему самую блестящую будущность.

После университета Лассаль мечтал о научной карьере. Он даже приехал в Берлин с намерением занять место доцента при университете. Но в 1844 году эта затея была оставлена: Лассалю подвернулась возможность прославить свое имя, и он не упускает ее. Несостоявшийся ученый переквалифицируется в юриста — выступает в роли защитника на бракоразводном процессе графини Гацфельдт. Суть этого дела, обросшего со временем сентиментальными подробностями, сводилась к тому, что графиня, преследуемая своим мужем, решилась открыто расторгнуть брак. Поскольку все это делалось довольно смело и вопреки мнению высшего света, то процесс, затянувшийся на девять лет, вызвал много шума. Впрочем, какими бы яркими красками ни рисовал адвокат грубость и деспотизм графа, как бы ни превозносил «бедную, беззащитную» графиню, буря, поднятая им, бушевала в стакане воды. Громкий светский процесс проходил далеко в стороне от магистральных дорог развития Германии: подлинные демократы боролись не за финансовые интересы юнкерства и буржуазии, а за демократическое развитие страны, прежде всего за объединение разрозненных немецких государств «снизу» — революционным путем, выметая на свалку

истории многочисленных германских монархов во главе с прусским королем.

Но вместо того, чтобы направить свою энергию для сплачивания революционных сил, Лассаль разыгрывал скандальные спектакли в суде, уверяя всех, что делает чуть ли не самое важное для демократии дело. В процессе как в капле воды отразились все стороны противоречивой натуры Лассаля. Он энергичен, напорист, выступает как талантливый публицист и блестящий оратор. И в то же время Лассаль склонен к бутафории, позерству, чувствует себя на вершине счастья, когда восторженные дамы забрасывают его, поборника «женского равноправия», цветами и воздушными поцелуями.

Роль Лассаля в этом бракоразводном деле вызвала законное возмущение не только К. Маркса и Ф. Энгельса, но и в среде дюссельдорфских рабочих. Впрочем, процесс не настолько захватывает Лассаля, чтобы он остался безучастным к революции 1848 года, которая всколыхнула всю Германию. Дюссельдорф, где жил в это время молодой юрист, сотрясался от его призывов к сопротивлению властям, к отказу от уплаты налогов. В ноябре 1848 года за Лассалем захлопывается железная дверь тюремной камеры. Он оказывается под следствием с чудовищным, с точки зрения благонамеренных буржуа, обвинением — «в возбуждении граждан к вооруженному сопротивлению королевской власти». В свою защиту Лассаль произнес речь, которая и сейчас поражает ясной логикой, увлекательным красноречием и твердой убежденностью в правоте содеянного. Примечательно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, видевшие в этом аресте акт монархического насилия, выступили на страницах «Новой Рейнской газеты» в защиту Лассаля.

Ко времени революции относится увлечение Лассаля социалистическими идеями. Он знакомится с социалистической литературой, внимательно следит за «Новой Рейнской газетой», вступает в переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но ни общение с этими двумя великими мыслителями и революционерами, ни чтение «Манифеста Коммунистической партии» не привели к радикальному изменению взглядов Лассаля. Коммунистом, сторонником той теории, которую терпеливо, камень за камнем, возводили Маркс и Энгельс, он не становится. Лассаль выступает как мелкобуржуазный демократ, в мировоззрении которого самым причудливым образом

соединялись разнообразные теории и взгляды, начиная от отдельных положений, взятых из «Манифеста», и кончая прудоновским призывом к созданию производственных ассоциаций. Энгельс отмечал, что весь социализм Лассаля состоял в том, чтобы «ругать капиталистов».

Как философ Лассаль оставался сторонником идеалистического учения Гегеля. Исторический процесс он объяснял «внутренним развитием самосознания» и «саморазвитием духа». «Дух» же этот ведет «развитие рода человеческого по направлению к свободе». Надо сказать, что, провозгласив эту «истину», Лассаль проводит ее всюду. В своей работе «Система приобретенных прав» он пишет: «Культурно-исторический процесс всей истории права состоит именно в том, чтобы все более ограничивать сферы собственности отдельной личности, чтобы все большее количество объектов выводить из сферы частной собственности». И дальше: «...это все прогрессирующее сокращение сферы частной собственности своим базисом имеет не что иное, как положительное развитие человеческой свободы, и только здесь, в этой сфере, достигает своей истинной реализации».

Нельзя отказать автору «Системы приобретенных прав» в последовательности: выступая уже в роли экономиста, он использует этот вывод для низвержения с пьедестала кумира буржуазных экономистов — частной собственности. Но выступает Лассаль не против частной собственности вообще, а только против капиталистической. Лассаль копирует Прудона и утверждает, что «социализм хочет не уничтожить собственность, а, наоборот, впервые ввести индивидуальную собственность, основанную на труде». Предел мечтаний Лассаля — превращение всех работников в собственников. Этакое преобразованное буржуазное общество без пролетариата!

Эклектизм взглядов Лассаля, отсутствие сколько-нибудь твердых революционных убеждений на практике приводили к беспринципным соглашениям и политическим авантюрам. В 1862 году Лассаль увлек Гарибальди грандиозным планом вооруженного восстания. Народный герой Италии должен был весной высадиться в Далмации, поднять восстание и двинуться на Будапешт. Как полагали заговорщики, появление отрядов Гарибальди привело бы к выступлению в Вене, а тем временем Лассаль поднял бы рабочих в Германии.

К этому плану Лассаль относился совершенно серьезно и послал о нем записку К. Марксу. Разумеется, при отсутствии революционной ситуации подобная затея была чистейшей авантюрой. Маркс высмеял Лассаля, назвав его замыслы в письме к Энгельсу «потешной» выдумкой.

В начале 60-х годов, в условиях оживления рабочего движения, Лассаль приступил к делу, которое обессмертило его имя: он начал агитацию за создание политической организации немецкого пролетариата. Маркс и Энгельс высоко ценили эту сторону деятельности Лассаля, поскольку объективно создание политической организации привело бы к освобождению рабочего движения от влияния буржуазии, создавало бы почву для «антибуржуазных выступлений». Но при этом Лассаль отвергал революционную борьбу рабочего класса, выступал против требования диктатуры пролетариата. Он стоял за «мирные», парламентские методы и полагал, что всеобщее избирательное право предоставит власть в руки пролетариата, поможет создать «свободное народное государство». Лассаль рекомендовал в открытом письме к лейпцигским рабочим: «Организуйтесь в форме всеобщего рабочего союза для законной и мирной агитации в пользу всеобщего избирательного права».

Весной 1862 года Лассаль прочел в Берлине три публичные лекции: «О философии Фихте», «О сущности конституции» и «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия». Последнюю речь он издал в виде брошюры под заголовком «Программа работника». Эта речь принесла автору широкую известность. В ней был воспроизведен ряд мыслей «Коммунистического манифеста». Впервые за много лет в Германии — в атмосфере либеральной затхлости, проповеди общности интересов буржуазии и рабочих — прозвучали слова об особых, исторических задачах рабочего класса, который должен теперь выступить самостоятельно, потому что пришел его час.

Как в речах, так и в брошюре содержатся призывы к действию, к активному политическому выступлению рабочих, обосновываются требования организованной политической борьбы. «Высокая всемирно-историческая честь должна преисполнить собою все ваши помыслы, — говорит Лассаль в «Программе работника». — Вы —

скала, на которой зиждется церковь настоящего. Вы уже достаточно испытали, чтобы знать, что такое цезаризм. Прочь новый компромисс!»

«Программа работника» — лучшее из агитационных произведений Лассаля. Вместе с тем основные идеи «Манифеста» были серьезно извращены в идеалистическом отображении Лассаля. Получалась довольно парадоксальная картина. Рабочему движению «Программа» дала толчок вперед, а социалистическая мысль оказалась отброшенной назад. Понятие «класса» у Лассаля заменилось убогим и ограниченным понятием «сословия». Живая материалистическая диалектика «Коммунистического манифеста» превратилась в застывшие, формальные, раз и навсегда данные категории. Вместо открытого признания непримиримости классовых интересов буржуазии и пролетариата и неизбежности классовой борьбы автор «Программы» призывал рабочих: «Не заглядывайтесь ни вправо, ни влево: будьте глухи ко всему, что не всеобщее и прямое избирательное право или что не связано с ним и не может вести к нему!»

Энгельс отмечал по этому поводу, что «социализм Лассаля не был смелый социализм «Манифеста».

В феврале 1863 года Лассаль получил от комитета для созыва германского конгресса рабочих письмо, в котором отмечалось, что его брошюра «встречена с громадным сочувствием среди рабочих». На это письмо Лассаль ответил своим небольшим произведением «Гласный ответ Центральному комитету, учрежденному для созыва общегерманского конгресса в Лейпциге». Центральной мыслью Лассаля была организация рабочих в свою особую, политическую партию. Автор предлагает «сделать» рабочее сословие своим собственным предпринимателем» — на основе учреждения свободных производственных ассоциаций рабочих с государственным кредитом и под контролем государства. Только таким путем возможно будет освободить рабочих от гнета «железного закона заработной платы».

«Железный закон заработной платы» — одно из «экономических открытий» Лассаля. Опираясь на реакционную теорию Мальтуса, Лассаль сделал вывод, что средний размер заработной платы никогда не поднимется выше минимума, необходимого «для поддержания жизни и для размножения».

Теоретически ошибочное положение о «железном за-

коне» вело Лассаля и к практически неверным, мелкобуржуазным выводам о бесперспективности организованной борьбы рабочего класса с буржуазией за свои жизненные права. Выступая против лассалевского «открытия», К. Маркс отмечал, что этот закон, будучи «экономической фикцией», «смешивает законы, регулирующие общее движение заработной платы, или отношение между рабочим классом, т. е. совокупной рабочей силой, и совокупным общественным капиталом, с законами, регулирующими распределение рабочего населения между отдельными сферами производства» [3]. Было доказано, что нет и не может быть никакого «железного закона зарплаты», ибо ее высота зависит не только от стоимости продуктов питания и одежды, необходимых для поддержания жизни рабочих, но и от степени политического и культурного развития рабочих, от их революционной сознательности и организованности, от их способности сопротивляться капиталистам.

К. Маркс убедительно показал, что ликвидация системы наемного труда необходима для устранения соответствующих специфических законов заработной платы. «Если я устраняю этот наемный труд, — продолжает он, поясняя свою мысль, — то, естественно, я устраняю и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка. Но борьба Лассаля против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона» [4].

После принятия в 1891 году в Эрфурте «Программы Социал-демократической партии Германии» «железный закон заработной платы» безвозвратно исчез из теоретических положений немецкой рабочей партии и рабочего движения.

Фридрих Энгельс в письме А. Бебелю писал, что «нашей партии абсолютно нечему учиться у Лассаля в области теории». Теоретические изыскания Лассаля пестрят серьезными ошибками. Об этом свидетельствует не только путаница в политэкономии капитализма. Не менее ошибочны его рассуждения и о государстве. Лассаль превратно изображает связь общества и государства, он склонен наделить государство ролью творца экономических феноменов: «Собственность впервые создается государством». Лассаль не понял и классовой природы буржуазного государства, громогласно заявляя немецким рабочим: «Государство принадлежит вам, нуждаю-

щимся классам, а не нам, высшим сословиям, потому что из вас оно и состоит... Государство — это вы, великая ассоциация беднейших классов!»

Лассаль предлагал рабочим создавать с помощью государственного кредита рабочие фабрики. «Я требую от государства только мизинца! — восклицает Лассаль, имея в виду организацию кредита. — Из него все остальное развилось бы органически, само собою, творческой силой жизни... Мир был бы неузнаваем!» Рабочие ассоциации, по Лассалю, постепенно возьмут в свои руки управление производством. Государство же благодаря введению избирательного права и завоеванию рабочими большинства в парламенте делается «рабочим государством».

Овладение государственной машиной у Лассаля означало сохранение в неприкосновенности прежнего аппарата власти, поскольку само государство становилось «народным». Рецепт для этого — всеобщее прямое и равное избирательное право. Добиваться последнего, по мнению Лассаля, нужно преимущественно апелляцией к благоразумию общественного мнения исключительно мирным и законным путем.

Конечно, это была вредная иллюзия, внушаемая немецким рабочим. Лассаль к тому же утверждал, что всеобщее избирательное право не должно быть направлено против монарха, поскольку у последнего гораздо больше общего с простым народом, чем с буржуазией.

Внешне получалась очень стройная схема теоретических измышлений: «железный закон заработной платы», ассоциации производителей с государственным кредитом, помощь своего государства, завоеванного всеобщим избирательным правом. На самом же деле все это — полная путаница, в которой не было ничего научного, близкого к революционной теории Маркса.

В начале 60-х годов Лассаль много времени уделял образованию Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС). Поскольку Лассаль совсем не ставил задачу создания революционной партии, то членом организации мог быть каждый рабочий, заявивший о своем желании вступить в союз. От нерабочих требовалось согласие с принципами и целями организации, и принимать их могло только правление. Союз был организован на началах строгого централизма. Во главе стояло правление из 24 членов, включая президента. На ме-

стах — уполномоченные. В мае 1863 года президентом на пять лет был избран организатор союза — Лассаль. Формально власть президента была ограничена правлением, но члены его жили в разных городах, собираться было трудно, и фактически Лассаль стал полновластным диктатором. В этом смысле он придавал чрезвычайное значение партийной дисциплине: каждый должен был беспрекословно повиноваться президенту. Противоречие между идеей широкого рабочего союза и узкоцентралистской организацией не замедлило сказаться, как только союз действительно начал развиваться.

Союз был невелик: через три месяца число записанных составило 900 человек. Для привлечения новых членов в организацию Фердинанд Лассаль отправился в агитационную поездку. Он выступал на рабочих собраниях, перед тысячными аудиториями слушателей. Противники Лассаля устраивали ему обструкцию, прерывали речь свистом, не раз дело доходило до потасовок. Но, несмотря ни на что, выступления Лассаля в Лейпциге, Франкфурте, Берлине сопровождались невиданным триумфом, Лассаль стал утверждать, что в течение года ему удастся вовлечь в союз весь пролетариат Германии.

Конечно, успех агитационной поездки во многом можно объяснить личными качествами Лассаля: он был прекрасным оратором, чутко прислушивающимся к настроению слушателей, умеющим, когда надо, разыграть гнев и вызвать слезы. Но не это главное. Реакция рабочих на выступления Лассаля в то время свидетельствовала об огромной тяге немецких пролетариев к объединению, к политической борьбе за свои интересы. Именно в этом и кроются главные причины триумфа Лассаля, несмотря на всю умеренность его программы.

Глубоко ошибочная трактовка сущности буржуазного государства логически привела Лассаля к заигрыванию с главой прусского правительства — Бисмарком. Лассаль верил, что «государство, помимо воли его руководителей, можно привести в соответствие с его «истинной» ролью». В этом проявилась, независимо от субъективной «доброй воли», объективная измена Фердинанда Лассаля революционному немецкому рабочему движению.

Он вступает в переговоры с Бисмарком и стремится уверить его, что «рабочие склонны видеть в короне есте-

ственного носителя социальной диктатуры», призывая монархию ни больше ни меньше как «превратиться из монархии привилегированных сословий в социальную и революционную монархию». Зная о трениях Бисмарка с либеральной оппозицией в рейхстаге, Лассаль предлагает сделку: даруйте нам всеобщее избирательное право, и Германский рабочий союз обрушится на общего врага — буржуазию.

В своих письмах он пишет: «Ваше превосходительство! Прежде всего я сожалею, что вчера забыл еще раз убедительно просить вас о том, чтобы право быть избранным было распространено безусловно на всех немцев. Это невероятно могущественное средство! Действительно «моральное» завоевание Германии! Что касается техники выборов, то вчера же ночью я перечитал всю историю французского законодательства, но нашел там очень мало, что могло бы пригодиться. Но я много думал об этом, и теперь я, во всяком случае, могу предложить вашему превосходительству желанные волшебные рецепты против воздержания от выборов и дробления голосов. В их радикальном действии нельзя сомневаться ни в малейшей степени. Я ожидаю поэтому, что ваше превосходительство назначит мне определенный вечер. Но убедительно прошу выбрать вечер так, чтобы нам не мешали...

В ожидании решения вашего превосходительства остаюсь с совершенным уважением весьма преданный вам Ф. Лассаль».

Должно быть, отправляясь на встречи с Бисмарком, Лассаль искренне считал, что он умело «ведет свою партию в игре» с канцлером, но на самом деле всю выгоду от «сотрудничества» получал Бисмарк.

Ловкий политик и интриган, человек, который через несколько лет введет драконовский «исключительный закон против социалистов», Бисмарк в то время посчитал возможным привлечь на свою сторону рабочий класс в конфликте с оппозицией. Или по крайней мере добиться его нейтралитета. Поэтому глава прусского правительства не скупится на обещания: он «намерен убедить корону изменить политику, ввести всеобщее избирательное право и заключить союз с народом!». Разумеется, как только конфликт был улажен, Бисмарк «забыл» о своих посулах Лассалю.

Политика Лассаля была оппортунистической. Лас-

саль не верил в силы рабочего класса и демократических масс; он чаще поглядывал не «вниз», а «вверх» — на Бисмарка. Ничего не зная о заигрываниях Лассаля с Бисмарком, Маркс и Энгельс предугадывали его стремление сотрудничать с правительством. «Парень (Лассаль. — *Авт.*) работает прямо-таки на Бисмарка», — восклицал в одном из писем в июне 1863 года Энгельс, сам не подозревая, насколько он близок к истине. За защиту монархии Маркс и Энгельс называли Лассаля «королевским прусским демократом». Г. В. Плеханов справедливо отмечал, что Лассаль «иногда готов был идти рядом с прусским правительством, соглашая несогласимое: реакционную монархию с революционной демократией».

В мае 1864 года Лассаль снова отправился в агитационную поездку, во время которой посетил Лейпциг, Золинген, Бремен, Кельн, Вермелькирхен. 22 мая в Ронсдорфе праздновали годовщину основания Всеобщего германского рабочего союза. Встреча его президента прошла с большим подъемом. Лассаль произнес по этому случаю речь, которая была посвящена исключительно успехам союза — любимого его детища. Оратор напомнил о неблагоприятных обстоятельствах первого периода своей деятельности и полном отсутствии какой-либо поддержки. «Стало быть, — заявил он, — не всего ли вернее было думать, что творению нашему суждено явиться на свет мертворожденным. Напомню вам одно чрезвычайно поэтическое средневековое сказание, которому в народе верили много веков. Говорили, что лев родится всегда мертвым и что только страшное рыкание льва-отца пробуждает его к жизни. Ну вот, мы разыграли легенду! В первый день наше дитя казалось мертво, но мы так страшно рыкали, что это отдалось во всех немецких землях, и дитя пробудилось к жизни, доказав этим, что оно истый львенок».

После выступления в Ронсдорфе Лассаль отправился в Дюссельдорф, чтобы предстать перед судом по поводу жалобы на одну из его речей. Суд приговорил его к заключению — одному году тюрьмы. После апелляции этот срок был снижен до шести месяцев. Лассаля тяготило предстоящее отбывание наказания. В таком общем душевном состоянии он думает оставить политику: «Ничего я больше так не жажду, как освободиться совсем от политики и уйти в науку, при-

роду, дружбу. Я устал от политики и сыт ею!» «Вследствие чрезмерного напряжения сил и слишком возбужденного состояния нервов, — писал он Родбертусу, — я до того ослабел, что нервы мои болтаются, как веревки вокруг тела».

Летом 1864 года Лассаль уехал в Швейцарию отдыхать и лечиться. Здесь он работал над своим основным экономическим произведением «Господин Бастиа-Шульце-Делич, экономический Юлиан, или Капитал и труд», направленным против экономических теорий Шульце-Делича (Герман Шульце из Делича, или, как его называли для краткости, Шульце-Делич), который активно распространял среди рабочих буржуазные экономические взгляды.

Шульце-Делич, названный в буржуазной прессе «королем в социальной области», призывал рабочих и ремесленников к экономии и бережливости. Зачем? Для сколачивания капитала. «Капитал есть необходимое условие и верный помощник человека в производстве», — поучает Шульце работников. Рост капитала обусловливает большой спрос на труд и лучшую заработную плату. Капитал, который создадут на сэкономленные средства, нужен рабочим для организации самостоятельных промышленных предприятий. Теория Шульце привлекала к себе много ремесленников, мелких самостоятельных производителей, для которых его кредитные и сырьевые товарищества «самопомощи» были некоторым подспорьем в их тяжелой борьбе с крупной промышленностью.

Для Лассаля же с его концепцией государственной помощи, с громкими обвинениями капиталистов в ущемлении «индивидуального капитала» такой подход был неприемлем. Не давала покоя, по-видимому, и слава Шульце, посягающего на популярность Лассаля. И Лассаль обрушивается на Шульце с критикой — а уж это он хорошо умеет, — разоблачая его теорию «самопомощи» (рекламируя свою — государственного кредита), запугивая ремесленников скорым разорением. Однако труд Лассаля еще до своего появления был холостым выстрелом. Критиковал он Шульце не с позиций марксизма, не вооружившись диалектическим методом познания. Отсюда поверхностность его разбора, хотя и прикрытая броской фразой. Более того, по сути дела, оба автора — и Лассаль, и его оппонент —

были сторонниками буржуазного реформизма, расходясь лишь в одном вопросе — как это сделать.

Г. В. Плеханов отмечал, что Лассаль пробовал соединить теорию Маркса со взглядами Родбертуса, а эклектизм такого рода должен был уже сам по себе отрицательно повлиять на стройность и целостность экономических взглядов: «Лассаль не все даже понимал из того, что имелось у Маркса в области экономической. Лассаль остался на полпути от английских классиков к Марксу, не обнаружив к тому же достаточного терпения в изучении экономических вопросов».

Работа над книгой «Господин Бастиа-Шульце-Делич» не укрепила душевное состояние Лассаля. По мере того как он все очевиднее убеждается в том, что повести за собой широкие массы рабочих не удастся, он все более разочаровывается в политической деятельности, чувствует себя усталым и опустошенным.

Конец Лассаля был похож на плохо разыгранный фарс. Еще в 1862 году Фердинанд Лассаль познакомился с Еленой фон Деннигес, дочерью баварского дипломата. Во время лечения Лассаля в Швейцарии они снова встретились, и красивая, обаятельная Елена покорила Лассаля. Но в то время она была уже невестой румынского магната Янко фон Раковица. Развязкой стала дуэль Лассаля с Раковицем, в результате которой 31 августа 1864 года Фердинанда Лассаля не стало. На скромном могильном памятнике в Бреслау высечена надпись: «Здесь покоится все, что было смертного в Лассале, мыслителе и борце».

Неожиданная смерть Лассаля поразила многих в Германии. И не только рабочих-лассальянцев, но и его противников. Сразу создалась легенда о том, что Лассаль пал от рук политических врагов, стал жертвой интриги.

«Можешь себе представить, как это известие поразило меня, — писал Ф. Энгельс К. Марксу 4 сентября 1864 года. — Каков бы Лассаль ни был как личность, как литератор, как ученый, но что касается политики — это был, несомненно, один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадежным другом, в будущем — довольно несомненным врагом, но все же становится очень больно, когда видишь, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии. Какое ликование будет те-

перь в лагере фабрикантов и прогрессистских собак, — ведь в самой Германии Лассаль был единственным человеком, которого они боялись» [5].

После смерти Лассаля оппортунисты различных направлений (в том числе и нынешние) стали противопоставлять лассальянство марксизму. Они заявляли о «демократическом» характере учения Лассаля, всячески превозносили его стремление уйти от революционной борьбы. Очевидно, и это побудило Энгельса взяться — спустя четверть века после гибели автора «Гласного ответа...» — за перо, чтобы развеять «легенду о Лассале»: «Если в период исключительного закона Лассаля не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить действительное положение Лассаля по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии легенда, прикрывающая истинный образ Лассаля и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассаля перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог... В его агитационных брошюрах то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, ошибочными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя задетой оценкой Маркса, знает Лассаля только по двум годам его агитации, да и на нее смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем» [6].

Вот о чем надо мечтать!

В 1901 году, разрабатывая программу создания партии, В. И. Ленин в работе «Что делать?» писал: «По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России. Вот о чем нам надо мечтать!»[1]

Фердинанд Август Бебель родился 22 февраля 1840 года в предместье Кельна — Дейце. Первые детские впечатления — мрачная комната, которая «в одно и то же время служила спальней и столовой, гостиной, кухней и кладовой».

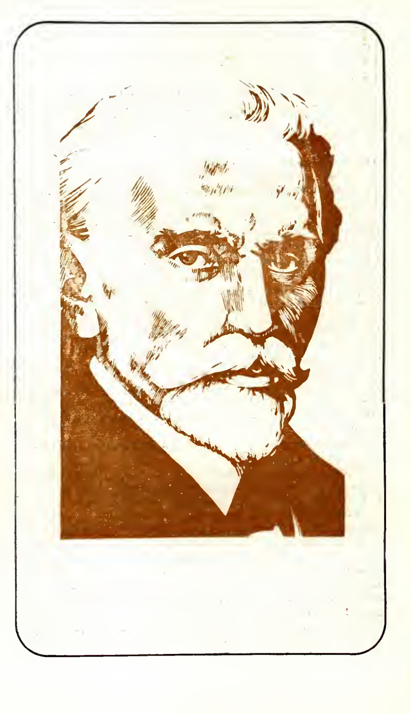
Отец Августа Бебеля служил унтер-офицером в прусской армии. Жалованье было мизерное, лавка, которую держала мать для солдат гарнизона, не приносила дохода. Нужда, полуголодное существование надолго стали спутниками Августа.

Летом 1844 года умер отец Бебеля. Семья оказалась в катастрофическом положении. Мать с тремя малолетними детьми без средств к существованию должна была оставить крепость. Спас семью от гибели родной брат отца, который становится мужем вдовы и отцом осиротевших детей. Он работал в Браувейлере смотрителем тюрьмы и исправительного дома. Здесь маленькому Августу пришлось наблюдать тяжелый режим, о котором он с содроганием вспоминал на склоне лет.

Единственной отрадой в жизни Августа были те короткие часы, когда он посещал сельскую школу в качестве «вольноопределяющегося».

Шесть лет было старшему из детей — Августу, когда в 1846 году от чахотки умер отчим. То мизерное благополучие, которое вновь обрела было семья Бебелей, навсегда покинуло их. Мать Августа, спасаясь от нищеты, перебралась на свою родину, в городок Вецлар. Но и здесь оказалось не лучше. Нужда, непосильная работа подорвали ее здоровье. В 1853 году после долгой тяжелой болезни она умерла от чахотки.

Ее состоятельная сестра, владевшая водяной мель-

ницей, забирает мальчиков к себе. Август посещает школу, а в свободное время выполняет обязанности работника на мельнице. В своих воспоминаниях он пишет, что принадлежал к числу лучших учеников. Учитель обратил на него и еще на двух мальчиков особое внимание, обучал их арифметике, геометрии и даже высшей математике. После окончания школы 14-летнего Августа определяют в ученики к мастеру токарного дела. Рабочий день продолжался четырнадцать часов. Так Бебель на себе испытал все те беды и лишения, которые выпадали на долю рабочих в Германии. Но при этом он еще ухитрялся выкраивать по вечерам время для чтения.

В 18 лет Бебель становится подмастерьем и начинает самостоятельную жизнь. В поисках заработка он отправился в путешествие по стране. В течение двух с лишним лет Бебель обошел всю Южную Германию и Австрию, пока наконец в 1860 году не поселился в Лейпциге. Здесь он стал работать подмастерьем токаря. С Лейпцигом, одним из крупнейших промышленных и культурных центров Германии, надолго будет связана последующая жизнь Бебеля. Здесь он находит постоянную работу, участвует в одном из союзов при политехническом обществе.

Общество было либерально-умеренного толка, не могло, разумеется, способствовать выработке социалистического мировоззрения Бебеля. И все же знакомство с литературой, с английским и французским языками, которые преподавали членам общества, было полезно для расширения кругозора будущего вождя германского пролетариата.

В эти же годы Бебель проявляет определенный интерес к рабочему и социалистическому движению.

В марте 1863 года был опубликован лассалевский «Гласный ответ Центральному комитету по созыву всеобщего германского рабочего конгресса в Лейпциге». Со свойственными ему талантом и яркостью Лассаль на немногих страницах призвал германских рабочих к созданию организации и политическому обособлению от буржуазии, к борьбе за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

В начале 1864 года в Лейпциге группа из Рабочего просветительного общества примкнула к Лассалю. В ее составе был и Август Бебель. Правда, несмотря на то,

что Бебель тогда по своему мировоззрению был еще близок к мелкобуржуазным демократам, он уже тогда с недоверием относился ко многим декларациям Лассаля. А впоследствии, когда Бебель стал социалистом, он выступал против всех попыток Лассаля и его последователей подчинить коренные интересы пролетариата интересам буржуазии.

В первой половине 60-х годов по Германии прокатились крупные забастовки.

Август Бебель внимательно присматривается к событиям, задумывается над тем, что дают рабочим программы, провозглашенные либералами из просветительного общества или сторонниками Лассаля. Искреннее желание помочь обездоленным пролетариям, глубокое знание жизни, полученное не из книг, а из самой гущи человеческих страстей, страданий, столкновений, наконец, знакомство с социалистической литературой, в том числе с работами К. Маркса, привели к крутому перелому во взглядах Бебеля. Он избавляется от либерально-буржуазных взглядов и приходит в лагерь социалистов. Положительную роль в этом сыграл Вильгельм Либкнехт, с которым Бебель познакомился в 1865 году. «Знакомство с Либкнехтом, — вспоминал впоследствии А. Бебель, — только ускорило мое превращение в социалиста. Эта заслуга принадлежит ему. То же самое могу сказать относительно утверждения, что Либкнехт сделал из меня марксиста»[2]. С тех пор началась их многолетняя совместная деятельность в рабочем движении.

Либкнехт был гораздо старше, политически опытнее и образованнее Бебеля. Он был участником революции 1848 года и долгие годы изгнания прожил в Англии. О замечательной дружбе и совместной работе Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта Франц Меринг писал: «Почти сорокалетняя дружба Бебеля и Либкнехта стала для немецкого рабочего движения по-своему не менее значительной, чем почти сорокалетняя дружба, существовавшая между Марксом и Энгельсом, в своем роде даже значительнее. Ибо по возрасту и воспитанию, по дарованиям и склонностям, по опыту и знаниям, по характеру и темпераменту Бебель и Либкнехт стояли много дальше друг от друга, чем Маркс и Энгельс. То, как они в длившейся десятилетиями борьбе преодолели все противоречащее и противоборствующее

ради высокой цели, за которую оба боролись с равным воодушевлением, одинаково делает честь обоим».

В феврале 1867 года Август Бебель, руководитель объединения рабочих союзов Саксонии, избирается от округа Глаухау-Мееране депутатом в учредительный рейхстаг Северогерманского союза. В апреле он отправляется на сессию в Берлин, которая обсуждала проект конституции Северогерманского союза. В своей речи А. Бебель разоблачил прусский характер Северогерманского союза. «У меня нет желания поддерживать такую политику, — говорил он. — Я решительно протестую против союза, цель которого состоит в том, чтобы превратить Германию в огромную казарму и уничтожить последние остатки свободы и прав народа». С трибуны рейхстага и в публичных выступлениях перед рабочими Бебель разоблачал антинародный характер государственного строя новой Пруссо-Германии.

В октябре 1867 года Бебель выступил в рейхстаге против законопроекта о воинской повинности, доказывая необходимость сокращения срока службы. Бебель принял также участие в работах комиссии по выработке нового положения о промышленности, а также защищал в рейхстаге право судов рассматривать вопрос о расторжении трудовых договоров, выступал против применения детского труда на фабриках.

Однако за свою парламентскую и общественно-организационную деятельность А. Бебель не получает ни гроша. Он по-прежнему на кусок хлеба для себя и семьи зарабатывает напряженным трудом, многие часы простаивая за токарным станком. Еще более ухудшается положение семьи, когда он совершает многонедельные агитационные поездки. Дорого обходятся ему и поездки в Берлин, и время пребывания на сессии рейхстага. Господствующие классы специально не допускают принятия закона о выплате депутатам денежного содержания, чтобы преградить путь избранникам пролетариата и всех трудящихся в рейхстаг. А бедные саксонские ткачи не могли оказывать материальную помощь своему депутату.

И все же это не могло остановить Бебеля и его соратников. В 1868 году благодаря активной деятельности Бебеля и Либкнехта на съезде рабочих союзов в Нюрнберге, вопреки противодействию буржуазных делегатов, было принято решение о присоединении к про-

грамме I Интернационала. После этого у Бебеля все больше крепнет убеждение в необходимости создания пролетарской партии, которая могла бы сознательно организовывать классовую борьбу во всех ее формах. Вместе с Либкнехтом он отдает много сил организации независимого профессионального движения. Историческое значение профессиональных союзов, писал он, состоит в том, что в них «рабочая масса приобретает классовое самосознание и учится вести борьбу против власти капитала; профессиональные союзы, таким образом, естественно превращают рабочих в социалистов».

В связи с революционным брожением и кризисом в монархической Испании Бебель и Либкнехт в 1868 году обратились с воззванием «К испанскому народу», с призывом учредить «социал-демократическую республику». Саксонское правительство за это «еретическое» выступление социалистических вождей приговорило их к трехнедельному тюремному заключению каждого. С этого и начинаются странствия Бебеля по тюрьмам прусско-германской монархии.

Большую работу проводил Бебель, чтобы привлечь на свою сторону рабочих, входящих в лассальянский Всеобщий германский рабочий союз. В 1869 году лучшие силы лассальянского союза высказались в поддержку Бебеля и Либкнехта, за создание единой рабочей партии. В августе 1869 года в Эйзенахе на учредительном съезде была основана Социал-демократическая рабочая партия. Бебелю и Либкнехту поручили разработать программу и устав партии, которые были приняты съездом с незначительными изменениями. Эта программа базировалась на учении К. Маркса и Ф. Энгельса. Она определяла частную собственность на средства производства как основу всякого закабаления человека, провозглашала необходимость уничтожения собственности капиталистического способа производства и ликвидации любой формы классового господства. Целью партии провозглашалось завоевание пролетариатом политической власти.

Высоко оценивая роль вождей эйзенахцев, В. И. Ленин писал: «История оправдала Бебеля и Либкнехта, *несмотря* на то, что Германия объединилась по-бисмаркски. Только последовательно демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их

«неуступчивость» национализму, только их непримиримость по отношению к объединению Германии и обновлению ее «сверху» помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о ф у н д а м е н т е партии».

В 1870 году в Штутгарте состоялся первый съезд молодой партии. На нем Бебелю пришлось преодолеть немалое сопротивление, чтобы обеспечить принятие решения Базельского конгресса I Интернационала (1869 г.) об отношении социалистов к аграрному вопросу. По предложению Бебеля съезд принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости превратить землю «в общественную собственность, с тем чтобы она отдавалась государством в аренду сельскохозяйственным кооперативным товариществам, которые были бы обязаны обрабатывать землю при помощи научных методов и распределять весь продукт труда между своими членами согласно договору».

В 1867—1871 годах в северогерманском рейхстаге было всего два социалиста марксистского направления — Бебель и Либкнехт. Их голоса звучат под сводами королевского замка как «грозное предзнаменование» господствующим классам (Энгельс). В этот период Бебель формируется как пролетарский парламентарий. Он превращает трибуну рейхстага в средство пропаганды идей социализма. Бебель и Либкнехт выступили против бисмарковской политики, решительно подняли свой голос против войны.

В первые дни франко-прусской войны Либкнехт не сразу разобрался в ее характере, но Бебель сумел убедить его в том, что необходимо воздержаться от голосования в рейхстаге при утверждении военных кредитов.

Бебель написал специальное заявление для оглашения в рейхстаге, к которому присоединился Либкнехт.

В ноябре 1870 года при обсуждении в рейхстаге вопроса о дальнейших кредитах на ведение войны Бебель предъявил правительству и господствующим классам обвинение в том, что они ведут «не оборонительную войну, а завоевательную войну, не войну за независимость Германии, а войну за порабощение благородной французской нации». Он решительно осудил аннек-

сию Эльзаса и Лотарингии и потребовал отклонить военные кредиты.

С трибуны рейхстага Бебель заявил, что войны последних 10 лет всегда были направлены против интересов народа, который поймет все это, и результат может быть один: «...только опираясь на свою собственную силу, на свое собственное право самоопределения, он должен создать новую организацию: другими словами, конечной целью германского народа может и должно быть только уничтожение монархии и основание республики».

Интернационалистическая позиция немецкого рабочего класса во время франко-прусской войны является славной страницей его истории, и в этом немалая заслуга Бебеля и Либкнехта. В одном из писем Энгельс писал: «Немецкие рабочие проявили во время этой войны такую проницательность и энергию, которые сразу ставят их во главе европейского рабочего движения, и Вы понимаете, какой гордостью это наполняет нас!» [3]

В декабре 1870 года Бебель был арестован и брошен в одиночную камеру лейпцигской тюрьмы. Но уже в марте власти были вынуждены выпустить его на волю: Бебель был избран в общегерманский парламент — рейхстаг. На этот раз он оказался единственным социал-демократическим депутатом в рейхстаге, так как лассальянцы и Либкнехт на выборах потерпели поражение.

И тем труднее и почетнее была ноша, которая оказалась на плечах Бебеля. Депутат от социал-демократической партии один в рейхстаге должен был защищать дело Парижской коммуны. Это было нелегко, поскольку вся германская буржуазия ополчилась против коммунаров, обливая их потоками лжи. «Будьте уверены, весь европейский пролетариат и всякий, кто хранит еще в своей груди любовь к свободе и независимости, смотрят на Париж, — сказал Бебель в последние дни существования Коммуны. — И если даже в настоящий момент Париж подавлен, то я напоминаю вам, что борьба в Париже представляет собой только маленькую аванпостную стычку, что главное дело еще предстоит нам в Европе и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Война дворцам, мир хижинам, смерть нужде и

праздности!» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата»[4].

В июне 1871 года Ф. Энгельс писал из Лондона Либкнехту: «Немецкие рабочие держались во время этого последнего большого кризиса превосходно, лучше всех остальных. Великолепно представлял их Бебель; его речь о Коммуне обошла всю английскую печать и произвела здесь большое впечатление»[5].

В 1872 году за революционную деятельность во время войны Бебель и Либкнехт были арестованы и предстали перед судом в Лейпциге. Им было предъявлено обвинение в подготовительных действиях к государственной измене. Благодаря выступлениям Либкнехта и Бебеля процесс фактически содействовал распространению социалистических взглядов и росту авторитета партии среди трудящихся. Оба были приговорены к двум годам тюрьмы. Бебелю еще прибавили 9 месяцев за «оскорбление» в одной из речей особы короля.

Впоследствии Бебель любил с некоторой иронией рассказывать, что длительное заключение спасло его от смерти, так как оно помогло ему восстановить слабое здоровье, окончательно расшатанное лихорадочной деятельностью депутата. Когда он попадал в тюрьму, то в ответ на сожаления друзей шутливо отвечал: «Надо же немного отдохнуть».

Тюремные годы Бебель стремился использовать для пополнения своего образования. До тюрьмы партийная работа не оставляла ему достаточно времени для серьезных занятий. Здесь же он мог целиком отдаться книгам. В этой связи любопытно письмо-наставление Бебеля Карлу Либкнехту, только начинавшему свою политическую деятельность и оказавшемуся в тюрьме: «Используй получше те шесть месяцев, которые тебе еще осталось отсидеть; единственная польза, которую мы имеем от заключения, это то, что можем учиться. Но береги свое здоровье, твоя мать рассказывала, что твое жилье отнюдь не образец гигиены...»[6]

Во время пребывания в тюрьме Бебель изучил 1-й том «Капитала» Маркса, а также другие солидные труды по политической экономии и истории: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданскую войну во Франции» Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, «Манифест Коммунистической партии» и другие произведения основоположников научного

коммунизма. Он читал книги по философии, экономике, естествознанию. Здесь он написал одну из первых популярных книг для рабочих «Крестьянская война в Германии». В противовес лассальянцам, считавшим крестьянские войны реакционными, Бебель выступил против этой трактовки, напомнив о революционных традициях немецкого труженика. Кроме того, Бебель собирал материалы для книги «Женщина и социализм», переводил произведения французских ученых о христианстве.

Во введении к «Крестьянской войне в Германии» и предисловии к книге «Шарль Фурье. Его жизнь и его учение» Бебель изложил свое материалистическое понимание истории. Он высказал оригинальные суждения о закономерностях исторического процесса, пришел к выводу о неизбежности революционного преобразования общества.

В 1879 году вышла книга А. Бебеля «Женщина в прошлом, настоящем и будущем», или «Женщина и социализм», доставившая автору всемирную известность как писателю. В Германии она появилась нелегально, под фальшивой обложкой, на которой значилось: «Энгель. Статистика, пятая тетрадь». Даже в условиях действия «исключительного закона против социалистов» было распространено более 15 тысяч экземпляров этой книги.

Длительный период «Женщина и социализм» являлась в немецкой социал-демократии наиболее читаемой политико-теоретической книгой, выдержала многочисленные издания на иностранных языках. В наши дни она справедливо рассматривается как ценное пособие в области научного социализма. «Я прочел ее с большим интересом, — писал Энгельс Бебелю, ознакомившись со вторым изданием книги, — в ней очень много хорошего».

Содержание этой замечательной работы свидетельствовало о том, что Бебель глубоко воспринял марксизм и сумел творчески применить его в новой области. Он заклеймил многовековое угнетение женщины и, пользуясь методом исторического материализма, вскрыл социальные, политические корни этого угнетения. Опираясь на произведения К. Маркса и Ф. Энгельса и обобщая большой фактический материал, А. Бебель осве-

тил положение женщины на всем протяжении истории в органической связи с общественными отношениями.

Книга много сделала для действительного равноправия женщин. Бебель беспощадно разоблачил лицемерие буржуазной морали, показал, что проституция — продукт капитализма, что продажа женского тела может быть только при буржуазном строе, основой которого является купля-продажа. Буржуазия считала Бебеля проповедником распутной «свободной любви», на самом деле он был человеком чистой души, смело призывавшим к свободному браку, основанному на взаимном влечении и симпатии.

В общей сложности Бебель пробыл в заключении около шести лет. В тюремных занятиях ему усердно помогал В. Либкнехт, обладавший солидными теоретическими знаниями. Здесь он приобрел обширные знания в области истории, экономики, естествознания, изучил французский язык. Именно в тюрьмах Бебелем были написаны наиболее крупные и важные в теоретическом отношении книги, которые свидетельствовали о том, что бывший токарь не только практик, не только человек действия, но и недюжинный теоретик, способный поставить и разрешить сложные вопросы революционного движения. А именно такой вождь германскому пролетариату и был нужен как воздух.

Создание социал-демократической партии в 1870 году отнюдь не означало ликвидации раскола в германском рабочем движении. Значительным препятствием к созданию действительно революционной, действительно объединяющей движение пролетариев партии оставались оппортунистические установки Лассаля и его последователей. Поэтому Бебель уделяет большое внимание их разоблачению. Во втором издании брошюры «Наши цели» он пишет: «Я отнюдь не придерживаюсь взгляда, что социальный вопрос может быть решен в духе Лассаля. Я считаю необходимым более радикальное решение». Из крепости Губертусбург в мае 1873 года Бебель обращается к Марксу с просьбой, чтобы тот подверг «критическому разбору сочинения Лассаля. Такая работа, безусловно, необходима, и для надлежащего эффекта написать ее должны именно Вы, и никто другой. Подобная критика расчистит для партии в Германии почву в различных направлениях».

Когда Бебель находился в тюрьме, В. Либкнехт в 1875 году договорился с руководителями лассальянцев об объединении, но допустил грубые ошибки: при составлении проекта программы он согласился включить ряд лассальянских догм. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли резкой критике этот оппортунистический проект. Получив проект программы, Бебель высказался о нем резко отрицательно и пытался написать другой. Однако после выхода из тюрьмы он уступил давлению Либкнехта и других деятелей партии и по тактическим соображениям не стал выступать против принятия этой оппортунистической программы. Это, конечно, было ошибкой. Бебель ничего не знал о «Критике Готской программы» Маркса, которую попросту умышленно утаили от него, как и от всей партии.

Готская программа противоречила многим важным положениям научного коммунизма и классовой борьбы. Научное открытие Маркса и Энгельса, нашедшее практическое воплощение в Парижской коммуне, — диктатура пролетариата как содержание политического господства рабочего класса — не нашло отражения в новой программе. Объединенная партия получила в наследие тяжелый груз идейно-политических ошибок лассальянства. И все-таки это объединение было шагом вперед, так как оно положило конец расколу в рабочем движении. Бебель и Либкнехт, по словам В. И. Ленина, сумели объединить две рабочие партии и обеспечить гегемонию марксизма в единой партии.

В июне 1877 года Бебель вновь предстал перед судом в Берлине за «оскорбительные выпады против рейхсканцлера князя О. фон Бисмарка», содержащиеся в его брошюре «Парламентская деятельность германского рейхстага и ландтагов с 1874 по 1876 год». Суд приговорил его к девяти месяцам тюрьмы, но апелляционный суд сократил срок заключения до шести месяцев. На этот раз он отбывает заключение в берлинской тюрьме Плетцензее. Здесь царили прусские тюремные порядки. У Бебеля отобрали «Капитал» Маркса и другие социалистические произведения, на что он с иронией заявил: «Как будто я уже не был «испорчен» до мозга костей».

В октябре 1878 года рейхстаг принял закон против социалистов, известный под названием «исключительного закона». Законом запрещались деятельность всех

организацнй партии н соцналистнческих профсоюзов, нздание всех соцналистическнх органов печатн н книг, а также все собрания, созданне союзов социалнстического характера н сбор средств на эти цели.

Партня оказалась в тяжелом положении. Некоторые ее руководнтелн попросту растерялнсь. ЦК партнн опублнковал решение о самороспуске партин, при этом ие было создано ннкакнх нелегальных оргаиизаций. К. Маркс н Ф. Энгельс подверглн бнчующей критике это оппортунистнческое решение. Свонмн советамн оин помоглн Бебелю н Либкнехту преодолеть растеряниость, стать во главе партийных масс, которые самостоятельио, по собствеииой инициативе сталн создавать нелегальные органнзации. Постепенно была создана сеть подпольных оргаиизацнй. Бебель развернул эиергнчную деятельность по сохранению н укреплению партин, по развертыванню ее работы в условиях гонений и репрессий.

В конце 1880 года Бебель отправнлся в Лоидон, где впервые встретился с К. Марксом и Ф. Эигельсом. Здесь он убеднлся в правильностн нх указаннй ие только по программным и тактическнм вопросам, но н по текущнм делам немецкой социал-демократии. Велнкие вожди пролетарната, в свою очередь, убедилнсь, что в лнце Бебеля онн нмеют вериого ученнка н соратннка. Прн помощн Маркса и Эигельса было налажено нздание революциоиного партийного органа «Соцнал-демократ» в Цюрихе. Газета стала боевым рупором партии.

Подвергаясь постоянным полицейским преследованиям, Бебель нн иа мниуту ие терял революционного оптнмнзма, иепоколебимой веры в победу соцналнзма. Именно ему прниадлежнт огромная заслуга в организации легальиой н нелегальной деятельности партни в период действня «нсключнтельного закона». Ои показал себя умелым конспнратором, прекрасным органнзатором, мужественным борцом. «Бебель проявил себя настоящнм вождем партнн»[7], — указывал В. И. Ленни. В 1880 году иа съезде партнн в Швейцарнн по предложеиию Бебеля слова нз программы о том, что партня добнвается свонх целей законнымн средствами, былн замеиены следующим положеннем: «Партня добивается свонх целей всемн имеющнмнся в ее распоряженни средствами».

Бебелю принадлежит выдающаяся роль в выработке парламентской тактики международной революционной социал-демократии (В. И. Ленин считал это одной из величайших заслуг Бебеля перед международным рабочим движением), в применении этой тактики, по словам Ленина, не уступающей ни пяди врагам, не упускающей ни малейшей возможности добиться хоть небольшого улучшения для рабочих и в то же время принципиально непримиримой и всегда направленной к осуществлению конечной цели.

Большой заслугой А. Бебеля является и то, что в 1889 году германская социал-демократия приняла участие в основании II Интернационала.

Выборы в рейхстаг в 1890 году наглядно показали, что применение «исключительного закона против социалистов» не только не ослабило, но укрепило и расширило социалистические ряды. Убедившись в неспособности этого закона парализовать рабочее движение, в октябре 1890 года рейхстаг отказался продлить его действие. После его отмены заметно ускорился рост численности партии. Увеличилось и число ее представителей в рейхстаге. В 1890 году партия имела 35 депутатских мандатов, а в 1898 году — 56. За кандидатов социал-демократии была подана одна четверть всех голосов избирателей.

В октябре 1890 года в Галле состоялся первый легальный съезд партии после отмены закона против социалистов.

Съезд явился выражением крепнущей солидарности международного социалистического и рабочего движения.

Но особенно важным в развитии Германской социал-демократической партии является Эрфуртский съезд, состоявшийся в 1891 году. На этом съезде марксисты-революционеры одержали победу над оппортунистами внутри партии. Эрфуртский съезд осудил оппортунистические предложения Фольмара и потребовал в принятой резолюции от всех членов партии «действовать твердо и решительно в духе программы партии» и, не отказываясь от борьбы за ближайшие требования, всегда иметь в виду «полную и конечную цель партии». Сторонники Бебеля отстояли на съезде революционную тактику использования парламента в интересах классовой борьбы пролетариата.

А. Бебель и марксистское большинство съезда разоблачили попытки реформистов растворить классовую пролетарскую партию в мелкобуржуазной стихии. Они дали достойный отпор нападкам на пролетарскую дисциплину в партии, на принцип демократического централизма.

Принятая на Эрфуртском съезде программа состоит из программы-максимум и программы-минимум. В первой излагаются принципиальные взгляды германской социал-демократии на буржуазное общество и определяется конечная цель — завоевание пролетариатом политического господства для уничтожения капиталистического строя. В программе имелся и ряд недостатков. Наиболее существенный из них — отсутствие требования диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин в ряде работ дал научный анализ Эрфуртской программы. В статье «Проект программы нашей партии» он писал: «Мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее» [8].

В конце XIX — начале XX века в условиях подъема рабочего движения в партии развернулась дискуссия о применении массовой политической стачки и о роли профсоюзов. В ходе обсуждения наметились три течения: ревизионистское, или правооппортунистическое; центристское, маскировавшее свой оппортунизм революционными фразами; и левое, представители которого стояли на позициях классовой борьбы, активно выступали против милитаризма и империалистической войны.

В период острой борьбы германской социал-демократической партии с ревизионистами в Лондоне умер Ф. Энгельс.

Тяжело пережил Август Бебель смерть своего великого друга и учителя. Он присутствовал на траурной церемонии 10 августа 1895 года. В короткой взволнованной речи он воздал должное другу, «который, как никто другой, подходил для роли международного доверенного лица сознательного пролетариата всех стран», и от имени миллионов социалистических рабочих поклялся Энгельсу «все успешнее воплощать в дела и претворять в жизнь лозунг «Пролетарии всех стран, соеди-

няйтесь!». Энгельс назначил Бебеля одним из душеприказчиков в отношении его и К. Маркса литературного наследства. Вскоре после смерти Энгельса немецкий социал-демократ Э. Бернштейн изменил боевым традициям партии и выступил с прямой ревизией марксизма, пытаясь превратить организацию рабочего класса в мелкобуржуазную партию социальных реформ. Август Бебель дал самый резкий отпор этой вылазке и вместе с другими марксистами отстоял основы революционного социализма.

В сентябре 1899 года Август Бебель писал Бернштейну:

«...Я чувствую себя вынужденным разобраться с тобой в одном вопросе, который прежде всего касается нас двоих, но, в более широком смысле, также и всей партии.

После того как я еще раз прочитал твою книгу и прочие твои высказывания, для меня больше нет никаких сомнений в том, что ты перестал быть марксистом. Ты полностью порвал почти со всеми основными положениями марксизма и теперь принадлежишь к его **противникам**. Однако то, что можно сказать о воззрениях Маркса, относится и к воззрениям Энгельса, их нельзя разделять.

Но Энгельс назначил тебя вместе со мной издателем своего (литературного) наследства, и я дал свое согласие на то, что ты возьмешь на себя издание наследства, а также напишешь биографию Энгельса. Однако я чувствую себя обязанным сказать тебе, что после того, как в течение последних 3 лет ты отошел от своих прежних политических убеждений, у тебя не осталось больше никаких оснований брать на себя выполнение этой задачи.

Эта роль требует, как **само собой разумеющегося**, чтобы у биографа и того, кто обрабатывает (литературное) наследство, **в основном** сохранились те же взгляды, что и у умершего, чью волю он должен выполнить.

Если бы Энгельс видел теперь, какие перемены претерпели твои взгляды, **он стал бы твоим злейшим врагом**, и ему, как я уже сказал, **никогда** не пришло бы в голову назначить тебя **распорядителем своего** (литературного) наследства».

Столь откровенное и острое письмо послужило поводом для дальнейшего обострения борьбы с ревизионистским направлением, которое возглавлял Бернштейн.

Решительный бой был дан ревизионистам на Ганноверском съезде партии в октябре 1899 года, который обсудил вопрос «Нападки на принципы и тактические установки партии». Шесть часов продолжался доклад А. Бебеля. Этот доклад был не только глубоким по содержанию, но и блестящим по форме. Оценивая доклад Бебеля, Роза Люксембург говорила в своей речи на съезде: «Если бы я пожелала после замечательного доклада товарища Бебеля еще расширить теоретическую сторону вопроса, то это означало бы ехать в Тулу со своим самоваром. Бебель так основательно рассмотрел эти вопросы и привел так много нового фактического материала против Бернштейна, что излишне говорить об этом». На съезде абсолютным большинством (216 против 31) была принята резолюция Бебеля, в которой торжественно провозглашалось, что германская социал-демократия остается верной своей старой программе и своей старой тактике. В. И. Ленин, высоко оценивая усилия Бебеля в борьбе социал-демократической партии Германии против ревизионизма, писал, что «Бебель выразил настроение рабочих масс и их твердое убеждение в необходимости борьбы за неурезанные лозунги, когда восстал со всей энергией против этого поветрия».

Твердая марксистская позиция А. Бебеля и его сторонников вызывает активную поддержку рабочего класса и других слоев трудящихся. На выборах в рейхстаг 16 июня 1903 года социал-демократическая партия Германии добилась невиданного ранее успеха. За нее проголосовало более 3 миллионов человек. Она получила 81 депутатский мандат.

Эти замечательные успехи партии ревизионисты расценили не как результат классовой борьбы пролетариата, а как проявление «врастания капитализма в социализм» и выступили с требованием коренного пересмотра тактики партии. Обсуждение вопроса «Тактика партии» состоялось на съезде партии в сентябре 1903 года. Честь открытия съезда предоставляется Бебелю, который призвал делегатов безбоязненно приступить к самой радикальной операции: вскрыть и удалить давно созревшие нарывы ревизионизма. А. Бебель решительно выступил против Фольмара, Бернштейна и других ревизионистов, отверг их реформистскую тактику. Он обвинил ревизионистов в том, что они довольствуются мелкими уступками со стороны господствующих классов, боятся реши-

тельных действий масс, затушевывают классовый характер и враждебность государства по отношению к народу. В своем страстном выступлении на Дрезденском съезде Бебель под бурные аплодисменты присутствующих заявил: «И пока я могу дышать, писать и говорить, ничего не изменится. Я навсегда останусь смертельным врагом этого буржуазного общества и этого государственного строя, и буду стремиться подорвать условия их существования, а если смогу, полностью их уничтожить». Эта борьба Бебеля, по словам Ленина, долго останется образцом отстаивания марксистских взглядов и образцом борьбы за истинно социалистический характер рабочей партии.

Свою борьбу с ревизионизмом Бебель не доводил до логического конца, не ставил вопрос об исключении ревизионистов из партии. На Магдебургском съезде социал-демократической партии (1910 г.) он голосовал против их исключения во имя единства партии. Это была ошибка, причины которой лежали в недооценке Бебелем наступивших в эпоху империализма глубочайших перемен в экономике, политике и всей общественной жизни, а также в непонимании корней ревизионизма. За эту и другие ошибки В. И. Ленин не раз критиковал А. Бебеля, всегда подчеркивая, однако, что это — ошибки человека, идущего единственно верным, марксистским путем. До конца жизни Бебель оставался врагом ревизионизма.

На Амстердамском конгрессе II Интернационала в 1904 году Бебель в яркой речи разоблачил ревизионистов, ратовавших за участие социалистов в буржуазных правительствах. Он считал их предателями интересов пролетариата. Однако, будучи вождем II Интернационала, сыграв выдающуюся роль в международном социалистическом движении, Бебель и на международной арене не требовал размежевания с оппортунистами. Это помешало ему осознать, что обострение классовой борьбы при империализме создает для пролетариата новые условия борьбы.

На Йенском партийном съезде Бебель говорил о необходимости готовить массы к решающим революционным боям, время которых близко. В резолюции съезда, принятой по предложению Бебеля, говорилось, что съезд считает одним из действенных средств борьбы самое широкое применение массовой политической стачки.

Однако на съезде в Мангейме ради сохранения «мира» в партии Бебель пошел на значительные уступки оппортунистам и профсоюзным боссам. Здесь была принята резолюция Бебеля с поправками профсоюзных лидеров, которая свела на нет решение предыдущего съезда о массовой политической забастовке.

Бебель нередко допускал ошибки центристского характера в некоторых программных и тактических вопросах. Он недооценивал глубоких принципиальных разногласий, которые были между большевиками и меньшевиками, старался их примирить решением третейского суда, без разгрома оппортунизма. Как известно, партия большевиков, В. И. Ленин отклонили эти попытки.

Огромное влияние на Бебеля оказала революция 1905 года в России. Он выступал с пламенными речами на многолюдных рабочих собраниях. На одном из них он говорил: «То, что делают русские братья, мы считаем своим делом. Долой царизм! Да здравствует свобода!» Он понимал большое значение революции в России для революционизирования масс в Германии и других странах.

На Бебеля производит большое впечатление подпольная работа революционеров России. Спустя два года после революции он с еще большей силой говорит, что в революции российская социал-демократия «обнаружила такую настойчивость, такую готовность к самопожертвованию, такое самозабвение, которые по справедливости можно назвать удивительными». Вождь германской социал-демократии призывает международный пролетариат проявить чувство солидарности с российскими революционерами и прийти им на помощь. «Мы надеемся, — говорил он 16 марта 1905 года, — что поражение в Восточной Азии и прежде всего революция внутри страны, которая охватила все слои общества.., что их объединенными усилиями удастся, наконец, основать на месте деспотизма и автократии новую, современную Россию, Россию, в которой русский народ почувствует себя человеком».

9 ноября 1911 года, выступая в рейхстаге, Бебель беспощадно разоблачил авантюристическую, агрессивную политику германских империалистов и ее катастрофические последствия для народа. Заключительным аккордом участия Бебеля в международных съездах было его выступление в 1912 году в Мюнстерском соборе в

Базеле, в котором заседал экстренный международный социалистический конгресс, созванный по случаю балканской войны. Бебель был болен и появился только к закрытию Базельского конгресса. Его встретили в соборе громом долго не смолкавших аплодисментов. Он произнес здесь короткую, но выразительную речь против угрожавшей человечеству мировой войны.

22 февраля 1910 года Августу Бебелю исполнилось 70 лет. В этот день пролетарии Германии и рабочие-социалисты всего мира отдавали дань уважения человеку, вся жизнь которого была посвящена борьбе за социальное освобождение рабочего класса. В приветственном письме ЦК РСДРП, подписанном В. И. Лениным, говорилось: «Русские рабочие видят в вашей 50-летней деятельности гарантию того, что в предстоящей борьбе, утренняя заря которой уже поднимается в Германии и в других прогрессивных странах, социал-демократический пролетариат не только будет бороться с энергией, полный готовности к жертвам и верой в свои силы, с которыми он одержал ряд побед в эпоху буржуазной революции, но он сумеет также сокрушить все здание капиталистической эксплуатации и навсегда сокрушить его».

В день семидесятилетия Бебеля засыпали поздравлениями, поступившими со всех концов света. Отвечая на них, он писал: «Я хотел бы еще дожить до того дня, когда с красным знаменем в руках я пойду впереди вас, идущих на штурм».

Но 13 августа 1913 года, на 74-м году жизни, в период сборов на партийный съезд в Иене, Август Бебель умер от разрыва сердца. Согласно его желанию он был похоронен в Цюрихе. Во многих городах Германии и других стран проходили траурные митинги, посвященные памяти Бебеля. В связи с кончиной А. Бебеля в адрес правления социал-демократической партии Германии поступили соболезнования от многих социалистических партий Европы.

В те дни В. И. Ленин писал: «Август Бебель, сам рабочий, выработал себе ценой упорной борьбы социалистическое мировоззрение, отдал на служение целям социализма все свои богатые силы целиком, без остатка, шел рука об руку в течение десятилетий с растущим и развивающимся немецким пролетариатом и сделался самым даровитым парламентарием Европы, самым та-

лаитливым оргаиизатором и тактиком, самым влиятельиым вождем междуиародиой, враждебиой реформизму и оппортуиизму социал-демократии... В лице Бебеля сошел в могилу ие только самый влиятельный среди рабочих и наиболее любимый массами вождь гермаиской социал-демократии: Бебель воплотил в ходе своего развития и своей политической деятельности целый исторический период жизни ие только гермаиской, но и международной социал-демократии» [9].

Колокол, предвещающий новую эру

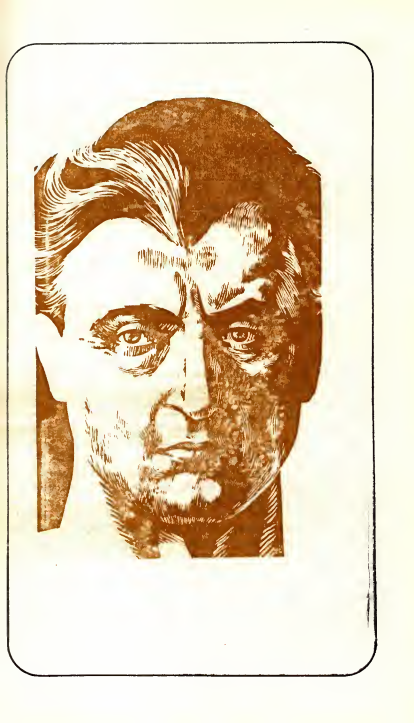
Это было неслыханно. Вместо мудрого учителя Флорентино на диспут в Козенце явился из Сан-Джорджо никому не известный юнец Томмазо. Противник, поседевший в спорах, был разочарован и даже расстроен. Какое неуважение! Зато братья-францисканцы довольно потирали руки: бог с ней, с тонкой игрой ума, хитроумными ходами и богословской риторикой. Главное, будет посрамлен орден доминиканцев, осмелившийся сомневаться в их мудрости.

Но, увы, францисканцев ждало постыдное поражение. Семнадцатилетний доминиканец обрушил на противника поток аргументов, свободно цитировал святое писание и в конце концов уличил его в противоречии.

— В нем ожил гений Телезио! — воскликнул кто-то.

Бернардино Телезио (1509—1588) был крупным итальянским ученым и философом. Его последователем и стал Томмазо Кампанелла, заявивший: «Я колокол, предвещающий новую зарю!» По-итальянски «кампанелла» означает «колокол».

Томмазо Кампанелла родился 5 сентября 1568 года в небольшом селении Стеньяно в Калабрии, в семье бедного сапожника. При крещении ему было дано имя Джованни Доменико. С пяти лет Доменико начал учиться и поразил всех необыкновенной памятью и способностями. Среди земляков сохранилось предание о том, что мальчик, не имевший денег на учение, слушал уроки, стоя у открытого окна школы, и когда кто-нибудь из учеников не мог ответить на вопрос учителя, спрашивал: «Можно я скажу?» А четырнадцати лет, восхищенный красноречием проповедника — монаха-доминиканца, увлеченный рассказами об ученых традициях ордена св. Доминика, о столпах католического богословия Альберте Великом и Фоме Аквинском, он решает уйти в монастырь: в те времена для бедняка это был единственный путь к учебе. В честь Фомы Аквинского юноша принял монашеское имя Томмазо. Он с жадностью набрасывается на книги. Неудовлетворенный школярской премудростью и пережевыванием цитат из библии, молодой монах ищет ответ на свои вопросы в трудах греческих и арабских комментаторов Аристотеля и — первые признаки «пагубного» свободомыслия —

начинает сомневаться в религиозных догмах. «Учителя не могли ответить на мои возражения», — вспоминал он впоследствии. «Он все время возражал, особенно своим учителям», — свидетельствует один из соучеников Кампанеллы по монастырской школе. «Ты плохо кончишь, Кампанелла!» — предупреждали его знакомые.

В монастыре Томмазо погрузился в изучение богословия и философии. Он знакомится с такими представителями средневековой схоластической философии, как Альберт Великий и Фома Аквинский, с переработанными сочинениями Аристотеля. Юноша поглощает книгу за книгой, проявляя невиданную жажду к знаниям. Он писал:

Я в горстке мозга весь — я пожираю
Так много книг, что мир их не вместит,
Мне не насытить алчный аппетит, —
Я с голода все время умираю...
...Меня желанье вечное томит:
Чем больше познаю, тем меньше знаю.

Постепенно Кампанелла приходит к выводу, что богословское учение ошибочно, что между жизнью, природой и схоластикой существует непреодолимая пропасть. Томмазо не только стал сомневаться в религиозных догмах, но и открыто — правда, пока еще в узком кругу — стал говорить об этом. Учитель Томмазо в Никастро Флорентино, хорошо знавший, что от безверия до костра всего лишь один шаг, старался наставить своего ученика на «путь истинный». Он предупреждал, что если его взгляды пойдут вразрез с церковными догматами, то дело кончится плохо.

Кампанелле было 18 лет, когда он вступил в конфликт с учителями провинциальной монастырской школы. Против молодого ученого — вековая традиция доминиканского ордена, авторитет крупнейших богословов и церковных соборов, косная, прочнее монастырских стен, религиозная мысль. Учителя возмущены: Кампанелла смеет сомневаться в догмах святой церкви, призывает основывать свои выводы на опыте и ощущении. На юношу сыплются обвинения в самоуверенности и зазнайстве. В поисках истины Кампанелла стремился найти философа, который строил бы свою теорию

на изучении природы, а не на цитатах религиозных авторитетов. Таким философом для него стал Бернардино Телезио, книгу которого «О природе вещей согласно ее собственным основаниям» Томмазо воспринял как настоящее откровение. Телезио доказывал, что познание природы должно базироваться на опыте, полученном в результате влияния внешнего мира на органы чувств. «Критерием истины является опыт!» — утверждал Телезио. Выводы Телезио подтверждали догадки Кампанеллы. Теперь он еще больше убеждался в том, что настоящим авторитетом является природа, а не библия и догматы богословов.

Кампанелла полностью разделял взгляды Телезио и стал его верным учеником. Поэтому когда он познакомился с книгой Марты «Крепость Аристотеля против принципов Бернардино Телезио», то был страшно возмущен и решил разгромить этот трактат, тем более что он изобиловал противоречиями и ошибками. Свою книгу в защиту Телезио Томмазо назвал «Философия, основанная на ощущениях». Марта работал над сочинением против Телезио семь лет, а Кампанелле хватило и семи месяцев, чтобы не оставить камня на камне от этого догматического трактата. Но для издания книги необходимо было ехать в Неаполь. Настоятель монастыря решительно отказывался его отпускать. Кампанелла покидает монастырь и отправляется на юг Италии. Вслед за ним идет молва о том, что Томмазо продал душу дьяволу, сочиняет и распространяет ересь. В результате им заинтересовалась инквизиция.

В Неаполе Кампанелла обратился к семье дель Туфо, которая, по отзывам друзей, высоко ценила Телезио. После знакомства с рукописью Кампанеллы «Философия, основанная на ощущениях» дель Туфо заявили, что сделают все возможное для скорейшего ее опубликования.

Здесь же Кампанелла познакомился с «Утопией» Томаса Мора, которая произвела на него большое впечатление.

Выход в 1591 году книги Кампанеллы в защиту учения Телезио стал праздником для почитателей последнего. Иной была реакция «святой церкви». Кампанеллу арестовали и доставили в трибунал орденской инквизиции. На одном из допросов его спросили: «Откуда ты знаешь то, чему тебя никогда не учили?» — «Я больше

сжег в светильниках масла, чем вы за свою жизнь выпили вина!» — гордо ответил узник.

Целый год продержали Кампанеллу в темном сыром подвале инквизиции. И только благодаря вмешательству влиятельных друзей ему удалось избежать сурового приговора. В августе 1592 года Томмазо было предложено в семидневный срок покинуть Неаполь и отправиться в монастырь, на родину. Кроме того, в категорической форме ему было приказано строго придерживаться учения Фомы Аквинского и осуждать взгляды Телезио.

Однако Кампанелла нарушил приговор, вынесенный трибуналом доминиканского ордена и вместо возвращения в монастырь родной Калабрии отправился путешествовать по Италии. На свободе Томмазо узнал, что в Венеции по доносу предателя был арестован Д. Бруно и римская инквизиция старается любыми средствами добиться его выдачи. В феврале 1593 года Венецианская республика передала Бруно Риму, в руки «святой церкви», а в 1595 году, когда Кампанелла был уже узником замка святого Ангела, на тюремном дворе он столкнулся с незнакомым арестантом. И, видимо, скорее интуицией, чем по описаниям друзей, понял, что это Бруно. «Здравствуй, ноланец!» — крикнул Кампанелла. Бруно приветственно поднял руки, скованные кандалами.

Из Неаполя Кампанелла направился в Рим и в сентябре 1592 года уже любовался достопримечательностями «вечного города». Из Рима он направился во Флоренцию, где благодаря рекомендательным письмам его благосклонно принял великий герцог Фердинанд. Но все попытки друзей добиться через герцога разрешения для Кампанеллы права преподавания в университете не имели успеха. Место преподавателя философии было предоставлено Марте, против которого Кампанелла написал свою первую книгу. Для герцога благонадежность Марты оказалась гораздо предпочтительнее гениальности Кампанеллы.

После Флоренции по пути в Венецию Кампанелла остановился в Болонье. Здесь к нему приходили монахи-доминиканцы, высказывали приятные отзывы о его книге и заводили беседы на научные темы. Эти «дружеские» встречи окончились тем, что однажды по возвращении из города Томмазо обнаружил пропажу всех своих рукописей. Он сразу же догадался, что это про-

иски инквизиции, которая следила за каждым его шагом и специально подослала к нему своих людей. Кампанелла бежит в Падую, где по памяти восстанавливает украденную книгу «О Вселенной».

В начале 1593 года Кампанелла познакомился с книгой Кьокко «Философские и медицинские исследования», в которой автор резко критиковал Телезио. Кампанелла, несмотря на запрет, снова берется за перо, чтобы защитить своего учителя. Появляется работа, ставшая прямым вызовом церковникам, — «Апология Телезио». В августе 1593 года в Падуе Кампанелла был арестован инквизицией. Друзья сделали попытку освободить Томмазо. Все было продумано и хорошо организовано, но у самых ворот, когда до свободы оставался один шаг, к несчастью, рядом оказался ночной патруль, и узника вернули в камеру. Это еще больше осложнило его положение. Кампанеллой занялись руководители святой службы. В январе 1594 года Томмазо, закованного в кандалы, отправили из Падуи в Рим.

Рим. Замок святого Ангела, архитектурой которого еще недавно любовался Кампанелла. Теперь он узник одиночного карцера этого замка. Зима была суровой, в камере очень холодно. Еду давали раз в сутки. Он давно не видел солнца. И в этих условиях он напряженно размышляет о справедливом устройстве человеческого общества, разрабатывает идеи будущего «города солнца».

Перечень обвинений, предъявленных Кампанелле, составляет длинный список. Почему вместо Калабрии, куда согласно приговору он должен был вернуться, Томмазо направился на север под чужим именем? Почему вместо пропаганды учения св. Фомы Аквинского и осуждения Телезио он поступал наоборот? Почему написал новую книгу в его защиту?

Обладая поистине неисчерпаемыми познаниями во всех сферах науки, прекрасной эрудицией и логикой, Кампанелла умело обходил расставленные для него ловушки, убедительно доказывал обратный смысл цитат из его работ и небезуспешно выставлял себя в роли верноподданного «святой церкви». Ему удалось завести следствие в тупик. Не помогла даже пытка. Дело кончается тем, что в середине 1595 года инквизиция переводит узника в монастырь св. Сабины. Здесь он просидел еще полтора года. Только в декабре 1596 года трибунал объявил свой приговор.

В холодное утро Кампанеллу, одетого в позорное рубище, привели в церковь св. Марин-над-Минервой, заставили встать на колени и произнести обычную формулу отречения от ереси, скрепленную подписью кающегося. С тем и освободили, но — ненадолго. Спустя два месяца Кампанелла снова схвачен инквизиторами и брошен в тюрьму: оказывается, в Неаполе какой-то преступник перед казнью заявил о еретических взглядах Кампанеллы. Опять следствие, опять допросы, опять на столах инквизиторов рукописи подсудимого — явные доказательства его вины. Но новое следствие не дало желаемых результатов, и после десяти месяцев тюрьмы Томмазо снова освобожден. Правда, все его сочинения запрещены, а сам автор обязан вернуться на родину.

Но Кампанелла и на этот раз не торопился в Калабрию. Он скитался по разным уголкам юга своей многострадальной родины, находившейся под игом испанской короны.

К этому времени некогда цветущие города Италии, славившиеся своими ремесленными мастерскими и бойкими рынками, превратились в жалкое захолустье. Великие географические открытия переместили торговые пути западнее. Экономический упадок юга страны довершило испанское нашествие, которое принесло с собой феодальную реакцию, мрачные костры инквизиции, нищету, неисчислимые поборы.

Все это видит странствующий Кампанелла. И страдания простых тружеников не оставляют его безучастным. В Калабрию, куда после многих месяцев скитаний вернулся Томмазо, он пришел с твердой решимостью начать подготовку восстания против испанского владычества. Он мечтает о провозглашении в Калабрии республики, свободной не только от испанских, но и от местных угнетателей. Калабрия должна стать государством равноправных и свободных людей. Частная собственность на землю и средства производства должна быть заменена общественной.

Штаб заговора находился в Стило в монастыре св. Марии, где жил Томмазо Кампанелла. В планы посвящены лишь самые надежные, самые преданные. Но слухи о готовившемся восстании уже вышли за пределы монастырских стен. Число заговорщиков с каждым днем увеличивалось. Кампанелле удалось установить

связь с командующим турецким морским флотом итальянцем Басса Чикала, который обещал не допустить пополнения испанского гарнизона и даже высадить десант.

Кажется, продумано все до мелочей, предусмотрен каждый шаг, кроме одного — предательства. Оно и оказалось роковым. За несколько недель до начала восстания испанцы получили донос. Они приняли самые решительные меры, и за короткий срок большинство руководителей заговора было арестовано. Кампанелле удалось скрыться и уйти в горы, но его выдает испанцам хозяин дома, где Томмазо находит убежище. И снова арест, следствие, заточение теперь уже не на годы, а на десятилетия. Среди арестованных — отец Кампанеллы и брат Джампьетро.

Все нити заговора тянулись к Кампанелле. Он был его идейным вдохновителем и самым активным организатором. Многие участники заговора не выдержали жестоких пыток и во всем сознались. И тем не менее Кампанелла продолжал отрицать причастность к восстанию, а свое бегство объяснял тем, что скрывался от личных врагов. Он выдержал самые изощренные иезуитские пытки и не признался в предъявленных обвинениях. Однако в результате многочисленных признаний заговорщиков Томмазо оказался припертым к стене. Положение создалось безвыходное: впереди виселица и четвертование. Тогда со 2 апреля 1600 года он начал симулировать сумасшествие. Многочисленные врачи не могут распознать искусной игры главы заговора.

Чтобы разоблачить симуляцию, Кампанеллу подвергают жесточайшей пытке под названием «велья». Нечеловеческое испытание длится 36 часов. Томмазо чуть дышит, но не произносит ни одного слова, его разоблачающего. Выдержка Кампанеллы во время «вельи» оказала решающее влияние на ход процесса. Он «очистился» от подозрений и юридически стал считаться сумасшедшим: приговор не может быть вынесен, пока к нему не вернется рассудок. Процесс затягивался.

Здоровье Кампанеллы из-за пыток подорвано. Он не может двигаться. Силы угасают. Кампанелла в отчаянии, что не успеет написать уже обдуманную книгу «Город Солнца». Ведь именно ради этой книги, которая должна была освободить человечество от угнетения, он вынес все муки, сделал все, чтобы выжить и победить.

И тогда узник попросил перевести к нему в камеру Пьетро Престеру или Битонто — друзей по восстанию, которые давали бы ему хотя бы пить. Томмазо надеялся продиктовать им книгу. Но в камеру к нему перевели отца и брата Джампьетро. Чувство радости от встречи с родными омрачено одной мыслью — ведь они оба неграмотные. Превозмогая боль, Кампанелла начал тренироваться писать. Отец удивлялся, почему Томмазо, еле живой, мучает себя работой. Мог ли он подозревать, что эти исписанные неровным почерком страницы рукописи навсегда обессмертят имя его сына?

«Город Солнца» — самое значительное произведение Томмазо Кампанеллы. Оно написано под воздействием «Утопии» Томаса Мора, но во многом превосходит последнюю. Книга написана, так же как и «Утопия» Т. Мора, в форме диалога между двумя людьми: Мореходом, вернувшимся из далекого плавания, и Гостинником. Мореход рассказывает Гостиннику о своем кругосветном путешествии, во время которого он оказался в Индийском океане на чудесном острове с городом Солнца.

Город расположен на горе и делится на семь поясов, или кругов. В каждом поясе имеются удобные помещения для жилья, работы и отдыха, а также предусмотрены оборонные сооружения — валы, бастионы.

Далее Мореход рассказывает о системе управления. Главным управителем среди жителей города является первосвященник, который на их языке носит название Солнце. Он решает и мирские и духовные вопросы. Всякие споры и дела в конце концов передаются на его разрешение. Три других управителя, пользующихся одинаковыми правами, являются его помощниками: Могущество, Мудрость и Любовь. Могущество управляет интересами мира и войны, он является и полководцем, но не властвует над Солнцем... Мудрости подчинены искусства, строительное дело, науки, соответствующие им учреждения и учебные заведения. Любви вменена забота о продолжении рода. Его же заботам вверяется воспитание новорожденных. Медицина, аптечное дело, затем посев, жатва и сбор плодов — словом, все сельское хозяйство и скотоводство относятся к его же ведению. Он заботится о столе и кухонном деле, и вообще обо всем, что относится к пропитанию, одежде, и ему подчинены те должностные лица, кото-

рым вверено управление отдельными отраслями этих учреждений.

Во время новолуния и полнолуния собирается Великий совет. Все, кому больше 20 лет, имеют туда доступ и право голоса для решения общественных дел; они могут жаловаться на ведение дел начальством или высказывать ему свою похвалу. Правительство собирается каждые восемь дней, то есть главным образом Солнце, Мудрость, Могущество и Любовь, из которых каждый соответственно имеет под своим началом три отрасли правления. Другие начальствующие лица избираются четырьмя высшими — Солнцем, Мудростью, Могуществом и Любовью. Впрочем, они могут быть волею народа смещены, за исключением четырех высших, которые подают в отставку, только предварительно посоветовавшись между собою и, во всяком случае, лишь тогда, когда имеется в виду более мудрый, пригодный, достойный.

Важно отметить, что коммунистическая утопия «Город Солнца» возникла не как плод кабинетных раздумий ученого-эрудита. Многочисленные показания участников калабрийского заговора свидетельствуют о том, что свою коммунистическую программу Кампанелла достаточно определенно сформулировал еще в период подготовки восстания против испанского владычества. И в проповедях перед народом, и особенно в тайных беседах с участниками заговора Кампанелла рисовал картину будущей идеальной республики, «где все будут жить общиной». Переворот в Калабрии должен был послужить началом всеобщего преобразования: от горы Стило, которую Кампанелла именовал «горой изобилия и свободы», должны были направиться по всему свету гонцы, призывая все народы принять «новый закон, лучше христианского». Таким образом, идеи Кампанеллы возникли с самого начала как конкретная политическая программа социальных преобразований, цель заговора. Идеальное государство противопоставлено Кампанеллой существующим порядкам.

С возмущением пишет он об угнетателях, погрязших в распутстве и безделье, занимающихся ростовщичеством и снедаемых жадностью. Он показывает, как праздность и ленивая изнеженность приводят к потере человеческого облика, отмечает всю фальшь «благородного» происхождения, «обманчивую знатность рода». Вместо

этого несправедливого, порочного общества Кампанелла предлагает новый, основанный на социалистических принципах строй. Центральной идеей Томмазо стала идея собственности. «У них все общее, — пишет автор «Города Солнца». — Частной собственности у горожан нет: община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными — богатыми потому, что у них есть все, бедными потому, что у них нет никакой собственности». Все пороки существующего строя проистекают «из обладания собственностью. Мы заменим их любовью к общине». Общественная собственность в «солнечном государстве» базируется на трудовой деятельности всех членов общества. Здесь каждый, на какую бы службу ни был назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами, «и даже с избытком». «Никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными». Труд у них является делом почетным и любимым.

В государстве Кампанеллы существует равенство мужчины и женщины. Женщины учатся и трудятся наравне с мужчинами, они проходят даже военную подготовку, чтобы в случае необходимости участвовать в защите государства вместе с мужчинами. Но рабочий день у соляриев устанавливается меньший, чем у Т. Мора, — четырехчасовой. Уменьшить рабочий день кажется Кампанелле возможным не только за счет всеобщности труда, но и применения технических нововведений, делающих труд в городе Солнца более производительным. Почти сто лет, которые отделяют «Утопию» Т. Мора от «Города Солнца», и некоторый технический прогресс, уже наблюдавшийся с XVI века, позволяют Кампанелле возлагать на новые технические изобретения определенные надежды.

В мечтах о социализме у Кампанеллы было много наивного и ошибочного. Так, он предполагал государственную регламентацию брачных отношений, пренебрегающую личными привязанностями и интересами человека, чего не может быть в истинно социалистическом обществе. В городе Солнца признаются астрологические суеверия и существует религия, верят в бессмертие душ.

Но в то же время государство Солнца — это союз жизнерадостных, патриотически настроенных людей,

освобожденных от власти вещей над ними; это союз людей, которые сочетают труд физический и умственный, гармонически развивают свои физические и духовные силы; это союз людей, для которых труд не каторга и мука, а деятельность приятная, увлекательная, овеянная славой и почетом. Кампанелла подчеркивает единство труда и наслаждения, он ставит вопрос о труде как о деле чести, о соединении обучения с производительным трудом.

Несмотря на отдельные недостатки, которые особенно наглядны спустя более трех с половиной веков, в целом по замыслу и решению главных вопросов устройства и развития общества утопия Кампанеллы — одна из самых полных и смелых. Автор с полной откровенностью обсуждает и решает социальные проблемы своего времени, многие из которых и теперь волнуют человечество.

Свое государство Кампанелла не случайно назвал город Солнца, которое редко заглядывало в подземные казематы. Оно воспевалось автором как царь природы, источник тепла, света и даже разума: «Молитва моя не услышана, и я обращаюсь к тебе, о Солнце! Ты призываешь к жизни истомленных и умирающих. О Солнце! Находились же люди, отрицавшие у тебя разум и жизнь... За то, что я защищал тебя, меня погребли заживо. Если я погибну, кто сможет превозносить тебя и называть отцом природы, живым храмом, изображением и ликом истинного бога, властелином звезд, жизнью, душою и разумом всех низших тварей».

...Из других произведений Кампанеллы любопытен трактат «Побежденный атеизм», в котором он ставил вопрос: если бог беспредельно добр и вездесущ, откуда низвергается на нас такая тьма невзгод? Излагая мысли атеистов, напоминающие рассуждения Эпикура, автор писал: «Почему бог отдал дьяволу власть над своими тварями большую, чем оставил себе? Из-за бессилия? По неведению? Или не желая прийти к нам на помощь? Но в таком случае он стар, слаб или ленив, либо невежда, либо нерадивый ко всему и жестокий... Почему бог не предотвращает голодовок, мора, войн?»

Далее Кампанелла писал, что мир нужно изменить, так как он основан на несправедливых порядках. «Сильные мира сего, — пишет он, — строят себе лестницы из человеческих тел и запирают в клетки души, как птиц,

они пьют кровь, питаются их мясом, и вид их страданий ласкает им взор, их стоны и слезы для них излюбленное зрелище».

Кампанелла считал, что религия — это не что иное, как обожествление человеком его собственных высших сил и способностей. Это положение для XVI века было антирелигиозно по своей сущности. При дальнейшем развитии оно привело к знаменитой формуле материалистического философа XIX века Фейербаха: «Не бог создал человека, а человек создал бога». Идеи Кампанеллы воспринимались духовенством как отрицание бога и церкви. Это имело основание — суть его идей была антирелигиозной и антицерковной. Он не признавал рая н ада, чудес и церковных «таинств».

Между тем над головой Кампанеллы снова сгущались тучи. Вопреки закону, запрещавшему судить сумасшедшего, римское правосудие решило наказать мятежника. Это было с точки зрения курии просто необходимо сделать: для вольнодумцев — строгий урок, для Кампанеллы — суровая кара, для Рима — еще один реверанс лояльности могущественным испанцам.

В январе 1603 года Кампанелла был приговорен к пожизненному заключению без какой-либо надежды на освобождение. Много раз по разным причинам его переводили из одной тюрьмы в другую, и каждый раз условия ухудшались. Но в любых условиях Кампанелла продолжал работать.

Именно в это время Томмазо узнает о Галилее. И, как ни трагична была его собственная судьба, он приветствует учение гениального астронома. Томмазо пишет работу «Четыре статьи о «Рассуждении» Галилея». Несколько позже, в 1616 году, когда церковь объявила учение Коперника «глупым и абсурдным», «еретичным» и запретила Галилею, последователю великого польского ученого, развивать его, Кампанелла пишет новый трактат — «Апология Галилея», в котором, умело используя цитаты из библии, доказывает, что взгляды Галилея не противоречат священному писанию.

Шли годы, десятилетия, Кампанелла продолжал томиться в тюрьмах. Но как ни старались инквизиция и испанские властн вытравить из памятн даже имя этого мыслителя, им это плохо удавалось. Благодаря другу Кампанеллы, Товию Адами, за границей, в протестантской Германии, одна за другой появляются книги

неаполитанского узника. В 1617 году вышел в свет «Предвестник восстановленной философии» — так Адами назвал найденную им рукопись раннего сочинения Кампанеллы. В 1620 году он издал «О смысле вещей», в 1622 году — «Апологию Галилея» и сборник стихов, опубликованный под псевдонимом, и, наконец, в 1623 году была напечатана «Реальная философия», в составе которой впервые увидел свет «Город Солнца».

Кампанелла мечтает о свободе. Он пишет послания сильным мира сего: обращается к папе Павлу V, императору Рудольфу II, королю Филиппу III, к великому герцогу Тосканскому, к римским кардиналам и австрийским эрцгерцогам. Он перечисляет свои книги — и те, что уже написаны, и те, что он мог бы еще написать. Но его судьба мало кого беспокоила. И только 23 мая 1626 года благодаря активности друзей знаменитый узник после двадцатисемилетнего пребывания в тюрьмах обрел свободу. Немалую роль в этом событии сыграло благоприятное стечение обстоятельств. Испанский вице-король в Неаполе герцог Альба рассорился с представителем папы римского Трамалли. Поскольку Кампанелла был не только организатором восстания в Калабрии против испанской оккупации, но и узником инквизиции, для его освобождения необходимо было согласие святой службы. Но герцогу Альба надоело то, что Трамалли часто сует свой нос в чужие дела, и он отдал приказ освободить Кампанеллу. Томмазо прекрасно понимал, что в этих условиях инквизиция воспылала к нему еще большей ненавистью и не оставит его в покое. Поэтому, выйдя на свободу, он решил сразу же тайно покинуть город.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. Оказалось, что ему предписано поселиться в монастыре Сан-Доминико-Маджоре и по первому же требованию вице-короля являться в тюрьму замка Кастель Нуово. Далее Кампанелла узнал, что его освободили под залог в две тысячи дукатов, которые собрали его друзья. Но самое главное было то, что испанский вице-король потребовал, чтобы за него поручились близкие ему люди. Нарушить условия вице-короля и махнуть рукой на залог еще можно было. Но подводить близких людей, ставить их под удар Кампанелла не мог. И он вынужден был остаться в Неаполе. Этим и воспользовалась инквизиция.

Как только Кампанелла вышел из тюрьмы, римский представитель Трамалли срочно отправил донесение в Рим. Это сообщение вызвало там переполох: опасный еретик на свободе! Папа приказал установить за Кампанеллой постоянное наблюдение и при первой возможности арестовать и доставить в Рим. Не прошло и месяца после освобождения, как Кампанелла был тайно схвачен и доставлен в тюрьму инквизиции, на которую приказы вице-короля не распространялись. Узник оказался в мрачном сыром подвале прекрасного особняка на Пьяцца делла Карито.

Именно здесь тридцать пять лет назад Кампанелла начал свою тюремную «карьеру».

Пребывание в застенках инквизиции ничего хорошего не сулило. Но Кампанелла не теряет надежды добиться свободы. И такая возможность вскоре появилась. У папы Урбана VIII возникли трения с испанским двором. Испанцы начали распространять ложные предсказания многочисленных астрологов о скорой смерти папы. В гороскопах указывали даже дату смерти Урбана VIII, предсказанную расположением звезд. Папа был очень мнительным и окончательно потерял покой. Используя это, Кампанелла заявил, что он знает секрет, как избежать судьбы, предсказанной звездами.

Вскоре папе об этом стало известно, и он заинтересовался судьбой знаменитого узника. Урбан VIII распорядился доставить к нему Кампанеллу, который в беседе не только не стал опровергать предсказания астрологов, а, наоборот, добавил несколько наблюдений, подтверждающих опасность, нависшую над папой. Вместе с тем он зародил в душе папы надежду избежать предсказанной судьбы, но для этого он должен быть свободным и иметь в своем распоряжении все необходимое. 27 июля 1628 года папа Урбан VIII приказал выпустить Кампанеллу. Мыслитель вновь обрел свободу. Свободу после 50 тюрем и 33 лет заключения.

Но за свою свободу Кампанелла должен был «спасти» папу от смерти. По вполне понятным причинам процедура «спасения» папы была делом совершенно секретным.

Папа Урбан VIII беспрекословно выполнял все, что повелевал ему «спаситель»: становился на колени перед камином, пел, произносил молитвы, послушно пов-

торял за Кампанеллой различиую тарабарщину магических формул. А ведь за подобные «языческие ритуалы» святая служба немедленно отправляла их исполнителей на костер. Все процедуры Кампанелла проводил нарочито медленно. Он наслаждался тем, как первосвященник любой ценой стремился подольше задержаться на «этом свете». Вопреки собственным проповедям, папа пытался изменить «волю божью» и отсрочить свое отправление в «рай».

Случилось так, что в роковой сентябрь папа не умер. Это укрепило его веру в силу и знания Кампанеллы, с помощью которого ему удалось избежать верной смерти. Папа открыто высказывал признаиие своему «спасителю», часто приглашал его к себе на беседы. Кампанелла, пользуясь этим покровительством, добился, чтобы ему вернули рукописи, конфискованные и запрещенные инквизицией.

Покровительство Урбана VIII Кампанелла стремился использовать в интересах любимой родины. Тридцать три года в тюрьмах его не покидала идея освобождения Калабрии. Через своего любимого ученика Пиньятелли он снова начинает готовить восстание. В заговор вошли несколько влиятельных лиц в Неаполе и в других городах. Но их снова постигла неудача. Один из заговорщиков совершил предательство. Пиньятелли был арестован испанцами. Кампанелле ничего не оставалось, как срочно покинуть родину. Глубокой ночью под чужим именем в экипаже французского посла он навсегда покидает свою дорогую Италию.

Во Франции его встретили с почестями, как знаменитого философа, легендарного узника инквизиции и противника Испании — давнего врага Франции. Томмазо Кампанеллу даже пригласили в королевский совет, где он должен был высказать свой взгляд на положение в Италии.

До последних дней своей жизни Кампанелла, живший во Франции, как он сам говорил, «благотворительностью и славой», продолжал учиться и учить, но был все так же ненасытен к знаниям. По поручению Ришелье он руководит учеными собраниями, на основе которых вскоре вырастает Французская академия наук. В 1638 году, когда ему исполнилось семьдесят лет, он с интересом изучает сочинения философа Декарта и стремится встретиться с ним лично.

Умер Кампанелла 21 мая 1639 года в монастыре св. Якова, ставшем через полтора века политическим клубом якобинцев.

...Шестидесятилетним старнком вышел из заключения Томмазо Кампанелла. До конца жизни он, как и герои его книги, твердо верил в то, что в мире настанет время, когда люди будут жить согласно обычаям государства, созданного его мечтой. Конечно, читая сейчас книгу Кампанеллы, мы видим, что в ней много наивного. Но мы не должны забывать, что он жил и трудился в те годы, когда инквизиция сожгла на костре Джордано Бруно, жестоко преследовала Галилео Галилея. В своем письме к Фердинанду III, герцогу Тосканскому, Кампанелла писал: «Будущие века будут судить нас, ибо нынешний век казнит своих благодетелей».

Замечательный мыслитель Томмазо Кампанелла до последнего дыхания был «колоколом, предвещающим новую эру» — эру свободы и братства, а его замечательные произведения были мощным оружием против тирании и эксплуатации, служили наряду с другими источником для разработки К. Марксом и Ф. Энгельсом учения о научном коммунизме.

Кампанелла — один из выдающихся основоположников утопического социализма. Он выразил вековую мечту угнетенного народа об идеальном обществе, основанном на принципах всеобщего равенства, ликвидации нищеты и эксплуатации, и по праву принадлежит к числу тех деятелей, имена которых являются знамением борьбы за лучшую, светлую жизнь человечества, за осуществление самых светлых идей о социальном преобразовании. Образ Кампанеллы встает перед нами как образ мужественного борца-революционера, одного из самых передовых людей своего времени.

Завещание

Этрепиньи — деревушка в Шампани. Скромные домики, утопающие в зелени листьев, изрезанные межами поля. Деревня как деревня, каких много на дорогах Шампани. И даже деревенский кюре Жан Мелье в своей потертой черной сутане, с неизменным молитвенником в руках ничем не отличается от своих собратьев, заброшенных волею судьбы и господина архиепископа в эти бедные приходы Франции. Но разве могли знать жители Этрепиньи, что за обликом смиренного священника скрывается человек, который не верит ни в бога, ни в дьявола? Разве могли они даже представить, что, усевшись за конторку, их добрый кюре творит произведение, призывающее к ниспровержению короля, церкви, государства? Да что государства — святая святых — частной собственности!

Жан Мелье жил странной на первый взгляд жизнью. Утром, в черной сутане, под призывный перезвон колоколов он открывал для всех страждущих двери приходской церкви. Вечером склонялся над исписанными листками своего «Завещания» и грезил о справедливом обществе, где не будет ни церквей, ни священников, ни частной собственности. Так кто же такой этот вольнодумец и бунтарь, скромный сельский священник Жан Мелье?

Сохранившиеся биографические данные о Жане Мелье весьма скромные. Он родился 15 июня 1664 года в одном из беднейших районов Шампани в деревне Мазерни. Его отец Жерар Мелье и мать Симфориена Бреди занимались шерстоткацким кустарным производством — изготовляли саржу. Сначала Жан учился у деревенского кюре, затем в духовной семинарии города Реймса. В 23 года, после окончания семинарии, он становится священником. С 1688 года Мелье — священник в городе Шалонне-на-Марне. Но пробыл он там недолго, всего лишь несколько месяцев. В начале 1689 года ему был предоставлен самостоятельный приход в деревне Этрепиньи, где он и прожил до самой смерти.

В своем приходе Мелье жил очень уединенно, посещал только двух соседних священников да родных, живших всего в 12 километрах от Этрепиньи. В свободное время читал. Мелье был образованным человеком.

И хотя его личная библиотека состояла из немногих книг: библия, Монтень, «отцы церкви», Фенелон, сельский священник был хорошо знаком с античной классикой, читал Платона, Плиния, Овидия, Вергилия, Тацита, Ливия, Сенеку, часто цитировал Лукреция — одного из наиболее почитаемых им авторов. Ссылался Мелье в «Завещании» и на современную ему литературу и публицистику.

Прихожане любили Жана Мелье. Он был добрым, свой доход тратил на милостыню, сочувствовал трудной крестьянской доле, сам довольствовался малым. Мелье пишет в «Завещании», что всегда предпочитал бы давать, чем принимать, если бы мог следовать в этом влечению своего сердца.

Мелье хорошо знал трудную жизнь французского крестьянина. «Крестьяне словно родились для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда», — с негодованием восклицал он. Но Мелье видел образ не только покорного, забитого крестьянина: Шампань, как, впрочем, и многие другие провинции Франции, не раз охватывал огонь крестьянских восстаний.

Исследователи справедливо полагают, что истоки революционных идей Мелье, самых передовых идей для того времени, следует искать в условиях жизни, настроениях и чаяниях широких масс французского крестьянства. Академик В. П. Волгин пишет: «Конечно, не в книгах, а в живой жизни источник революционного настроения Мелье. Жизнь нищей и угнетенной деревни сделала его демократом и революционером».

Личная жизнь Мелье проходила незаметно. И все же одно событие вызывает особо пристальное внимание биографов, приоткрывает внутренний мир этого замкнутого человека. В 1716 году Жан Мелье выступил против местного сеньора де Тули, обвинив его в жестоком обращении с крестьянами и отказавшись упоминать его имя в молитвах. Реймский кардинал де Майи поспешил сделать внушение своему строптивому священнику. Но Мелье не только не признал себя виновным, но и резко отозвался о всем «втором сословии» — благородном дворянстве. Последовало новое внушение, еще более резкое, с требованием отказаться от «пагубных заблуждений».

Жан Мелье смирился. Смирился, чтобы в первое же воскресенье сказать с церковной кафедры: «Вот какова судьба бедных сельских священников; архиепископы, которые сами являются сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним, у них есть уши только для дворян. Помянем же сеньора нашего селения и помолимся о нем. Попросим бога, чтобы он обратил его сердце и даровал ему благодать не обращаться дурно с крестьянами и не грабить сирот». За эти слова он вновь получил взыскание от архиепископа.

По-видимому, это было первое и последнее выступление Жана Мелье против существующих порядков. И все же в конфликте с де Тули Жан Мелье предстает перед нами совсем не таким боязливым и безвольным, как это может показаться на первый взгляд.

Спокойной и радостной могла казаться прихожанам из Этрепиньи жизнь своего священника, но тяжка и печальна была она для него. Он был неверующий и в то же время был обязан утверждать величие и божественность католической церкви; он был сторонник общности имуществ, ненавидел деспотизм, дворянство и духовенство — и в то же время он был вынужден каждое воскресенье молиться за них и призывать своих прихожан к беспрекословному подчинению этому строю. Но делал это Мелье, по его собственным словам, испытывая глубочайшее отвращение: «Я всей душой ненавидел нелепые обязанности своей профессии и особенно эти идолопоклоннические и суеверные мессы и кошмарные и смешные причащения святых таинств. Я тысячу и тысячу раз проклинал их в душе».

В своей потрясающей исповеди он поведал нам о своих страданиях. «Как я внутренне мучился, когда бывал вынужден проповедовать вам благочестивую ложь, которую я ненавидел всей душой. Сколько угрызений совести вызывала во мне ваша доверчивость! Тысячу раз я готов был публично покаяться, но страх, превышавший мои силы, меня вдруг удерживал и вынуждал молчать до самой смерти».

У Мелье было достаточно отваги для того, чтобы в мыслях порвать со всем, что тогда считалось священным, но недостаточно для того, чтобы объявить об этом. Он не решался претерпеть гонения за истину, он предпочел всю свою жизнь страдать от мучительного раздвоения. То, чего он всю жизнь не мог высказать, он

решил открыть прихожанам и всему миру после своей смерти!

Биографам Мелье не удалось установить точную дату его смерти. Обнаружен документ, подписанный Мелье 27 июня 1729 года, в котором речь шла о его отказе от прав на часовню де Те. Есть опись имущества покойного Жана Мелье от 7 июля и запись о назначении в Этрепиньи нового священника. Отсюда вытекает, что Мелье умер между 28 июня и 6 июля 1729 года.

После смерти Жана Мелье в его бумагах была обнаружена рукопись объемом 366 страниц большого формата, названная «Завещание»:

«...Дорогие друзья, мне нельзя было при жизни открыто высказать то, что я думал о порядке и способе управления людьми, о религиях и нравах, — пишет Мелье, — это сопряжено было бы с очень опасными и прискорбными последствиями: поэтому я решил сказать вам это после своей смерти... Цель моя — открыть вам глаза, хоть поздно, на те нелепые заблуждения, среди которых мы все, сколько нас есть, имели несчастье родиться и жить...»

И Мелье по мере своих сил выполняет обещание — раскрыть глаза читателям на «нелепые заблуждения».

С особой силой священник Мелье обрушивается на попов и религию.

Религия и власть имущих — два вора-карманника, которые сообща грабят народ и при этом прекрасно уживаются друг с другом, утверждает автор «Завещания». Религия поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство, в свою очередь, поддерживает даже самую глупую, самую гнусную религию.

Служители церкви в своих проповедях под страхом проклятия и вечных мук требуют повиноваться начальству, князьям и государям как власти, поставленной от бога. В свою очередь, благодарные государи заботятся о престиже священников, наделяют их различными почестями и большими доходами, поддерживают их в призрачных и шарлатанских функциях богослужения и заставляют народ считать святым и священным все, что они делают и чему они учат. Все это покрывается благовидным предлогом службы божьей. Иначе говоря, все, что богословы с таким пылом и красноречием проповедуют о величии, превосходстве и святости таинств, которым они заставляют поклоняться, все, что они с такой

серьезностью рассказывают о мнимых чудесах, о небесных наградах и страшных адских муках, — все это обман, выдумки и надувательство.

Религия строит свое роскошное здание догм и проповедей на обмане и заблуждениях. «Веруй» — вот истинный клич всех церковников, и пусть эта вера будет слепа и противоестественна, но веруй! Мелье приходит к выводу, что нет ни одной истинной религии, так же как нет ни одной религии божественного происхождения. Все они суть измышления человека и в действительности являются заблуждением.

На страницах своего «Завещания» Мелье развивает рационалистическую критику святого писания, приводя многочисленные примеры абсурдности и противоречивости многих догм из библии и евангелия.

Не может обойти Мелье молчанием те злоупотребления и притеснения, которые христианство не просто терпит, а поощряет и одобряет. И прежде всего автор «Завещания» возмущен неравенством между людьми, освященным церковью. Одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни, пишет Мелье, другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда: «Такое неравенство глубоко несправедливо». Все люди равны от природы. Они в равной степени имеют право жить, право на естественную свободу и свою долю в земных благах, и все они должны заниматься полезным трудом.

Поэтому Мелье считает противоестественным существование людей, не приносящих никакой пользы. Особенно наглядно это проявляется в наличии огромной армии церковников — попов, аббатов, приоров, каноников. Они не создают никаких благ, а между тем лучше других обеспечены доходами и всеми благами жизни: имеют самые лучшие помещения, обстановку, одежду, обувь и пищу. У них повсюду обширные фермы, приносящие им большие доходы без малейшего труда, и, кроме того, они получают с большинства приходов богатую десятину. Иначе говоря, ничего не посеяв, собирают обильную жатву. А ведь во Франции тогда было 98 монашеских орденов, насчитывавших десятки тысяч монахов. «Какое безумие и какая несправедливость позво-

лять стольким бездельникам жить на таких жирных хлебах за счет труда других и быть такой бесполезной обузой для общества!» — возмущается автор «Завещания».

Мелье выступает против частной собственности, ведущей к постоянной борьбе между людьми и к господству наиболее сильных. «Они, словно голодные волки, только ищут как бы сожрать свою добычу, — пишет Жан Мелье, — только и знают, что грабят и терзают бедные народные массы, приводят в исполнение самые несправедливые приказы, отправляют людей в тюрьму, причиняют им всякое насилие, творят расправу, наказывают розгами и каторгой и позорной казнью». Мелье доказывает, что только с помощью государства как «тайной системы несправедливости» собственники держат в повиновении народ. Сущность государственной деятельности, по Мелье, — это «узаконенный разбой».

Подобное понимание сущности государства возвышает Мелье над его знаменитыми современниками — просветителями XVIII века. Если последние с позиций буржуазии и позволяли себе критиковать феодальное государство, в целом они никогда не проникали в его сущность, рассматривали государственную власть как надклассовую силу, призванную разрешать, разумеется на буржуазный манер, противоречия существующего общества. В условиях господства абсолютизма и феодальных порядков подобная критика носила прогрессивный характер, была шагом вперед. Но в том-то и дело, что это был всего лишь один шаг вперед. Автор «Завещания» смотрит глубже, проницательнее: для него всякое государство, основанное на частной собственности (следовательно, и на буржуазной), есть инструмент насилия над трудящимися. Подобная догадка в первой половине XVIII века была даже не завтрашним, а послезавтрашним днем в истории человечества.

Мелье устанавливает связь между преступностью и частной собственностью, что именно несправедливым распределением благ объясняются обманы, мошенничества, хищения, грабежи, убийства и всякого рода другие преступления. Мелье считает, что «зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы вла-

деть ими сообща на равных правах и пользоваться ими точно так же на одинаковом положении и сообща».

По мнению Мелье, общество должно составлять одну семью, единую коммунистическую общину. Люди будут жить в мире, имущество их должно быть обобществлено. «Если бы люди, — писал Мелье, — владели и пользовались сообща и на равных правах богатствами, благами и удобствами жизни, если бы они все одинаково занимались каким-нибудь честным и полезным трудом или, по крайней мере, каким-нибудь честным и полезным промыслом и если бы они мудро распределяли между собой земные блага и плоды их трудов и промышленности, они могли бы все жить в счастье и довольстве».

Ряд разделов «Завещания» посвящен разоблачению тиранического правления. Злоупотребление, которое делает большинство людей несчастными на всю жизнь, утверждает автор, — это почти повсеместная тирания великих мира сего — королей, царей, князей, графов, имеющих неограниченную власть над людьми. «Никто не пролил столько крови, — замечает Мелье, — не был виновником убийства стольких людей, не заставлял вдов и сирот пролить столько слез, не разорил и не опустошил столько городов и провинций, как Людовик XIV, прозванный Великим не за какие-нибудь великие и похвальные деяния — он вовсе не совершил ничего достойного, — а за великие несправедливости, великие хищения, опустошения и разорения».

Смелый призыв Мелье расправиться с тиранами, «перевешать всех благородных и сильных мира в петлях из кишок священников» произвел сильное впечатление и на современников, и на последующие поколения. Даже в далекой России спустя почти столетие после смерти Мелье А. С. Пушкин обыграл эту мысль в стихах:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

В конце «Завещания» автор пишет, что после всего сказанного пусть думают о нем все, что угодно, так как его это нисколько не беспокоит. «Я уже, — пишет Мелье, — почти не принимаю участия в том, что происходит в мире. Мертвых, с которыми я собираюсь

идти одиой дорогой, не тревожит уже ничто, их уже иичто ие заботит.

Этим *ничто* я тут и коичу. Я и сам уже сейчас ие более как ничто и вскоре и в полиом смысле слова буду иичто и т. д.».

Так обрывается это прекрасиое повествоваиие.

«Завещаиие» и сейчас поражает своей смелостью и глубиной мысли. Жаи Мелье, живший иа рубеже XVII—XVIII веков, оказался в своем мировоззреиии радикальнее не только своих современииков — философов-просветителей, но и деятелей Великой французской революции. Действительно, все оии в той или иной степени защищали буржуазиый строй и буржуазиую собствеииость, которая должиа была установить «золотой век» иа земле. Мелье выступал против любого угиетеиия и любой эксплуатации, в том числе и капиталистической. И не просто выступал, ио и отчетливо видел источник любого порабощеиия — частиую собствеииость. Мелье был коммунистом, и пусть его учение иосило утопический характер, оио ие осталось бесплодным, способствовало раскачиваиию устоев сиачала феодального, затем капиталистического общества.

В своей критике религии священник Жаи Мелье шел дальше, чем его совремеииики. Просветители обрушивались только иа ту церковь, которая защищала осиовы феодализма и ие более; якобинцы ниспровергли Христа, закрыли церкви, но вместо всего этого ввели новую религию — культ высшего разума. Жаи Мелье, сельский свящеииик из Шампани, отрицал всякую религию и всякую церковь. Ои был атеистом. Ои чуть ли не первый увидел, что церковь есть не что иное, как средство духовиого порабощения трудящихся.

Мелье ие питал иллюзий насчет того, как встретят представители господствующего класса его сочинеиие. Ои заранее выступал против той клеветы и лжи, которая обрушится иа иего после смерти: «Я заявляю иаперед протест против них как протест против злоупотреблеиия, протест перед единственным трибуналом здравого разума, справедливости и естественной правды, протест перед лицом всех умных и просвещенных людей, всех честных людей, свободиых от всякого пристрастия, предубеждеиий и предрассудков, идущих вразрез со справедливостью и истиной».

Мелье не ошибся. Церковники и тираны позаботились, чтобы замести все следы появившейся «слишком бунтовщической рукописи». Даже упоминание где бы то ни было автора «Завещания» категорически запрещалось. Так, один из документов, обнаруженных в архиве Бастилии, свидетельствует о том, что в 1741 году книготорговец Лобарьере обвинялся в том, что занимался нелегальным распространением запрещенной литературы, при этом имел «дела с авторами сочинений такого рода, а прежде продавал произведение кюре из Этрепиньи».

И тем не менее «Завещание» ждала удивительная судьба, а с ней и второе рождение ее автора. Мелье собственноручно переписал свое произведение в трех экземплярах. Один был сдан на хранение судебному приставу в С.-Менегульц; два других были найдены после смерти в его бумагах. Один был адресован прихожанам, а другой — его адвокату Леру.

Власти поспешили изъять рукописи «мятежного священника». И все же, как они ни старались, один из списков ускользнул от их внимания. Ускользнул, чтобы вновь появиться в множестве рукописных копий. К середине XVIII века «Завещание» было известно широкому кругу образованных людей в Париже и других европейских городах. 30 ноября 1735 года Вольтер в письме Тирио говорит о наслаждении, с которым он читает книгу Локка. А затем Вольтер спрашивает: «Что это за деревенский священник, о котором вы мне пишете? Священник-француз — и такой же философ, как Локк? Не можете ли вы прислать мне рукопись? Я верну ее в полной сохранности». В 1736 году Вольтер уже обладал рукописью.

Сочинения Мелье распространялись в сотиях экземпляров. «Вспоминается мне, — писал в начале 60-х годов Вольтер, — горбун, который когда-то продавал из-под полы Мелье».

Отношение самого Вольтера к «Завещанию» было двойственным. Как добропорядочного буржуа его приводил в ужас радикализм Мелье. «Я дрожал от ужаса», — признавался он в одном из писем после чтения рукописи. И в то же время Вольтер не мог не видеть, что произведение Мелье наносит сильный удар феодальному порядку Франции. «Знайте, что это очень редкая книга, это сокровище!», «Прекрасный катехизис дьяво-

ла», «Надо, чтобы она стала известной» — в столь лестных выражениях отзывается Вольтер о «Завещании».

Вольтер со свойственной ему гибкостью находит выход из двусмысленного положения: Мелье должен быть издан, но в соответствующей (Вольтера и буржуазии) обработке.

В марте 1742 года Вольтер закончил составление «Извлечения» из «Завещания» Мелье, которое сначала распространялось в рукописном виде, а в 1762 году было издано. Это «Извлечение» было одновременно и средством для распространения идей Мелье, и средством для вытеснения подлинного сочинения более кратким и менее «бунтовщическим». Вольтер выбросил из Мелье революционные и демократические идеи и оставил лишь опровержение христианства. Но и в таком виде Вольтер считал эту брошюру «более возмутительной, чем книги Жан-Жака Руссо».

Сократив «Завещание», извратив его смысл, Вольтер настойчиво добивается распространения своего «Извлечения». Он рекомендует всем честным людям носить в кармане «Завещание» в его обработке. Вольтер считал, что писание Мелье «слишком длинно, слишком скучно и даже слишком возмутительно; но «Извлечение» кратко и содержит все то из оригинала, что стоит читать».

Но даже порезанное, «обряженное», с точки зрения Вольтера, в благопристойные одежды «Завещание» Мелье вызывало огромный интерес в предреволюционной Франции. Настолько были созвучны идеи, проповедуемые сельским священником, настроениям в обществе, настолько сильным был интеллектуальный заряд, который получал читатель.

И как ни старались королевские власти выкорчевать из памяти имя мятежного автора «Завещания», как ни стремились уничтожить само произведение, революционные зерна, посеянные Мелье, давали свои всходы. Так, известный французский материалист Ламетри был учеником Мелье и многое использовал из его «Завещания». В 1747 году в книге «Человек-машина» он сделал намек на то, что основным его учителем в философии был некий француз-атеист. А в 1748 году в памфлете он более ясно раскрывает, о ком идет речь. Он писал, что Спиноза не высказал своих взглядов при жизни, так же как и «тот священник из Шампани, у которого нашли три копии его атеизма». Добавление автора о том,

что «премного людей знают его историю», подтверждает тот факт, что в середине XVIII века, несмотря на запрещение, рукопись Мелье «Завещание» имела широкое хождение среди просвещенного мира.

Стремясь не допустить распространения «бунтовщических» мыслей вроде «кюре из Этрепиньи», в 1757 году правительство Франции приняло декрет, предусматривающий смертную казнь за «сочинение, печатание и распространение в публике сочинения, направленного против религии, королевской власти и общественного спокойствия». Однако подобные декреты, так же как и средневековые костры, на которых сжигали не только прогрессивные произведения, но и их авторов, не давали желаемых результатов.

В 1772 году Гольбах анонимно напечатал в Амстердаме книгу «Здравый смысл кюре Мелье». Это замечательное антирелигиозное произведение, но в нем не было ни одной ссылки на «Завещание» или выдержки из него, даже имя Мелье в книге не упоминалось. Автор использовал это имя для того, чтобы привлечь внимание к книге.

Один из исследователей творчества Жана Мелье, Б. Ф. Поршнев, справедливо полагал, что «объяснить появление такого заглавия у книги Гольбаха можно только тем, что имя кюре Мелье стало уже вполне именем нарицательным». Есть немало сведений о том, что в тот период это имя было известно всем образованным людям, в сознании которых оно выражало определенный метод атаки на религию и власть. Но, видимо, торговля такой книгой была очень опасной, ибо в том же году было выпущено новое издание под нейтральным заголовком «Здравый смысл, или Естественные идеи, противопоставленные идеям противоестественным». Оно пользовалось большим успехом, чему способствовал приговор парижского парламента о его сожжении.

После смерти Гольбаха, который всего лишь несколько месяцев не дожил до революции, его друг Нексон выпустил эту книгу с первоначальным названием «Здравый смысл кюре Мелье». Пропаганда идей Мелье после революции получила широкий простор. В 1790 году один из будущих участников «Заговора равных», возглавляемого Бабефом, Сильвен Марешаль, издал книгу «Катехизис кюре Мелье».

Пытаясь исказить суть произведения Жана Мелье,

в 1847 году «Общество святого Виктора» выпустило книгу Коллена де Планси «Подлинный здравый смысл кюре Мелье, сопровождаемый его «Завещанием». В этой подделке биография Мелье была грубо извращена. Он был представлен как самый правоверный служитель бога на протяжении всей сознательной жизни. Но после шестидесяти лет его ум помутился, и он вообразил, что его ждет место академика, поэтому натворил немало богохульств.

Однако, согласно домыслам фальсификатора, он успел раскаяться, отречься от своего сочинения и попросить у бога прощения.

Далее, фальшивое «Завещание» Жана Мелье, или Мнение кюре из Этрепиньи, обращенное к его прихожанам», опубликованное в названной книге де Планси, представляет собой популярную пропаганду католической религии. В ней есть главы «о боге», «о бессмертии души», «о грехопадении», «о тайне воплощения Христа». Соучастником этой преступной затеи был епископ древней столицы Шампани — Труа. Вот что он писал по этому поводу: «Апробация: Общество святого Виктора представило на наше одобрение книгу, озаглавленную «Подлинный здравый смысл кюре Мелье, сопровождаемый его «Завещанием». Мы поручили рассмотреть это сочинение, и, в соответствии с представленным нам заключением, мы полагаем, что она успешно сможет реабилитировать то имя, которым недостойно злоупотребили барон Гольбах, Вольтер и другие философы. Совершено в Труа 30 июня 1847 года. Епископ труаский». Вот уж поистине «недостойное злоупотребление» епископа труаского!

Более сотни лет с содержанием «Завещания» знакомились лишь по «Извлечениям». Подлинники со временем канули в Лету. Немецкие профессора объявили, что никакого Мелье вообще не было, что его выдумал Вольтер. И вдруг много лет спустя случилось «почти чудо». В Голландии в букинистической лавке Рудольф Шарль обнаружил экземпляр рукописи «Завещания» Жана Мелье. В 1864 году в Амстердаме он опубликовал полный текст этого произведения. И тем самым избавил Мелье от печальной судьбы, на которую обрек его Вольтер.

Но и после появления полного текста «Завещания» буржуазные ученые предпочитали не упоминать это про-

изведение. Понятно почему: Жан Мелье, намного опережая свое время, высказал ряд гениальных идей относительно будущего коммунистического общества, и, естественно, буржуазии и ее прислужникам вряд ли это могло понравиться. В своем «Завещании» Мелье проводит гениальную мысль о том, что освобождение народа от тирании и разного рода эксплуататоров должно быть делом рук самого народа — ему не на кого надеяться. «Ваше благополучие, — обращаясь к народам, пишет он, — находится в ваших руках. Ваше освобождение будет зависеть только от вас, если вы сумеете все столковаться друг с другом. У вас есть все необходимые средства и силы, чтобы освободиться». В этой связи автор формулирует свое напутствие:

«...Объединись же, народ, если есть у тебя здравый ум; объединитесь все, если у вас есть мужество освободиться от своих общих страданий! Поощряйте все друг друга к такому благородному, великодушному и важному делу! Начинайте с тайного сообщения друг другу своих мыслей и желаний! Распространяйте повсюду писания, подобные этому. Поддерживайте все друг друга в этом справедливом и необходимом деле, которое касается общего интереса всего народа!»

Идеи и призывы Жана Мелье не пропали даром. Влияние «Завещания» на будущие поколения исключительно велико. Уже в XVIII веке имя Мелье стало легендой. Великая французская революция возродила его память. 27 брюмера второго года республики левый якобинец Анахарсис Клоотс с трибуны Конвента потребовал отмены всех религий, дехристианизации страны. Он всячески осуждал священников, которые на словах отреклись от сана и веры, но в душе затаили веру, и одобрял тех, кто активно и решительно выступал против бога и религии. В этой связи он предложил воздвигнуть в храме Разума статую «первому из священников, отрекшемуся от веры», — Жану Мелье. Конвент единодушно принял декрет об этом и направил Комитету по делам общественного просвещения.

В 40-х годах XIX века коммунистические кружки в Париже числили в ряду своих основоположников Мелье рядом с Бабефом и Буонаротти. Гракх Бабеф был учеником и наследником идей Мелье. Он соединил вместе три стороны его учения:

идею народной революции, которая должна смести

всех угнетателей и тиранов и объявить полное равенство трудящихся;

идею разоблачения христианства и религии вообще и распространения материалистической философии;

идею создания коммунистического общества.

Таким образом, несмотря на все происки буржуазии уничтожить имя и идеи Жана Мелье в истории общественной мысли, его «Завещание» оказало бесспорно огромное влияние на развитие французской общественной мысли, особенно на французских просветителей. Мелье по праву считают отцом французского материализма XVIII века. Философия его представляет прямое развитие материалистических тенденций философии Спинозы и Декарта. Вместе с тем его справедливо называют и отцом французского утопического коммунизма XVIII века. Мелье был первым французским материалистом и атеистом XVIII века. Его проповедь материализма и атеизма сочетается с борьбой против общественного строя, основанного на эксплуатации, с идеей установления такого общества, где все будут трудиться. Поэтому Мелье является не только философом-атеистом, но и революционером-демократом, так как его идеи проникнуты революционным духом. Он доказывал, что освобождения можно добиться лишь революционным путем. Этим Мелье отличается от утопистов не только своего времени, но и от утопистов XIX века. Его труд — это острое оружие в борьбе против «незыблемых» основ эксплуататорского строя.

По законам свободы и справедливости

В апреле 1649 года группа бедно одетых людей разбила лагерь у подножия холма святого Георгия. Называли они себя по-разному — истинными уравнителями, диггерами. Диггеры в переводе с английского означает «копатели», и, оправдывая это название, члены маленькой колонии целые дни возились на полях. Впрочем, иногда они появлялись в окрестных деревнях, призывая присоединиться к ним. Они мечтали восстановить истинную справедливость — ввести общность труда, распределения, владения...

Но не всем по сердцу были эти призывы. Распахать общинные земли? Восстановить общность? Эти слова, дошедшие до Лондона, не на шутку встревожили членов Государственного совета. Разве для этого они рисковали собственным имуществом и головами своих сторонников в борьбе с королем, чтобы какие-то нищие захватили земли, пусть даже пустующие, на холме святого Георгия? Да и не в этом дело! Дело в принципе, в посягательстве на собственность.

Лорду Ферфаксу, командующему республиканской армией, было приказано пресечь беспорядки и разогнать бунтовщиков. Срочно отряжается отряд кавалеристов во главе с капитаном Гладманом. И вот по размокшим дорогам они уже мчатся наводить порядок. Но что это? Вместо толпы бунтовщиков — мирные землепашцы. Вместо перекошенных гневом лиц — обветренные крестьянские лица. Вместо мушкетов и алебард в руках — лопаты и мотыги. Капитан Гладман смущен: воевать не с кем.

В Лондон, к лорду Ферфаксу, летит послание: диггеров всего 20 человек, и ничего опасного в их действиях нет.

Вскоре вслед за посланием в столицу явился один из диггеров, Уинстенли, чтобы изложить программу движения. Но в роскошных залах аристократического и купеческого Лондона нет места для сострадания к обездоленным и нищим. И тогда Уинстенли, руководитель и вождь истинных уравнителей, — в который раз — берется за перо, чтобы поведать миру о подлинных законах свободы и справедливости.

О Джерарде Уинстенли сохранились весьма скром-

ные биографические сведения. Нет даже краткого описания его внешнего вида, не говоря уж о графическом изображении вождя диггеров. Правда, биографы пытаются восполнить многие пробелы на основе изучения его произведений, но и это не всегда позволяет устранить «белые пятна» жизненного пути Уинстенли.

Джерард Уинстенли родился в графстве Ланкашир. В приходской церкви Виган имеется даже запись о его крещении 10 июля 1609 года. Отец этого свободолюбивого человека был торговцем сукном и шелком. Такая же участь ожидала и Уинстенли. По-видимому, он получил самое обыкновенное образование, какое могли дать в то время сыну мелкого торговца, — несколько лет сельской школы. Во всяком случае, та одна книга, которую цитирует Уинстенли в своих памфлетах, — это библия, бывшая настольной и, увы, часто единственной книгой на столе сельского учителя. Однако его высказывание «Англия — тюрьма» навело исследователей на мысль, что он был знаком с творчеством Шекспира. Не исключено, что он мог знать «Утопию» Томаса Мора. Но все это не более чем предположения. С абсолютной достоверностью известно лишь то, что Джерард не получил сколько-нибудь систематического образования.

В 30-е годы Уинстенли обучался торговому делу в Лондоне и к началу гражданской войны, то есть в 40-х годах, открыл собственное предприятие в Сити. В 1640 году Уинстенли женился на некой Сьюзан Кинг, о которой, кроме имени, нам ничего более не известно. В результате бедствий, принесенных гражданской войной, Уинстенли разорился. Оставшись без средств к существованию, он вынужден был просить приюта у своих друзей в Серри. На жизнь он стал зарабатывать тем, что пас скот соседей. С 1643 по 1648 год, до появления его первого памфлета, Уинстенли жил жизнью самого обездоленного английского люда, слышал его жалобы, проникался его чаяниями. Имеются даже известия, будто Уинстенли, метавшийся в поисках истины, участвовал в различных церковных организациях и сектах, но не нашел в них духовного успокоения и в 1648 году перешел, по собственному выражению, к «экспериментальному познанию бога в себе и во всей природе».

В одном из памфлетов Уинстенли приоткрывает перед нами историю своей жизни:

«...Некогда я был твоим свободным гражданином, но бесчестные представители воровского искусства купли и продажи и обременительные налоги на войну заставили меня бросить свои занятия и принудили принять помощь друзей. Поэтому я вынужден жить в деревне, где налоги и солдатские постои оказались слишком тяжелыми для моей спины и довели меня до окончательного разорения».

Английская буржуазная революция середины XVII века разделила страну на два лагеря. Один, объединяющий старую феодальную аристократию и государственную церковь, сплотился вокруг королевской власти. Противоположный лагерь, возглавляемый парламентом, объединял торговую и промышленную буржуазию города и деревни, ремесленников, крестьянство, а также представителей «нового дворянства», которые в своей хозяйственной деятельности приспособились к развивающимся капиталистическим отношениям. Парламент победил короля, потому что мог использовать активную поддержку широких масс населения, выступавших против монархии. Трудящимся значительно более выгодно было свободное развитие капитализма, чем сохранение паразитического феодального строя.

Во главе лагеря парламента стал Оливер Кромвель, создатель армии «нового образца». В ней людей выдвигали не по рождению, а по заслугам. Благодаря победам, одержанным этой армией, буржуазия смогла добиться своих целей — Карл I был арестован, земли его ближайших сторонников и церкви конфискованы. Большую часть этих земель приобрели буржуазия и «новые дворяне». Между тем городская и деревенская беднота не только ничего не приобрела, но ее положение из-за тягот войны еще больше ухудшилось. Кроме того, революция не могла не всколыхнуть сознания самых широких слоев народных масс. Упорная борьба классов, агитация и контрагитация представителей различных политических течений — все это способствовало осознанию наиболее активной частью беднейших слоев их специфических интересов. Укрепившись у власти, представители буржуазии и «новые дворяне» не торопились удовлетворить требования народных масс, с помощью которых они разгромили сторонников монархии. Все это вызывало справедливое недовольство крестьян, ремесленников и солдат.

Уже к 1647 году стало ясно, что существуют серьезные противоречия между разнородными социальными слоями, объединенными общей враждой к королевскому режиму, — между «новым дворянством» и буржуазией, с одной стороны, и городской и сельской беднотой — с другой. В самой парламентской партии произошло отчетливое размежевание двух основных течений: умеренно-буржуазных и радикально-демократических (так называемые левеллеры — уравнители). Левеллеры требовали расширения избирательного права, буржуазных свобод, провозглашения республики. Особенно остро стоял последний вопрос, поскольку он был тесно связан с судьбой разгромленного в гражданской войне и плененного короля Карла I. Умеренное крыло парламента было не прочь сохранить королевскую власть, видя в ней средство укрощения народа. Армия, левеллеры требовали казни короля-изменника. Не остался в стороне от этих сотрясающих страну споров и Уинстенли.

В декабре 1648 года появился небольшой памфлет под характерным заглавием «Свет, сияющий в Букингемшире» и длинным подзаголовком: «Раскрытие великой главной причины всякого рабства во всем мире и особенно в Англии, изложенное в форме декларации многих благонамеренных людей страны ко всем беднякам и угнетенным сельским жителям Англии и предназначенное также к сведению теперешней предводительствуемой лордом Ферфаксом армии».

Хотя этот документ был анонимным, исследователи считают, что в его создании принимал участие и Уинстенли. Памфлет появился накануне суда над королем Карлом I, когда вопрос о республиканском строе еще не был окончательно решен. Отсюда понятна направленность этого памфлета — все его содержание заострено против королевской власти и церкви, активно поддерживающей произвол Карла I. В частности, в нем говорится:

«...Духовенство проповедует, что король — верховный глава церкви, защитник веры, что сопротивляться его власти — значит сопротивляться повелениям божьим. Священники околдовывают народ и предают его во власть тиранов, ибо они сами за свои проповеди кормятся добычей, которою делятся с ними тираны. Они — враги народа; получая жирные доходы, они умышленно держат народ в невежестве. Все богатые стоят за коро-

ля, потому что они не хотят, чтобы бедные потребовали возвращения своих прав, дарованных им богом. Они видят в королевской власти защитника своего богатства».

Уинстенли обрушивается на священников за то, что они одурманивают народ, защищают насилие и несправедливость. В другом своем памфлете, «Закон свободы», Уинстенли с возмущением писал: «...хитрое духовенство знает, что если ему только удается очаровать людей... своим божественным учением — чтобы люди искали богатства, рая и славы после смерти, — то оно легко унаследует землю и заставит обманутых людей служить себе».

Автор памфлета «Свет, сияющий в Букингемшире» призывает народ не доверять и парламенту. Он напоминает, что парламент был создан теми же тиранами под давлением недовольства порабощенного народа, с которым королевская власть была уже не в состоянии справиться. Уинстенли напоминает о существовании палаты лордов и королевского совета, о том, что при действующей избирательной системе король обычно имеет поддержку большинства в самой палате общин. Создание парламента только укрепило королевскую власть: тирания была оформлена законом, и народ считал, что он завоевал свободу, тогда как в действительности он через посредство парламента отдал свою свободу.

Видимо, памфлет имел большой успех, так как вскоре после его выхода было выпущено второе издание и продолжение под заглавием: «Еще о свете, сияющем в Букингемшире». Монархия была уже ниспровергнута, и автор памфлета требует, чтобы с ее падением все особые привилегии, пожалования, патенты, монополии и т. п., созданные королевской властью, были бы также уничтожены. Но «ясно, что члены парламента намереваются еще удержать их, чтобы самим воспользоваться ими». Поэтому автор памфлета считает необходимым обратиться «ко всем своим дорогим братьям в Англии и всем солдатам армии стоять на своих постах против всякой тирании, откуда бы она ни исходила и кем бы она ни замышлялась...».

К этому времени в пестром калейдоскопе политических течений появляется движение, сторонники которого стояли много левее даже уравнителей. Оно выражало интересы наиболее обездоленной, трудовой части Анг-

лии, для которых революция принесла лишь замену одной формы эксплуатации другой. Не привлекла их и умеренная программа уравнителей с преклонением перед собственностью и буржуазными свободами, ибо первого у них не было, а второе мало помогало в постоянном поиске работы и хлеба. То, что предлагали левеллеры, не было подлинным равенством: его еще нужно было создать. Поэтому сторонники нового течения стали называть себя «истинные уравнители». Вождем этого течения и стал Джерард Уинстенли.

«Не больше года тому назад, — рассказывает Уинстенли, — сердце мое исполнилось усладительных мыслей, и мне открылось многое, чего я никогда не читал в книгах и не слышал из уст людей; а когда я стал говорить об этом, некоторые не хотели слушать моих слов. Одной из этих мыслей была та, что земля должна быть превращена в общую сокровищницу всех людей без всякого различия... Тогда я написал небольшую книгу, называвшуюся «Новый закон справедливости».

Памфлет «Новый закон справедливости» появился в январе 1649 года. Главной причиной всех социальных зол Уинстенли объявляет частную собственность, «разделение на мое и твое». «Частная собственность, — пишет автор, — была причиной того, что люди начали красть друг у друга. Она же заставила издавать законы, повелевающие вешать тех, кто украл. Частная собственность толкала людей на преступления, а затем убивала их за то, что они его совершили. Пускай все подумают о том, что не есть ли это великое зло».

Уинстенли и его сторонники видят выход в восстановлении общности пользования землей, в коллективном труде, который спасет каждого от нищеты, принесет счастье и покой.

Но «истинные уравнители» уважают законы страны. Они не мятежники и не бунтари. Они хотят привлечь к себе людей не насилием и угрозами, а личным примером. Пропаганда действием — вот основной метод «истинных уравнителей». И тогда «я взял свою лопату и стал копать землю на холме св. Георгия», — напишет Уинстенли. Действительно, 8 апреля 1649 года он приведет за собой два десятка людей, чтобы создать первую колонию диггеров. Что было дальше, уже известно: Уинстенли не смог и не мог получить поддержку «сильных мира сего». Более того, испуганный растущим влиянием

диггеров, парламент стал преследовать руководителей движения.

В июле 1649 года местные власти начали против них судебные преследования. Уинстенли и двое его товарищей, Джон Баркер и Томас Стар, предстали перед судом в Кингстоне по обвинению в нарушении права собственности.

Суд удовлетворил иск против диггеров, даже не выслушав обвиняемых, и присудил их к уплате значительных сумм, превышающих всю стоимость имущества диггеров. Неуплата штрафа давала возможность лордам насильственно сгонять диггеров с земли. Уинстенли и его товарищи вынуждены были менять местонахождение своей колонии, но нигде их не оставляли в покое. Местные землевладельцы были весьма озабочены действиями диггеров, опасаясь того, что их число может увеличиться и бедняки и безработные повсеместно станут захватывать пустующие земли. Действительно, в некоторых других графствах были созданы подобные сельскохозяйственные колонии.

Пропагандируя программу диггеров, Уинстенли с товарищами опубликовал новый манифест — «Декларацию угнетенных бедняков Англии». Целью этого документа было теоретическое оправдание деятельности диггеров на холме св. Георгия. Авторы манифеста заявляли, что «нашли в себе решимость, основываясь на внутреннем законе любви друг к другу, раскапывать и вспахивать общинные земли и пустыри Англии».

Более 330 лет прошло с момента появления «Декларации», а вопросы, поставленные в ней, и сегодня остаются весьма актуальными для многих стран, и прежде всего для самой Англии.

«...Земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами ее, а мы — вашими рабами, слугами и нищими, — говорится в манифесте, — но она была сотворена, чтобы быть общим жизненным достоянием для всех, невзирая на лица, и что ваши купля и продажа земли и плодов ее друг другу — дело проклятое...

Вы и ваши предки получили вашу собственность путем убийства и воровства и той же силой удерживаете ее от нас, имеющих на землю равное право с вами по справедливому закону творения...

Поэтому мы требуем и мы решили взять и общинные земли, и общинные леса, чтобы иметь средства к жизни

для себя, и смотреть на вас, как на равных нам, а не как на стоящих выше нас, зная прекрасно, что наша родина Англия должна быть общей сокровищницей средств к жизни для всех, невзирая на лица.

Англия, — говорится далее в «Декларации», — это тюрьма. Многообразное крючкотворство законов поддерживается мечом, замками, засовами и воротами тюрьмы. Все богатые люди живут в довольстве, питаясь и одеваясь трудами других людей, а не своими собственными. И в этом их позор, а не благородство. Ибо давать — более благословенное дело, чем получать. Но богатые люди получают все из рук земледельцев, а то, что они дают, — это плоды других людей, а не их собственные. А посему они несправедливые деятели на земле.

Истинная республиканская свобода заключается в свободном пользовании землею; всякий закон или обычай, лишающий братьев их свободы по отношению к земле, должен быть отвергнут и выброшен».

В 1649 году появились и другие произведения Уинстенли: «Декларация о кровавых и нехристианских действиях Виллиама Стара и Джона Тейлора из Уолтона», «Письмо лорду-генералу и его военному совету», «Воззвание к палате общин», «Лозунги для лондонского Сити и для армии». В этих памфлетах Уинстенли отстаивает права простого люда на владение общинными землями, обличает правящие круги в беззаконной расправе с диггерами, которых избивали, ломали и поджигали их дома, уничтожали плоды их совместного труда.

Убедившись в бесплодности обращения к парламенту, Уинстенли решает обратиться непосредственно к Лондону и армии. В августе 1649 года в новом памфлете «Предостережение городу Лондону и армии», рассказав о злоключениях диггеров в кингстонском суде и об апелляции в палату общин, Уинстенли обращается к Лондону с просьбой, чтобы он рассудил, кто прав: он или лорды и местные власти, судившие его товарищей. В памфлете он рисует яркую картину борьбы за землю между неимущими крестьянами и зажиточными землевладельцами. Уинстенли требует открытого суда, вызывает на публичную дискуссию юристов и духовенство, но все безрезультатно.

В конце ноября 1649 года против коммуны диггеров были приняты суровые меры. К холму св. Георгия явил-

ся отряд солдат, разрушил дома, где жили диггеры, и увез с собой на повозке даже доски. Однако, оставшись на свободе, Уинстенли продолжает убеждать сильных мира сего в несправедливости существующего строя. Он защищает интересы «угнетенного люда Англии», старается доказать разумность и справедливость движения диггеров.

Наиболее ярко эти идеи Уинстенли изложил в своем последнем произведении — «Законе свободы», вышедшем в 1652 году.

Автор развертывает проект построения общества на основе общего пользования землей и всеми ее плодами. Создание такого общества Уинстенли мыслит не в далеком будущем и не в неизвестной стране, а немедленно, и в самой Англии. Это произведение достойно стоит в одном ряду с «Утопией» Т. Мора и «Городом Солнца» Т. Кампанеллы, в числе выдающихся произведений утопического социализма XVI—XVII веков.

Памфлет «Закон свободы» начинается обширным предисловием, обращенным непосредственно к Кромвелю, в котором резко критикуется общественный строй Англии.

«Большинство, — пишет автор «Закона свободы», — задает вопрос: «За что боролись?» Люди из народа теряли свои жизни в борьбе, разорялись, а господ над ними стало еще больше, чем было прежде. Некоторые из народа говорят, что обещания, присяги, обязательства давались только для того, чтобы втянуть простой люд в войну. Теперь, когда война закончена, обещания не выполнены, и народ обманут». Ополчаясь на командиров армии, обогатившихся в ходе гражданской войны, Уинстенли восклицает: «Эти офицеры — неверные республиканские солдаты, они худшие воры и тираны, чем король, которого они изгнали». Уинстенли яркими красками рисует картину все еще продолжающегося произвола помещиков, проявлявшегося во взимании с крестьян платы и в лишении права пользования общинными землями.

Революция ничего не принесла трудящимся массам: «Разве это не рабство, говорит народ, если мы должны просить милостыню у своих братьев, делать на них за поденную плату тяжелую и грязную работу, или умирать с голоду или красть, сбиться с пути и быть повешенными, как люди непригодные для жизни на земле,

хотя в Англии земли достаточно, чтобы прокормить в десять раз больше народа, чем в ней есть».

Правда, Уинстенли по-прежнему считает невозможным применять насилие по отношению «к старшему брату», то есть к имущим. Никого не следует принуждать к вступлению в проектируемое коммунистическое общество, так как тогда многие будут против него. «Старших братьев» можно только убеждать в несправедливости существующего строя.

Уинстенли обращается к Кромвелю с призывом немедленно принять меры к тому, чтобы «земли, почитаемые принадлежностью всего государства, эти старинные общие земли и пустоши всего английского народа, а также все недавние приращения к ним, как-то: церковные земли, конфискованные у короля парки и лесные угодья — были объявлены свободными для тех, кто жертвовал кровью и имуществом для их завоевания, и устройства общин, а также для всех, желающих примкнуть к ним». Если Кромвель не пойдет по этому пути, предостерегает автор, то слава, которую он снискал своей мудростью, поблекнет навсегда, и честь его будет запятнана.

Заканчивается обширное предисловие описанием самого будущего общества. Основным принципом нового общественного порядка, который, по мнению Уинстенли, должен быть установлен после упразднения королевской власти и королевских законов, будет истинная республиканская свобода, которая состоит в свободном пользовании землей, составляющей общественное достояние и обеспечивающей человека всем необходимым для его существования. На этих основах строит Уинстенли свой проект справедливого, совершенного общественного устройства.

Система взглядов автора своими исходными теоретическими положениями имела идею естественного права об исконном равенстве всех людей, о праве каждого человека на землю и признание труда единственным источником богатства. Он убедительно показал, что частная собственность на землю является основным источником всех социальных зол и бедствий. Отрицание частной собственности привело его к утверждению необходимости восстановления утраченного, по его мнению, некогда человечеством коммунистического владения основным средством производства — землей. В «Законах

свободы и справедливости» Уинстенли мы впервые находим не вымышленное идеальное общество, а предлагаемую республику для бедняков без частной собственности. Его примитивные и туманные устремления неимущего плебейства — предшественника пролетариата — к переустройству общества на коммунистической основе слились воедино с крестьянской программой полного уничтожения феодализма в Англии.

В отличие от движения левеллеров, провозглашавших требования мелких частных собственников — крестьян-землевладельцев и ремесленников, диггеры выступали от имени лишенных собственности слоев населения, особенно неимущих крестьян. Но ни городской, ни сельский пролетариат Англии в XVII веке не был значительной силой, и это явилось одной из основных причин, по которым выступление диггеров почти не достигло практического успеха.

Джерард Уинстенли предвидел такие проблемы, которым предстояло приобрести остроту почти через два столетия, он приблизился к пониманию классовой сущности эксплуататорского государства и необходимости борьбы за уничтожение частной собственности. В теоретическом учении Уинстенли многое предвосхищает основные положения утопического социализма.

О жизни Уинстенли после 1652 года почти ничего не известно. Никто не знает, где и когда он умер. Предполагают, что он умер около 1652 года.

Взгляды Уинстенли оказали определенное воздействие на более поздних английских социалистов-утопистов. Роберт Оуэн был поклонником Джона Беллерса, который сам, в свою очередь, развивал взгляды Уинстенли.

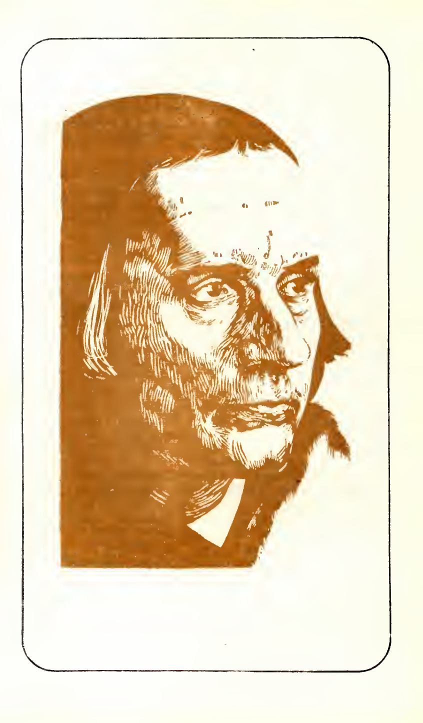
Ясные и простые утверждения Джерарда Уинстенли звучат по-современному, его «Законы свободы и справедливости» — один из первых примеров коммунистического устройства общества.

Пробуждаются умы...

«Процветают науки, пробуждаются умы — любо жить в такую эпоху», — писал один из просвещенных людей Европы XVI века Ульрих фон Гуттен о своем времени. Гуттен и его единомышленники, вошедшие в историю культуры под названием гуманистов, действительно жили в интересную эпоху, которая лежит между средневековьем и новым временем. Ее обычно называют эпохой Возрождения, или Ренессансом. Гуманисты были увлечены духом античной цивилизации, культурой древнего мира, мечтали перенести ее на новую почву. Но при этом они не занимали непримиримой позиции к существующему строю. Деятели Возрождения нападали на монахов, бичевали разврат, царивший среди католического духовенства, оставаясь при этом искренне верующими людьми; гуманисты мирно уживались как с папами, так и с государями; многие из них даже имели доходные церковные должности. Они писали по-латыни, и потому их вольнодумства были доступны лишь избранному, небольшому кругу людей. Иначе говоря, они оставались на стороне просвещенной власти.

Весьма типичным в этом отношении является один из ведущих гуманистов, Эразм Роттердамский (1467—1536 гг.). Он был крупнейшим ученым своего времени, отличавшимся ясным умом и огромными всесторонними познаниями. Этот мыслитель оставил труды по филологии, педагогике, философии и религиозным вопросам; он долгие годы был профессором в университетах Франции, Италии, Англии, Германии и Швейцарии и всюду оказывал сильное влияние на своих слушателей, преобразовывая систему преподавания и заменяя церковную схоластику живой светской наукой. Его наиболее прославленное сочинение «Похвала глупости» написано в 1509 году. В предисловии автор сообщает Томасу Мору, что он задумал сложить похвальное слово глупости. «Что за Паллада внушила тебе эту мысль?» — спросишь ты. Прежде всего навело меня на эту мысль родовое имя Мора, столь же близкое к слову мория (по-гречески — глупость), сколь сам ты далек от ее существа, ибо, по общему приговору, ты от нее всех дальше».

Эразм Роттердамский не случайно обращался к Томасу Мору. Личность и судьба этого удивительного человека волновали и его современников и, по-видимому, долго будут волновать людей будущих поколений.

Родился Томас Мор 7 февраля 1478 года в Лондоне. Предки автора «Утопии» были юристами, отец — королевским судьей, и поскольку в то время подобные профессии были наследственными, то и Томаса Мора ждало это же поприще.

Семья Мора жила скромно, но в средствах не нуждалась. Томас получил прекрасное образование. Еще до окончания им курса в школе св. Антония 13-летнего мальчика берет к себе в пажи кардинал Мортон, весьма образованный по тому времени человек и один из виднейших государственных деятелей. Впоследствии Томас с удовольствием вспоминал свое пребывание в доме Мортона.

Кардинал, пораженный незаурядными способностями Мора к языкам и литературе, убеждает его отца, Джона Мора, отдать сына в Оксфордский университет. В Оксфорде Мор пробыл неполных два года. Юноша изучал латинскую и греческую литературу, риторику, логику, приобрел безукоризненный латинский стиль, отличавший впоследствии все его произведения.

В Оксфорде Томас Мор сблизился с кружком гуманистов, выступавших против средневековой схоластики. Но отец не одобрял увлечений сына, и в 1494 году по его настоянию Томас покидает Оксфорд и возвращается в Лондон, где изучает юриспруденцию в специальных школах Лондона, и наконец около 1502 года становится «полным адвокатом».

Но это не разорвало тесной связи Мора с его друзьями-гуманистами. В 1497 году он познакомился с Эразмом Роттердамским, ставшим потом одним из его ближайших друзей. Мор принимал деятельное участие в образованном Эразмом Роттердамским в 1498 году кружке, поставившем своей целью нравственное очищение церкви и изучение древней литературы и писаний отцов церкви.

Блестящие способности Мора завоевывали ему все больший авторитет в среде гуманистов; его неиссякаемое остроумие, находчивость, щедрость привлекали в его дом новых друзей. Забегая вперед, можно сказать, что Мор стал одной из центральных фигур в истории анг-

лийского гуманизма. В его доме Эразм написал свою знаменитую «Похвалу глупости», причем сам автор признавал, что создана книга при содействии хозяина дома.

Став юристом, Мор, однако, совершенно не испытывал влечения к правоведению. Впрочем, занявшись не по своей воле этим делом, он вскоре достиг в этой области совершенства.

Томас Мор выгодно отличался от своих коллег по профессии. Он никогда не стремился к наживе, из своих доходов откладывал часть для детей, а остальное раздавал щедрой рукой. Во время адвокатской практики он охотно давал бесплатные советы лицам, обращавшимся к нему, и в своих дружеских и всегда дельных указаниях обнаруживал больше заботливости об их выгоде, чем о своих собственных интересах.

Несколько лет Мор работал судьей в Лондоне по гражданским делам. Никто не рассмотрел столько жалоб, как он, и никто не был бескорыстнее его. Неудивительно, что вскоре он сделался всеобщим любимцем и покровителем бедняков в городе.

В 1504 году, в 26-летнем возрасте, Мор избирается в палату общин. И сразу же сталкивается с притязаниями Генриха VII. Вечно «нуждавшийся» в деньгах, король потребовал от палаты общин утверждения новых субсидий по случаю посвящения старшего принца Артура в рыцари. Намерение короля «остричь шерсть» с трудового люда выглядело вполне благопристойно и законно, если бы не одно прискорбное обстоятельство. Принц Артур умер за два года до созыва парламента. Томас Мор разразился гневной речью, отвергая требования ненасытного двора. Палата общин поддержала его. Король был взбешен. Какой-то «безбородый мальчишка расстроил весь его замысел». Ничего другого не оставалось, как мстить — Томас изгнан из парламента, а его отец заточен в крепость, и для его освобождения требуется выкуп. Но и этого кажется мало рассерженному королю: Томас Мор вынужден удалиться временно в монастырь и даже помышляет об эмиграции.

Смерть короля Генриха VII снова вернула Мора к общественной жизни. В январе 1510 года его избирают депутатом в парламент. В архивах того времени сохранилась краткая запись: «Мор-младший — депутат парламента от Лондона». В том же году Мор был назначен на ответственную должность одного из двух помощ-

ников шерифа Лондона. Новые обязанности Мора заключались в том, чтобы быть юридическим советником мэра и шерифа, а также представлять их в городском суде Лондона. По словам Эразма Роттердамского, своей добросовестностью на этом посту Мор заслужил «величайшую любовь сограждан».

В 1515 году во время поездки во Фландрию Мор знакомится с выдающимся нидерландским гуманистом Петром Эгидием. Он был знатным горожанином Антверпена, где занимал пост главного секретаря и члена городской ратуши. Один из ближайших друзей Эразма Роттердамского, блестящий знаток античной литературы, греческого и латинского языков и права, автор переводов на латинский язык басен Эзопа и трактата об источниках кодекса Юстиниана, Эгидий был связан узами личной дружбы со многими выдающимися гуманистами Европы. Во время этой поездки, вдали от родины, Мор начинает работу над самым известным своим произведением — «Утопией».

По свидетельству Эразма, Мор сначала «написал вторую книгу, а потом присоединил к ней первую». Работу над «Утопией» Мор сумел закончить лишь по возвращении в Англию. 3 сентября 1516 года Мор послал Эразму из Лондона в Лувен рукопись только что законченной книги. Он сообщал, что вместо предисловия к будущей книге дополнил рукопись «вступительным письмом к моему другу Петру» (Эгидию). Стараниями друзей, Эразма и Эгидия, осенью 1516 года в Лувене рукопись была опубликована под названием «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии». Она состоит из двух частей: первой, подвергающей суровому осуждению существовавшие в Англии в начале XVI века порядки, и второй, противопоставляющей этим порядкам лучшее государственное устройство, будто существующее на острове Утопия.

«Утопия» написана в форме диалога между автором, его другом — Петром Эгидием — и неким Рафаилом Гитлодеем, вымышленным лицом, португальцем по происхождению, моряком, якобы спутником Америго Веспуччи. В уста последнего автор вкладывает рассказ о несуществующем острове Утопия, где Гитлодей будто бы пробыл пять лет и откуда он никогда не уехал, если бы не желание поведать об этом новом мире и о народе,

осуществившем общественное устройство более правильное, чем где бы то ни было.

Что навело Мора на мысль создать свою «Утопию»?

С конца XV века в английской деревне начинается процесс, который К. Маркс назвал первоначальным накоплением капитала. Давно уже английская шерсть высоко ценилась на Европейском континенте — льняное полотно было тогда чрезвычайно редким и дорогим материалом, а хлопчатобумажные ткани и вовсе привозили из дальних заморских стран, а стоили они еще дороже. Поэтому и вельможи, и зажиточные горожане, и люди попроще — крестьяне, ремесленники — носили одежду из шерсти. Быстрое возрастание спроса на английскую шерсть породило стремительный переход от хлебопашества к овцеводству, и теперь лордам стало гораздо выгоднее разводить большие стада овец, чем заниматься земледелием. Но для овец нужны были обширные луга, именно поэтому лорды захватывали деревенские общинные пастбища, запрещая пасти на них крестьянский скот. Пастбища огораживались изгородью, рвом и превращались в частный выгон лорда. Отсюда и название этого явления — огораживания.

Крестьяне насильственно сгонялись с обжитых клочков земли, их вынуждали за бесценок продавать домашний скарб и отправляться в скитания по стране в поисках пропитания. Сельские жители, лишенные возможности заниматься земледелием, превращались в бездомных бродяг. Работоспособные же бродяги и нищие подлежали согласно закону телесному наказанию и тюремному заключению. Их следовало привязывать к тачке и бичевать до тех пор, пока кровь не заструится по телу. В случае повторения бродяжничества виновному отсекалась половина уха, попавшийся в третий раз подвергался смертной казни. Эти жестокие законы неукоснительно выполнялись. Тысячи крестьян за бродяжничество и мелкое воровство ежегодно приговаривались к смерти. Мор был возмущен подобной жестокостью.

В уста вымышленного собеседника Мора в «Утопии» — Гитлодея, прожившего якобы в Англии несколько лет, Мор вложил гневные слова протеста против «кровавых законов»: «Эти повсюду смирные и нетребовательные животные (овцы) у вас (т. е. в Англии) оказываются до того жестокими и прожорливыми, что бросаются на людей и прогоняют их с земли, с наси-

жеиных мест, из домов и деревень... Действительио, ко всем местам, где собирается иежиая и драгоценная овечья шерсть, спешат благородиые богачи и даже достопочтеииые аббаты, чтобы оттягать себе участки земли...»

Но никакие жестокости ие могли остаиовить роста бродяжиичества. Мору было ясио, что нищие и бродяги — это жертвы общественного строя, основаиного на частиой собствеиности. Он понимал, что бороться надо не с иими, а с причинами, порождающими это явление. От лица героя «Утопии» ои писал: «Вышвырните эти губительиые язвы, постаиовите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстаиовили их, или уступили желающим восстаиовить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своеволие... Кормите меньше дармоедов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да стаиет она почетиым делом! Пусть с пользой занимается им эта праздиая толпа: те, кого до сих пор бедиость сделала ворами или же кто является теперь бродягами... Если вы ие уврачуете этих бедствий, то напрасио станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду виушительным, чем справедливым и полезиым».

Главную причину всех бедствий, обрушившихся на земледельцев, герой киаги видит в существовании частной собствеиности: «Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частиая собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государствеиных дел...

Поэтому я твердо убежден в том, что распределеиие средств равиомериым и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершеииым уиичтожеиием частной собствеиности; ио если она остается, то и у наибольшей и иаилучшей части человечества иавсегда остается горькое и неизбежиое бремя скорбей...

Но пока у каждого есть частная собственность, иет совершеиио иикакой иадежды иа выздоровление и возвращение организма в хорошее состояиие. Мало того, заботясь об исцелении одиой его части, ты растравляешь рану в других. Таким образом, от лечения одного взаимио рождается болезиь другого, раз никому нельзя ничего прибавить без отнятия у другого.

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами. Но и тут, когда эти омерзительные люди поделили в своей среде все то, что хватило бы на всех, как далеки они все же от благоденствия государства утопийцев! Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем!»

Движимый искренним сочувствием к угнетенным массам, Мор смело выступает за уничтожение частной собственности как единственное средство обеспечить всеобщее благополучие. Лишь уничтожив частную собственность, люди смогут приступить к устройству общественной жизни на началах равенства и справедливости.

Именно таким и является государство на острове Утопия.

На острове Утопия все занимаются общественными делами, заботятся о всеобщем благе. Мор противопоставляет образ мыслей утопийцев с их высоким чувством коллективизма образу мыслей людей, живущих в мире частной собственности, и вскрывает коренные причины различий в психологии людей этих двух миров.

Он пишет: «В других странах каждый знает, что как бы общество ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа». На острове же Утопия богатство общества — залог богатства каждого его гражданина. Никто не знает ни в чем нужды, здесь не существует неравного распределения продуктов, людям не надо заботиться о завтрашнем дне — к их услугам изобилие общественных магазинов. О тех, кто более не в состоянии трудиться, заботятся не хуже, чем о работающих. Мор видит в таком порядке наивысшую человеческую справедливость.

Государство Утопия — единый хозяйственный организм. Вся земля находится в общественной собственности. Государство планирует потребление продуктов. Оно

ведет учет всего производимого в отдельных районах и в случае необходимости производит перераспределение продуктов между отдельными местностями, государство также может направлять рабочих из одного района в другой. Государство ведет и внешнюю торговлю: излишки продуктов утопийцы вывозят в другие страны, где одну седьмую часть товаров бесплатно отдают беднякам, а остальное продают по невысоким ценам.

Однако непосредственным организатором производства является не государство в целом, а город. Государство же есть федерация городов, их в Утопии 54 (столько же, сколько в современных Мору Англии и Уэльсе).

В качестве основной производственной единицы в Утопии выступает семья, занимающаяся определенным ремеслом. Мор стоит за сохранение ремесленного производства, так как в то время еще не могла быть ясна роль крупных промышленных предприятий. Фактически Мор не придавал значения техническому прогрессу. Работа каждой семьи находится под контролем должностных лиц государства, вся продукция семьи сдается государству.

Все жители занимаются не только ремеслом, но и земледелием. Каждый год несколько членов семьи переселяются в деревню и там в течение двух лет занимаются сельским хозяйством. Кроме того, в период урожая из города в деревню дополнительно направляется необходимое количество работников. Таким образом, все утопийцы работают в сельском хозяйстве. Они также обязаны изучить какое-нибудь ремесло. Ремесло является наследственным для каждой семьи, и желающие нарушить семейную традицию и изучить иное дело должны перейти в другую семью. Таким образом, семья, в сущности, является общественной мастерской, она организована не столько на родственных, сколько на производственных началах.

В Утопии труд носит обязательный характер. Все должны заниматься физическим трудом, от которого освобождаются лишь ученые и должностные лица на период исполнения ими общественных обязанностей. Женщины работают наравне с мужчинами. По мнению Мора, при всеобщей обязательности труда и отсутствии праздных людей 6-часовой рабочий день будет достаточным для удовлетворения потребностей членов общества.

Утопия Мора знает и рабство. Но рабами становятся

преступники, осужденные на пожизненные принудительные, наиболее неприятные работы. Рабами являются также люди, приговоренные к смертной казни в других странах и выкупленные утопийцами, а также военнопленные, взятые в бою. Таким образом, происхождение рабства двояко — плен или преступление; рабство, хотя и пожизненно, не является наследственным. Томас Мор расценивает утопийское рабство как положительный факт. Он противопоставляет его жестокости судебных приговоров в современной ему Англии.

Если предшественники Мора понимали коммунизм как общность предметов потребления, то Мор в центр внимания ставит общность производства, хотя автор не противник общественной организации потребления и даже отдает ей предпочтение. Поэтому мы видим в Утопии общественные столовые, которыми пользуется подавляющее большинство граждан, но семьи, желающие организовать питание самостоятельно, имеют полную возможность для этого.

Томас Мор полагал, что при его идеальном общественном строе не будет обмена, не будет денег, прямое распределение продуктов будет происходить по потребностям. Вся производственная продукция свозится на общественные склады, откуда глава семьи получает бесплатно все необходимое для его семьи.

Томас Мор не оставляет без внимания и вопрос о бытовых условиях, в которых протекает жизнь и деятельность граждан идеального государства. Дома и сады находятся в общественной собственности и каждые десять лет перераспределяются по жребию. В городах воздвигаются великолепные дворцы, где утопийцы проводят часы досуга.

Утопийцы разумно пользуются всеми благами жизни, постоянно улучшают свой быт, стремясь сделать жизнь радостной и приятной. Интересно отметить, что в этой борьбе за улучшение условий жизни населения Томас Мор важную роль отводит соревнованию. Мор пишет, что в борьбе за то, чтобы сады содержались в «блестящем виде», чтобы «они были плодородными и изящными, у утопийцев усердие разжигается не только самим удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц по уходу каждой за своим садом».

В Утопии нет денег, золото и серебро совсем не ценятся, из них изготовляют кольца, цепи, обручи для пре-

ступников. Драгоценные камни служат детскими игрушками. При этом Томас Мор бичует общество, в котором процветает культ денег. Он пишет, что «дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столь же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет».

Государственная власть в Утопии организована на демократической основе. У Мора должностные лица не привилегированное сословие, а слуги народа, все власти — выборные. Утопийцы уважают своих должностных лиц, оказывают им добровольный почет. Мор пишет: «Ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно».

Мор принципиально осуждает войны, восстает против постоянных армий из наемных солдат в государствах, указывает на неисчислимые бедствия, которые причиняют войны трудящимся массам. Однако по необходимости утопийцам приходится воевать.

Законов в этом государстве мало, так как справедливое устройство жизни ведет к высоким нравственным качествам людей. Строй описанного им общества Мор признает «не только наилучшим, но также и единственным, который может присвоить себе с полным правом название общества. Именно в других странах повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами».

«Утопия» Мора вызвала серьезный интерес у гуманистов. «Если ты не читал «Утопии»... постарайся ее достать, если хочешь посмеяться или скорее увидеть те источники, откуда проистекает почти все зло в государстве», — советовал Эразм одному из своих корреспондентов. Восторженно отзывался об авторе «Утопии» французский гуманист Гийом Бюде, писавший в июле 1517 года своему другу Т. Лапсету: «Я люблю и высоко почитаю его за все то, что он написал об этом острове Нового Света. Наш век и будущие века будут иметь в этой истории драгоценный источник практически пригодного законодательства для всех, кто хотел бы воспользоваться им и применить его в своих государствах».

Сам Мор в переписке с друзьями писал об Утопии как о государстве, которое по своему справедливому общественному устройству превосходит все известные ему государства. «Ты и представить себе не можешь, — писал он Эразму, — как я теперь ликую, как я задираю голову: мне до такой степени все время представляется, что мои утопийцы назначили меня своим несменяемым правителем... я вижу себя шествующим в их почетной диадеме из пшеницы, облаченным во францисканскую рясу, держащим перед собою скипетр из пучка хлебных колосьев, окруженным блистательной свитой амауротов (жителей столицы Утопии). ...я встречаю послов и правителей других народов, прямо жалких в сравнении с нами, совершенно по-дурацки кичащихся тем, что они идут мальчишески разодетые... в оковах из этого презренного золота, потешные в своих порфирах, драгоценных камнях и прочих вздорных погремушках».

Восторженную оценку Мору и его «Утопии» дал Петр Эгидий. В письме Джерому Буслейдену от 1 ноября 1516 года он писал: «Томас Мор, исключительное украшение нашего века, что Вы сами, достопочтенный Буслейден, кому он столь хорошо известен, можете удостоверить, прислал мне на днях «Утопию», сочинение, еще очень немногим известное, но очень ценное, и поскольку оно превосходит «Государство» Платона, все люди должны стремиться прочесть его». По мнению Эгидия, Мор обнаружил в своей «Утопии» «такую огромную эрудицию, ум и столь богатый опыт в мирских делах, что с ним не может сравниться даже знаменитый путешественник Улисс, а что касается Америго Веспуччи, то по сравнению с Мором он, можно сказать, не видел ровно ничего».

Естественно, что «Утопия» повысила интерес к личности ее автора. По просьбе Гуттена Эразм Роттердамский в своем письме дал следующую характеристику Мору:

«Мор не велик ростом, но и не слишком мал. Он сложен вполне пропорционально и не страдает никакими физическими недостатками. Кожа на лице у него белая, с нежно-розоватым оттенком; волосы черные, переходящие в шатеновые; борода редкая; глаза — синевато-серые, с пятнышками; такие глаза указывают обыкновенно на выдающийся ум и считаются у англичан особенно красивыми. Его лицо часто озаряется улыбкой, и вообще

оно служит верным зеркалом его внутренних качеств, его веселого и любезного нрава. Действительно, Мор скорее веселый человек, чем серьезный степенно-важный муж.

Я не видел человека, который был бы так нетребователен к пище, как Мор. Голос у него не сильный и не слабый; он говорит отчетливо, ясно. Он, по-видимому, не чувствует особенной любви к пению, но музыка доставляет ему большое наслаждение.

Он любит простоту, не носит ни шелка, ни пурпура, ни золотых цепей. Просто изумляешься, как мало он заботится о разных формальностях, которые толпа считает вежливостью и приличием... Он долго держался вдали от двора и государей, так как деспотизм был ему издавна ненавистен, и он всегда любил больше всего равенство. Вот почему только после больших стараний и усилий Мор позволил Генриху VIII привлечь себя ко двору.

Мор как бы создан для дружбы. Он крайне отзывчив на дружеские чувства, обнаруживаемые к нему, не слишком педантичен в выборе друзей, снисходителен к ним и весьма постоянен в своих отношениях. К собственным интересам Мор относится беспечно, но зато весьма заботливо охраняет интересы своих друзей.

В обыденных сношениях с людьми Мор всегда весел и держит себя непринужденно... Он и меня подбил написать «Похвалу глупости», то есть заставил меня плясать по-верблюжьему...»

Свободомыслие и ненависть к различным формам тирании, проповедуемые Мором, имели глубоко прогрессивное значение. Обоснованию тираноборческих идей Мор отводил большое место не только в «Утопии», но и в «Истории Ричарда III», в латинских эпиграммах. Осуждая тиранию государей и противопоставляя тирану свой идеал государя, Мор решительно отвергал идею о божественном происхождении королевской власти и развивал мысль о зависимости этой власти от воли народа. На этом основании Мор ставил вопрос об ответственности государя перед народом, утверждая, что «народ своей волей дает и отнимает власть».

Сочинение Мора на коронацию Генриха VIII — это, по существу, гуманистическая политическая программа, противопоставляющая просвещенную монархию деспотизму. Это произведение отражало политические идеалы

как самого Мора, так и его друзей-гуманистов, видевших в образованном Генрихе VIII будущего покровителя ученых и возможного сторонника гуманистической реформы общества. В этом смысле Генрих VIII был для Мора неким антиподом предшествующему государю, допускавшему налоговый произвол, террор и беззакония в политике. Но прошло совсем немного времени, и все увидели короля в его истинном облике — злобного и жестокого тирана, ничуть не лучше своих предшественников. Достаточно сказать, что Генрих был женат шесть раз и двух своих жен послал на эшафот. Король повел разорительную для страны политику, втянув Англию в бесполезную войну с Францией, вся тяжесть которой легла на плечи народа. И поборы не уменьшились, только если ранее они шли на удовлетворение королевской жадности, то теперь — расточительности: король строил дворец за дворцом и брал с последнего поденщика деньги на свои фантазии.

Томас Мор не сразу разобрался в истинной сущности короля. Прошли годы, прежде чем он окончательно убедился, что его прежним мечтам о гуманном и справедливом правителе, думающем лишь о благе государства и своих подданных, не суждено сбыться. К этому времени Томас Мор был уже в числе высших сановников государства. Слава и широкие познания его были настолько велики, что Генрих VIII обратил на него свое благосклонное внимание. Он решил, что такого человека лучше иметь в числе друзей, нежели врагов.

Мор руководствовался не честолюбием или корыстью, когда принял то, от чего ранее отказывался, — службу при дворе: он действовал как гражданин, желающий испытать силы на новом поприще.

Поначалу Мор пользовался головокружительным успехом при дворе Генриха VIII. Быстро поднимаясь по ступеням государственной лестницы, Томас Мор в 1518 году становится членом королевского совета и докладчиком прошений, поступающих на имя короля. По должности Мор был обязан не только излагать королю прошение, но и самолично разбираться в подробностях дела и представлять на рассмотрение короля уже обдуманные решения. В мае 1521 года Мор становится помощником казначея и посвящается в рыцарское звание. Мор часто участвует в дипломатических миссиях, сопровождая канцлера Томаса Уолси в его поездках на

континент. В 1523 году Мор становится спикером палаты общин, где его независимое поведение причиняет немало неприятностей всемогущему канцлеру Уолси. Но даже Уолси не мог не оценить государственных способностей Томаса Мора, его разносторонности и деловитости. Влияние Мора столь велико, что в 1525 году он получает высокий пост канцлера герцогства Ланкастерского.

Генрих VIII дорожил Томасом Мором, он видел в нем человека обширного ума, блестящего государственного деятеля и, что немаловажно, в высшей степени остроумного собеседника. Конечно, решающую роль в этой идиллической дружбе между королем-деспотом и ученым-гуманистом играла огромная популярность Томаса Мора. Именно поэтому Мору прощалось и его независимое поведение, и его нежелание быть послушным орудием в руках короля. Генрих даже лично посещал Мора в его скромном доме и вел длинные беседы не только о делах государства, но и о литературе, математике, астрономии.

Однако Томас Мор успел уже в некоторой степени разобраться в характере короля. Однажды после такого визита короля Мор признался своему зятю, что король, не задумываясь бы, пожертвовал его головой, если бы такой ценой он смог приобрести хотя бы один ничтожный замок во Франции, с которой тогда воевала Англия.

В 1529 году Мору была вручена большая печать лорд-канцлера Англии. На торжественном собрании в Вестминстере герцог Норфолк представлял нового канцлера. В традиционной ответной речи Мор высказал трезвое суждение по поводу своего назначения: «Я считаю это кресло местом, полным опасностей и трудов, и далеко не таким почетным. Чем выше положение, тем глубже падение. Если бы не милость короля, я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу был приятен меч, висевший над его головой».

В должности канцлера Мор обнаружил замечательную деловитость, полную неподкупность, большую энергию, привел в порядок крайне запущенные дела своих предшественников. Честность, неподкупность, справедливость, забота об общем благе — вот черты Мора, государственного деятеля. Он твердо придерживался своих убеждений, и ничто не могло заставить его покривить душой, пойти на сделку со своей совестью — даже угроза смерти. Поступив на службу к Генриху VIII, Мор просил

лишь об одном: чтобы ему было позволено «повиноваться сперва богу, а потом уже королю». Для искренне верующего человека, каким был Мор, эта просьба имела глубокий смысл. Именно вера стоила Мору головы.

На политическую карьеру Томаса Мора решающее воздействие оказала Реформация. Столкновение между Генрихом VIII и Томасом Мором произошло именно на религиозной почве. Мор был верующим католиком и поэтому начавшуюся в 1517 году в Германии Реформацию принять не мог. Реформация являлась широким социальным и идеологическим движением, носившим антифеодальный характер. Ее конкретной формой была борьба против папы и католической церкви в целом. Этого Мор, как католик и государственный деятель, поддержать не мог.

Мор видел в Реформации анархию, полное освобождение личности от каких бы то ни было обязательств. В этом сказались политические взгляды Мора — его страх перед народным движением, в котором он видел лишь разрушительное начало. Мор всей душой сочувствовал страданиям народа, страстно желал облегчить их, но не считал, что движение широких масс приведет к уничтожению социальной несправедливости.

Революционным методам Томас Мор противопоставлял методы просвещения, убеждения, впоследствии ставшие характерными для социалистов-утопистов. Мор не мог понять объективно прогрессивной роли народных движений, выступавших в рамках Реформации. Социализм Томаса Мора вполне закономерно не мог быть связан с революционным движением широких масс, лишь в XIX веке сложились объективные условия для соединения научного социализма с рабочим движением.

Именно в силу исторической ограниченности Томас Мор выступил противником Реформации, оставаясь тем не менее критиком реально существовавшей католической церкви. Воинствующим католиком Томас Мор не был никогда.

Король Генрих VIII первоначально выступал против Реформации. Интересно отметить, что в 1521 году он опубликовал книгу против Мартина Лютера, на которую последний ответил в высшей степени грубой статьей. Через некоторое время появился «Ответ Т. Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает короля Генриха VIII английского». В этом сочинении Мор полностью

поддерживает Генриха, в ту пору еще ревностного католика.

Но если Мор до конца своей жизни оставался верующим католиком и противником Реформации, то Генрих VIII скоро изменил свое отношение к последней. Не потому, впрочем, что изменились его религиозные убеждения, а потому, что по политическим причинам ему показалось выгоднее стать сторонником, чем противником реформационного движения.

Причины, которые заставили английского короля изменить свои взгляды, были сугубо земными. В свое время Генрих VIII был женат на испанской принцессе браком по расчету. Теперь этот брак стал не нужен, и Генрих VIII потребовал от папы развода, чтобы жениться на красавице Анне Болейн. Папа в угоду испанскому королю отказал в этой просьбе. Взбешенный Генрих воспользовался отказом, чтобы порвать с папой, объявил себя главой английской (англиканской) церкви, развелся с королевой и вступил в брак с Анной Болейн.

В этом деле важную роль играли и чисто финансовые соображения. Воинственная политика и расточительное хозяйство Генриха VIII давно уже опустошили его казну, расчетливый король сообразил, что, проводя Реформацию и отделение английской церкви от папы, он сэкономит на тех налогах, которые шли в Рим и будут теперь идти в его пользу, и, кроме того, путем конфискации монастырских имуществ и земель сумеет пополнить недостаток денег в казне. Так Генрих и поступил впоследствии, и английская Реформация XVI столетия была проведена в интересах короля и казны.

Прямой характер Мора не мог примириться с грабительской Реформацией, обогатившей короля и его приближенных. Как честный человек, лорд-канцлер Мор ушел в отставку.

Король не решился сразу напасть на своего вчерашнего любимца. Слишком сильно было влияние Мора в буржуазных кругах и даже среди придворных. К Мору начали подбираться исподволь. Сперва было конфисковано его небольшое имение, и он лишился своих скромных средств к жизни, так как никогда не был очень богат, затем его попытались привлечь к процессу одной монахини, якобы угрожавшей королю, но все было явно подтасовано, и Мор вышел из дела чистым от обвинения.

Однако он не обольщался и с грустной иронией сказал своей дочери: «Отложить дело — еще не значит отменить его».

Наконец, когда в 1533 году запуганный угрозами короля парламент признал его главой церкви, утвердил развод и объявил наследницей престола рожденную до брака дочь Анны Болейн (будущую королеву Елизавету I), Мор отказался принести потребованную от него присягу, за что был обвинен в государственной измене и арестован.

Арест Мора лишний раз показал, что конфликт между ним и королем вышел за рамки религиозного спора, приобрел более глубокий, более трагический оттенок столкновения двух мировоззрений. Отказываясь принести присягу, Мор тем самым противопоставил свою принципиальность королевскому произволу, честность — нравственному падению двора, силу духа — лакейскому преклонению парламента перед силой. Бывший канцлер предстает перед нами в последние месяцы жизни как удивительно цельная личность, верная в своих поступках идеалам, провозглашенным в «Утопии».

Брошенный в темницу, лишенный книг и тяжело страдая физически, Мор провел там более года, сохраняя твердость духа. Обвиняемый защищался с большим достоинством, опровергая возводимые на него напраслины, но не отрекаясь от своих убеждений. Судьи признали Мора виновным и изрекли характерный для того времени приговор: «Вернуть его в Тауэр (тюрьму), оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не помер, отрезать половые органы, вспороть живот, выдернуть и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела над всеми четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту».

Принимая во внимание прежние заслуги Мора, король «смягчил» приговор, заменив мучительную пытку и казнь простым отсечением головы. Узнав об этом, Мор с не покидавшим его до конца присутствием духа и юмором заметил: «Избави, боже, моих друзей от такой милости».

Так прославленный гуманист, лорд-канцлер оказался на эшафоте. Взойдя на него, Мор хотел обратиться к народу с речью, но шериф не дал ему говорить. Палач со-

гласно обычаю попросил у него прощения. Мор, обнявши его, сказал:

— Ты оказываешь мне самую большую услугу, какую только я могу пожелать от человека. Исполняй же без страха свою обязанность. Моя шея коротка, направь верно свой удар, не осрамись...

Палач хотел завязать ему глаза.

— Я сам завяжу, — сказал Мор и с этими словами вынул заранее приготовленный платок и, завязав глаза, положил голову на плаху... — Погоди немного, — сказал он вдруг, — дай мне убрать бороду: она нисколько не повинна в государственной измене...

Так мужественно окончил свою жизнь Томас Мор, погибший за то, что не захотел отречься от своих убеждений в угоду королю.

Трагическая судьба Мора похоронила гуманистические иллюзии, веру в просвещенного монарха, окруженного добрыми советниками. А ведь Эразм Роттердамский в июле 1519 года с пафосом говорил: «Счастливы были бы государства, если бы правители ставили во главе их должностных лиц, подобных Мору!»

Не государственные дела и служба королю принесли славу Томасу Мору, а его социалистические идеи, сыгравшие огромную роль в «пробуждении умов» будущих поколений. Название его замечательного произведения «Утопия» стало нарицательным. От него идет определение «социалисты-утописты», а автор этой книги стал одним из основателей утопического социализма, в котором зрели зародыши гениальных идей.

Будущее принадлежит нам

Удивительна судьба этого человека. Он был рожден аристократом, но без всякого сожаления порвал со своим привилегированным сословием. Он был миллионером и нищим, нашедшим приют у своего собственного слуги. Он командовал полком, дрался под знаменами самого Вашингтона и — какая ирония — униженно просил, чтобы сильные мира сего обратили внимание на его учение. Он был мыслителем и борцом, мечтателем и ученым. И пусть многое в его трудах нам покажется наивным, даже смешным, нас всегда будет поражать устремленность его взгляда в будущее, верность раз выбранному идеалу великого служения людям.

Анри Клод де Сен-Симон родился в 1760 году в Париже в аристократической семье. Отец Сен-Симона, граф Бальтазар де Сен-Симон, служил у польского короля в должности начальника гвардейской бригады. Судя по его бурному темпераменту и образу мыслей, он, видимо, расправился бы собственноручно со своим первенцем, если бы мог представить, кем он станет в будущем, изменив своему классу и аристократическому происхождению. И вместе с тем никто из этого древнего рода, хотя по семейным преданиям он восходил чуть ли не к самому Карлу Великому, не прославил его так, как Анри Клод.

Молодого графа воспитывали гувернеры, домашние учителя, среди которых был и знаменитый ученый-энциклопедист д'Аламбер. Общение с последним, знакомство с литературой, в том числе с произведениями просветителей, сам дух свободомыслия, отрицания насилия над личностью, столь характерный для предреволюционной Франции, оказали решающее влияние на формирование личности Сен-Симона. Под крышей роскошного особняка графа Бальтазара рос бунтарь, готовый выступить против среды, окружавшей его. Уже в тринадцать лет Анри наотрез отказался конфирмоваться в церкви, заявив публично о своем отрицании бога, за что отец отправил его в крепость для исправления. Анри настойчиво требует у тюремщика освобождения и, возмутившись отказом последнего, в гневе ранит его ножом, овладевает ключами и получает желанную свободу.

В отличие от братьев Анри настойчив и решителен. Как-то его укусила бездомная собака. Он сейчас же прижег укушенное место горящим углем и стал носить при себе пистолет, чтобы покончить с собой при первых же признаках бешенства. «Вставайте, граф, вас ожидают великие дела» — такими словами молодой граф Сен-Симон приказывал своему лакею будить его по утрам. И впоследствии он не забывал о «великих делах», зачастую прерывая речь упоминанием о той славе, которой ему предстоит достичь.

В 1777 году семнадцатилетним юношей Сен-Симон поступает в полк и скоро получает первый офицерский чин. Через два года добровольно он отправляется за океан, в Америку, где принимает участие в боевых действиях за независимость североамериканских колоний против Англии. Позже Сен-Симон с гордостью писал, что он служил под знаменами Вашингтона. Он показал себя храбрецом и был награжден орденом только что возникших Соединенных Штатов. При возвращении на родину Сен-Симон был захвачен в плен англичанами. Участие в войне за независимость англичане не могли простить молодому графу, и его вместе с другими пленными отправили на Ямайку. Лишь в 1784 году Сен-Симон возвращается во Францию и скоро получает под свое командование полк. Блестящая карьера открывалась перед знатным отпрыском рода Сен-Симона, но праздная жизнь не удовлетворяла графа.

На военной службе Анри находился, пока во Франции не вспыхнула революция. Воспитанный на идеях энциклопедистов, прошедший через американскую революцию, Сен-Симон с энтузиазмом принял события 1789 года. Даже эмиграция братьев и арест сестры не охладили революционного пыла мятежного графа. Он отправляется на родину, в Пикардию, где добровольно отказывается от своего графского титула и принимает новую фамилию — Бонóм — «простачок».

В то время имена меняли многие. Но если для многих этот шаг был не чем иным как данью моде, стремлением приспособиться к бурным событиям революции, то Сен-Симон отказался от собственного имени вполне сознательно, исходя из внутренних убеждений. «В настоящее время нет больше сеньоров, — писал сам Сен-Симон. — Все мы совершенно равны, и, чтобы графский титул не привел вас к ошибочной мысли, будто я обла-

даю большими правами, чем вы, я навеки отказываюсь от этого звания, которое считаю более низким, чем звание французского гражданина...»

Не менее примечательно и само новое имя, которое выбрал себе бывший граф. Он стал «Боно́м». Во Франции так издавно называли крестьянина. Жак-боном — полушутливая, полупрезрительная кличка, вроде нашего «Иванушки-дурачка», кличка, которой «благородные» наделяли своих холопов. Сен-Симон, став «гражданином Бономом», хотел этим подчеркнуть, кто, по его мнению, стоит в центре событий, сотрясающих страну. И не только подчеркнуть: два первых года революции Сен-Симон проводит в провинции, среди крестьян. Между тем революция развивалась совсем не так, как хотелось бы бывшему графу. Крупная буржуазия, оказавшись у власти, совсем не спешила установить «золотой век», в который так верили философы-просветители и их многочисленные последователи. Неугомонный Сен-Симон решает по-своему удовлетворить чаяния крестьянства. С 1791 года он начал покупать землю, конфискованную у церкви и роялистов, и затем перепродавать ее мелкими участками малоимущим крестьянам. Можно, конечно, удивляться той наивности, с которой Сен-Симон взялся за разрешение аграрного вопроса, но в искренности его намерений сомневаться не приходится.

Партнером в земельных спекуляциях Сен-Симона становится знакомый ему по Испании барон Редери. Успех нового начинания превосходит все ожидания, а вместе с успехом приходит и богатство. Неизвестно, как сложилась бы дальше жизнь Сен-Симона, если бы не карающая рука якобинской диктатуры. Незадачливый миллионер оказывается за мрачными стенами люксембургской тюрьмы, и только контрреволюционный термидорианский переворот спасает узника от гильотины. Проведя около года в тюрьме, он выходит на свободу и вновь пускается в спекуляции.

В 1796 году совместное богатство Сен-Симона и Редерна оценивается в 4 миллиона франков. Но на этом карьера преуспевающего спекулянта самым неожиданным образом обрывается. В Париж возвращается барон Редерн, благоразумно скрывшийся за границу во время террора, и предъявляет свои права на все состояние. Поскольку операции велись от его имени, Сен-Симону

приходится довольствоваться отступным в 150 тысяч франков. Оказавшись не у дел, Сен-Симон с обычной для него энергией берется за изучение естественных наук.

Этот новый шаг в жизни Сен-Симона совсем не был случаен. Глубокое разочарование в результатах революции, которая лишь сменила одну форму эксплуатации на другую, резкие контрасты между нищетой и крикливым богатством, достигшие невиданных размеров в годы Директории, навсегда похоронили надежду Сен-Симона на достижение всеобщей гармонии подобным путем. Не революция, а наука — вот единственное средство лечения кровоточащих язв человеческого общества. Сен-Симон видит теперь весь смысл своей жизни в создании всеобщей, универсальной науки о человеческом обществе. Остаток своего богатства он использует на содержание гостеприимного дома, где принимает крупнейших ученых Парижа, а затем несколько лет путешествует по Европе, где слушает лекции многих известных профессоров. Бесконечные встречи и знакомства, упорные занятия и опыты поглощают его в течение многих лет. В 1803 году он издает первое свое произведение «Письма женевского обывателя к современникам». Это оригинальное произведение представляет собой утопический план переустройства общества, хотя и изложенный в зачаточной, туманной форме.

Примерно к 1805 году у Сен-Симона иссякли деньги, и он оказывается на грани бедности. В автобиографии Сен-Симон рассказывает, что, будучи в крайней нужде, он обратился к графу Сегюру с просьбой найти ему место хотя бы конторского служащего. И тот предложил ему должность переписчика в парижском ломбарде. Здесь он работал по 9 часов в день и, кроме того, еще трудился над интересующими его научными вопросами по ночам. Положение Сен-Симона несколько улучшилось после того, как он встретил своего бывшего слугу Диара. На деньги Диара Сен-Симон выпустил в 1808 году свою вторую работу — «Введение в научные работы XIX века». Сочинение было разослано видным ученым и политическим деятелям с просьбой высказать свои замечания и оказать помощь в дальнейшей работе. Но Сен-Симон так и не дождался ответа.

В скором времени умер Диар, и Сен-Симон снова остался почти без средств. О том, какое существование

он влачил, видно из его записи, датированной 1812 годом: «Вот уже две недели я питаюсь хлебом и водой, работаю без огня; я все продал, вплоть до моей одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов. Страсть к науке и общественному благу, стремление найти способ для прекращения мирным путем страшного кризиса, переживаемого всем европейским обществом, довели меня до такой нужды...»

Но тяжелые материальные невзгоды не в силах были сломить волю Сен-Симона. Чем труднее ему приходилось, тем упорнее он работал. Именно в эти годы окончательно формируются его взгляды на общество, которые он изложил в ряде зрелых работ: «Труд о всемирном тяготении», «Очерк науки о человеке», статьи в сборниках «Индустрия...», «Организатор». В 1821 году Сен-Симон издает работу «О промышленной системе», в которой обращается к королю, к членам палаты депутатов, к землевладельцам, торговцам, фабрикантам и другим «промышленникам», ко всем «друзьям человечества».

В начале «Предисловия» автор подчеркивает, что основной причиной кризиса, переживаемого обществом в настоящее время, является изменение социальной системы. Иначе говоря, «существо этого кризиса состоит в переходе от феодальной и теологической системы к промышленной и научной. Он неизбежно будет продолжаться до того времени, когда полностью завершится образование новой системы».

Далее Сен-Симон пишет, что его труд «О промышленной системе» имеет целью: привлечь общее внимание к истинному характеру великой социальной реорганизации, завещанной XIX веку; доказать, что эта реорганизация вполне назрела и не может быть отсрочена; указать точно и ясно, каким способом она должна производиться, — одним словом, содействовать, насколько это в силах философии, образованию и завершению промышленной и научной системы, одно только установление которой может положить конец современным социальным волнениям.

Во втором разделе работы «Введение» Сен-Симон пытается ответить на вопросы: каковы же причины, которые, отвлекая французскую революцию от ее первоначальной цели, привели и удерживают общество в плачевном состоянии, и каковы средства для выхода из

этого состояния, «для водворения порядка и благоденствия на прочное основание»? При ответе Сен-Симон особо подчеркивает, что суть его сочинения «сводится к сближению или, лучше сказать, к обобщению интересов королевской власти и промышленников. Это я провожу всюду. Сочетание этих двух сил было господствующей идеей, занимавшей мой ум на протяжении всего моего труда. Я достигну своей важнейшей цели, если добьюсь того, что внимание промышленников, как истинных друзей королевской власти, будет серьезно приковано к этому основному пункту».

Сен-Симон справедливо отмечал, что революция «еще очень далека от своего завершения» и что она завершится только полным осуществлением той цели, которая была предопределена ей всем ходом событий, то есть «образованием новой политической системы». Но эта «новая» система автора вполне «уживалась» с королевской властью, которая должна принять меры для вовлечения промышленников в политическую деятельность.

В конце «Введения» автор пишет: «Общий вывод настоящего сочинения в отношении к промышленникам и королевской власти заключается в том, что эти две силы больше всего заинтересованы в объединении и что их объединение должно совершиться возможно скорее и полнее.

Но этого мало. И правительству, и народам слишком часто давали советы, хотя и вполне правильные, но лишенные какого-либо реального значения вследствие недостаточной определенности и отсутствия указаний на средства исполнения, которые можно применить немедленно. И я счел своим долгом завершить свой труд предложением непосредственных административных мероприятий, чтобы начать организацию союза между промышленниками и королевской властью и работать над упорядочением и устройством новой политической системы. Эти мероприятия, с одной стороны, могут быть легко приведены в исполнение королевской властью тотчас же, если она решает их принять. С другой стороны, я доказываю промышленникам, что в их распоряжении имеются простые и законченные средства, чтобы немедленно побудить королевскую власть их принять в случае, если бы она оказалась настолько слепой, чтобы не распознать в них действительную силу...»

В «Послании королю», адресованном Людовику XVIII, Сен-Симон отмечал, что состояние моральной и политической неурядицы, в которое ввергнута в настоящее время Франция, а также другие страны Западной Европы, объясняется исключительно тем, что старая социальная система разрушена, а новая еще не сформировалась. Этот кризис прекратится и порядок установится на прочной основе лишь тогда, когда с полной энергией начнется организация новой системы. А затем он на основе обстоятельного анализа неудач, которые причинили обществу немало вреда, рекомендовал королю упразднить дворянство и составить избирательный корпус из промышленников, а также использовать труды ученых в руководстве обществом.

В «Обращении к друзьям человечества», которым завершается работа Сен-Симона «О промышленной системе», он писал: «Господа! Страсть, которая вас воодушевляет, — божественного происхождения. Она дает вам место в первом ряду христиан, она дает вам право и налагает на вас обязанность бороться с дурными страстями, с народами и царями, поддающимися этим страстям.

Ваши предшественники положили начало социальной организации человеческого рода — ваше дело завершить это святое начинание. Первые христиане создали основу всеобщей морали, провозгласив и в хижинах и в дворцах божественный принцип: все люди должны видеть друг в друге братьев, должны любить и помогать друг другу. Они придумали учение, согласное с этим принципом, но это учение получило у них абстрактный характер, и на вашу долю выпадает честь организовать светскую власть в согласии с этой божественной аксиомой. Вы были извечно предназначены к тому, чтобы доказывать государям, что их интересы и их долг предписывают им дать своим подданным конституцию, ведущую непосредственно к улучшению социального положения наиболее многочисленного класса; вы были предназначены к тому, чтобы побудить этих вождей народов подчинять свою политику основному принципу христианской морали».

В заключение своего «Обращения...» Сен-Симон подчеркивает, что единственное средство для преодоления европейцами политического кризиса, вызванного прогрессом просвещения, состоит в полном изъятии полити-

ческой власти из рук богословов, знати, военных и метафизиков.

Сен-Симон более спокойно переносил свои материальные невзгоды, чем равнодушие к трудам, в которые он вкладывал свою душу и считал их крупнейшим шагом вперед по пути к счастью человечества. Упорного замалчивания его трудов он не мог перенести. В 1823 году он попытался покончить жизнь самоубийством и лишь благодаря случайности остался жив.

Но с середины 20-х годов полоса неудач кончилась. Жизнь Сен-Симона стала постепенно налаживаться. У него появляются ученики и продолжатели. Среди них был декабрист Лунин, попавший в Париж в 1815 году вместе с русскими войсками и познакомившийся здесь с Сен-Симоном.

Сен-симоновская проповедь мирного преобразования общества, обращенная к королям и богачам — банкирам, промышленникам, купцам, — привлекает внимание некоторых меценатов. Они содействуют изданию его сочинений, обеспечивают возможность жить в достатке и, следовательно, напряженно работать. Устроена и личная жизнь Сен-Симона: при нем верная мадам Жюлиан — близкий друг, секретарь, экономка.

Сен-Симон продолжает много и плодотворно работать. В 1823—1824 годах появляется «Катехизис промышленников», в 1825-м — «Рассуждения литературные, философские и промышленные». К этому произведению автор сделал такой эпиграф: «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Наконец Сен-Симон приступает к своему главному произведению — «Новое христианство», которое должно дать будущему «обществу индустриалов» новую религию, берущую от христианства лишь его исходный гуманизм.

Пожалуй, именно в этих произведениях выкристаллизовалось окончательно универсальное учение Сен-Симона.

В своих рассуждениях Сен-Симон исходил из признания существования всеобщей объективной закономерности и причинной обусловленности всех явлений природы и общества. Он выдвигает идею закономерности общественного развития, в основе которой лежит прогресс разума, науки, морали и религии. В конечном счете изменения в общественной жизни происходят, по

его мнению, в результате прогресса человеческого разума: «Изучение пути, пройденного человеческим разумом до настоящего дня, укажет нам, какие полезные шаги остается сделать разуму на вечном поприще и на пути, ведущем к счастью».

Сен-Симон значительно опередил не только рационалистов XVIII века, но и многих предшествующих творцов ранних коммунистических учений, равно как и социалистов-утопистов — своих современников. Не случайно Ф. Энгельс сравнивал Сен-Симона с Гегелем: французский социолог внес в свою философию элементы диалектики. Он справедливо смотрел на человеческое общество как на постоянно развивающийся, целостный организм, который объединяет своих членов не только определенными философскими, религиозными и моральными принципами, но и общеполезной трудовой деятельностью, являющейся естественной необходимостью и обязанностью человека. Сен-Симон правильно подметил отсутствие непрерывности в процессе исторического развития и указал на чередование эволюционного движения с революционным.

Правда, Сен-Симон уже подозревает собственность в том, что она стала яблоком раздора в обществе. Он так и рассматривал французскую революцию — революцию неимущих против имущих. «Понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но... и *неимущими,* — отмечал по этому поводу Энгельс, — это в 1802 году было в высшей степени гениальным открытием» [1].

Сен-Симон справедливо предсказывал, что каждый новый исторический период, будучи прогрессивным по отношению к предыдущему периоду, должен в определенное время уступить место более высокому социальному строю. Поэтому автор «Нового христианства» совсем не считает современное ему общество «человеческим раем». Напротив, он развертывает на страницах своих произведений острейшую критику капитализма, неутомимо разоблачает французское общество, в котором бедность и страдания трудящихся масс делались необходимым условием его существования. «Наше общество, — писал Сен-Симон, — представляет из себя мир, перевернутый вверх ногами».

Исследуя причины всех зол буржуазного общества, Сен-Симон отмечал, что «общество имеет двух врагов,

которых оио в равиой степеии боится и иеиавидит: аиархию и деспотизм». В поисках выхода из противоречий капиталистического общества ои приходил к выводу, что революция не достигла цели, что она ие построила иового общества, и провозглашал: «Люди должиы иметь общество, наиболее выгодиое для наибольшей массы. Его цель — наиболее быстрое и полиое улучшеиие морального и физического положеиия иаиболее бедного класса общества».

Вместо общества, осиоваииого иа власти денег, эксплуатации, лицемерии и обмаие, Сен-Симои создает на страиицах своих книг социальиую систему, обеспечивающую «иаибольшие выгоды для иаибольшего количества людей», где «все люди будут работать, оии все будут смотреть на себя, как иа работииков...».

Подробиее всего предстает перед иами это общество в последией работе Сеи-Симоиа — «Новое христианство». В ией, как иигде, скоицеитрироваиы и вся слабость, и вся сила учеиия этого замечательиого социалиста-утописта. «Универсальиый ум своего времени», Сеи-Симои попытался привлечь и осмыслить все зиания, иакоплеииые обществом. И не просто привлечь, и ие просто осмыслить, но поставить их на службу труженику, превратить их в «волшебный эликсир» излечеиия страдающего человечества.

Новое общество у Сеи-Симоиа — это «промышлеииое» общество, общество «иидустриалов». При этом великий мыслитель делает шаг назад по сравнению, скажем, с Ж. Мелье. Ои не отмеияет частиой собственности. Ои вообще против ее уничтожеиия.

Сен-Симои ие рвет с капиталистической собствеииостью, хотя и сильио видоизмеияет ее. Из сохранеиия капиталистической собствеииости вытекает сен-симоиовское — своеобразное и наивиое — делеиие общества иа классы. Есть паразиты («праздные») и трудящиеся (рабочие). К паразитам отиосятся дворянство, раитье, военные. Их Сен-Симон бичует, высмеивает и, вполие понятно, ие собирается брать в свое идеальиое общество. К рабочим ои причислял не только работающих по иайму, ио и фабрикаитов, купцов и банкиров. Поводом для этого служил тот факт, что раз и предприииматели и рабочие заияты в производстве, значит, оии прииадлежат к одиому и тому же классу, их интересы тождественны. Разница между ними только в том, что капита-

листы выступают в роли руководителей производства, а рабочим принадлежит роль исполнителей.

В этой связи Ф. Энгельс справедливо отмечал, что у Сен-Симона рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное, так как он отрицательно относился к политической борьбе и революции и рассчитывал лишь на обращенную к богачам проповедь любви к народу; он призывал на помощь обновленную религию, надеясь через церковь оказать влияние на королей и правителей. Вместе с тем Энгельс указывает, что Сен-Симон проявлял особенный интерес к судьбе «самого многочисленного и самого бедного класса». Точка зрения Сен-Симона — лишь отражение незрелости пролетариата и непонимание коренной противоположности интересов этих двух основных классов капиталистического общества.

«Промышленники» — рабочие, ремесленники, капиталисты (со своими капиталами) — живут в идеальном обществе Сен-Симона.

Но последние не наслаждаются своим богатством, не проводят дни в сытой праздности. Труд должен быть обязательным для всех. «Руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого, но богач получает повеление работать головой, а если мозг не способен к работе, то он обязан работать руками». По Сен-Симону получается, что богачи в будущем общественном строе будут слугами народа, их назначение — выполнять организаторские функции. Он утверждал, что в условиях нового индустриального режима общие интересы всего коллектива в целом должны быть в «руках людей, способных в области наук, искусств, промышленных комбинаций», то есть ученых и художников, с одной стороны, и промышленников, с другой стороны. При этом Сен-Симон пытался представить дело так, что интересы этих групп населения совпадают с интересами народных масс, что эти интеллектуалы «принадлежат к классу трудящихся, являясь в то же время его естественными вождями». Поэтому они и предназначены для управления государственными делами.

Он считал этих «естественных вождей» такими же тружениками, как и рабочих, и противопоставлял их праздным паразитическим элементам — рантье, не участвующим в общественном производстве. Главной отличительной чертой его «промышленного» строя является

отсутствие нетрудовых, паразитических элементов. Вся реальная светская власть сосредоточивается в руках совета промышленников, а духовная — в руках Академии наук.

Эти организации и осуществляют плановое руководство всем народным хозяйством. Поэтому будущий общественный строй он называл «ассоциацией» в противовес буржуазному индивидуализму и капиталистической анархии производства.

Сен-Симон обращает большое внимание на организацию и управление производством. В комплексе он это определял как «науку о производстве, то есть науку, ставящую себе целью установление порядка вещей, наиболее благоприятного всем видам производства». Составление бюджета станет компетенцией наиболее значительных промышленников, в связи с чем будет возможным и установление «ясного и наиболее разумно комбинированного плана работ, которые должны быть выполнены обществом». В результате такой гармонии социальная организация будет удовлетворять «здравомыслящих людей всех общественных классов», отпадет необходимость мятежей и содержания многочисленной армии и полиции для их подавления. «Положительную науку» управления хозяйством Сен-Симон противопоставлял взглядам либералов, занимавшихся усовершенствованием политических учреждений. В этой связи положение «беднейшего класса» все более пристально привлекало его внимание.

Конечной целью деятельности людей является, считал он в конце жизни, необходимость «улучшения морального и физического состояния наиболее многочисленного класса» и создание такой «формы социальной организации, которая была бы способна лучше направить эту деятельность и обеспечить ей преобладание над всякой другой деятельностью».

Иначе говоря, Сен-Симон вплотную подошел к идее о социализме, но его социализм был утопическим. Сен-Симон остался на позициях идеализма. Его рассуждения о планировании в условиях новой индустриальной системы страдали непониманием, что возможность общественного производства по заранее обдуманному плану предполагает переход средств производства в общественную собственность. Как раз ее он и не собирался вводить. Здесь и кроется камень преткновения:

как можно планировать и управлять предприятиями, которые находятся в частных руках? Кто даст представителям общества такие полномочия?

Сен-Симон верно отмечал, что планирование окажет благотворное воздействие на развитие народного хозяйства и рост производительности труда. Но главным заблуждением Сен-Симоиа было убеждение в возможности создания нового общества мирным путем. Приверженцам «нового христиаиства» предстояло завоевывать мир, применяя лишь средства убеждения. Насилие Сен-Симон ие только не одобрял, а, наоборот, в целях предотвращения даниой «опасности» рекомендовал своим последователям обращаться с активной проповедью к имущим. Он писал: «Единственным средством, дозволенным нам для достижения иашей цели, является убеждение... Нам совершенно невозможно действовать физической силой».

Маркс и Энгельс, критикуя социалистов-утопистов, вскрыли причины появления проповеди «мирных средств», отрицания ими классовой борьбы. «Изобретатели этих систем, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элемеитов внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороие пролетариата никакой исторической самодеятельности, иикакого свойственного ему политического движения»[2]. В то время когда эти системы возникают, «развитие классового антагоиизма идет рука об руку с развитием промышленности», поэтому их создатели не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такую социальную науку, которая создала бы эти условия.

История развития человечества для социалистов-утопистов сводится поэтому к пропаганде и попыткам осуществления их планов. Они стремятся встать над антагонизмом, между пролетариатом и буржуазией и «улучшить положение всех членов общества». «Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат»[3]. В сочинениях социалистов-утопистов «содержатся также и критические элементы», они «нападают на все основы существующего общества. Поэтому они да-

ли в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих» [4].

Сен-Симон — один из великих социалистов-утопистов, труды которых стали идейными предпосылками для создания теории научного коммунизма. «...Немецкий теоретический социализм, — писал Энгельс, — никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» [5]

Основоположники научного коммунизма уделяли большое внимание наследию Сен-Симона, подчеркивали социалистическую целеустремленность его социально-экономических воззрений.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс посвятили Сен-Симону и сен-симонистам специальный раздел, который представляет не только научную значимость сам по себе, но и свидетельствует о том, что оценка гениальных мыслителей опирается на глубокое знание ими подавляющего большинства сочинений Сен-Симона, посвященных утопическому социализму в целом.

В статье Ф. Энгельса «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» отмечается, что во Франции после Бабефа «поборником социального преобразования был граф Сен-Симон», что «странности и чудачества сен-симонистов стали очень скоро жертвой французского остроумия» и что учение сен-симонистов «было окутано туманом непонятного мистицизма... Их экономические принципы также не были безупречны; доля каждого из членов их общин в распределении продуктов определялась, во-первых, количеством произведенной им работы и, во-вторых, обнаруженным им талантом...» [6]. Сен-Симон характеризуется здесь как «поборник социального преобразования», сторонник социального равенства.

В работе «Анти-Дюринг» Энгельс отзывается о Сен-Симоне с величайшим уважением. Он пишет: «В 1816 году Сен-Симон объявляет политику наукой о производстве и предсказывает полнейшее поглощение политики экономикой. Если здесь понимание того, что

экономическое положение есть основа политических учреждений, выражено лишь в зародышевой форме, зато совершенно ясно высказана та мысль, что политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства, т. е. мысль об отмене государства...»[7] Вместе с тем Энгельс подчеркивал противоречивость взглядов Сен-Симона, указывая, что у него «...рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное...»[8].

В. И. Ленин считал французский утопический социализм одним из теоретических источников марксизма. Вместе с тем он четко выявил историческую слабость утопического социализма: «Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества...»[9]

Жизнь и деятельность Сен-Симона охватывают исключительно сложный по своему содержанию период истории Франции. Его литературная деятельность длилась почти четверть века — с 1802 по 1825 год. Великий утопист был современником последних лет правления Людовика XVI, перед глазами Сен-Симона прошли французская буржуазная революция, термидор, наполеоновский режим и, наконец, реставрация Бурбонов. Это был переломный для Франции период ожесточенной борьбы между феодализмом и капитализмом. В этот период буржуазии в значительной мере удавалось удержать роль гегемона «третьего сословия». Противоречия между буржуазией и пролетариатом продолжали обостряться. Буржуазная наука смогла только констатировать это противоречие, будучи не в состоянии его понять.

Что же касается Сен-Симона, то в его системе либеральные и социалистические тенденции не могли быть примирены. И постепенно социалистические тенденции стали побеждать тенденции либеральные, они занимали в его теории господствующее место. Фундаментом современного ему общества Сен-Симон стал

считать пролетариат, а не «промышленников» вообще: «Основанием современной народной пирамиды являются рабочие, занимающиеся ручным трудом». Основную задачу своей деятельности Сен-Симон формулирует следующим образом: «Работать над улучшением морального и физического существования самого бедного класса; общество должно быть организовано так, чтобы наилучшим образом прийти к этой великой цели». Такая оценка роли пролетариата оказывала воздействие и на оценку роли народных масс в целом.

Все это в конечном счете позволило Сен-Симону с гениальной прозорливостью определить, что в области экономических отношений в дальнейшем господство над людьми заменится господством над вещами. Аналогичный процесс, по его мнению, должен был произойти и в сфере политических отношений. Для этого великий мыслитель ставил конечную цель: коренное изменение жизни самого обездоленного класса — пролетариата.

Сен-Симон не сомневался, что так и будет. Не сомневался даже в свой последний час, когда, умирающий, измученный физическими страданиями, он произносит свое гениальное пророчество, адресованное ученикам и потомкам: «Будущее принадлежит нам».

На баррикадах Парижской коммуны

В связи с выдвижением Вайяна (Вальяна) кандидатом на пост президента Франции в 1913 году В. И. Ленин писал: «Голосование за Вальяна было демонстрацией в честь Коммуны. Вальян — живая память о ней. Достаточно хоть раз видеть, как встречают парижские рабочие появление на трибуне седого, как лунь, Вальяна, чтобы понять это.

И вот в том самом Версале, где в 1871 году буржуазная Франция продавала родину Бисмарку, чтобы подавить восстание пролетариата, — в той самой зале, в которой 42 года тому назад раздавались зверские вопли черносотенных помещиков Франции, жаждавших себе короля, депутаты рабочего класса голосовали за старого коммунара»[1].

Кто же такой Вайян? Эдуард Флоримон-Мари Вайян (Вальян), французский социалист, последователь Бланки, один из вождей левого крыла II Интернационала, член Исполнительной комиссии Парижской коммуны, активный ее защитник до последнего момента и член Генерального совета I Интернационала, он являлся одним из инициаторов образования Социалистической партии Франции.

Вайян родился 29 января 1840 года в Вьерзоне, в департаменте Шер. Его отец был нотариусом и мало интересовался своим сыном. Мать, напротив, была очень привязана к сыну и в дальнейшем последовала за ним в изгнание. Мать Вайяна была верующей и дала своему сыну имя Мари, чтобы святая дева ему покровительствовала.

Вскоре после рождения Вайяна родители переехали в Париж. Восьми лет его отдали в коллеж Сент-Барб (святой Варвары), отличавшийся весьма строгими правилами. Вайян испытал там немало невзгод, часто его заключали за нарушение дисциплины в карцер. В сентябре 1857 года Вайян получает степень бакалавра и поступает в Центральную школу наук и искусств, проявляя большую склонность к математике. В 1862 году он оканчивает это учебное заведение и получает диплом инженера.

С 1862 по 1866 год Вайян слушает лекции в Сорбонне, изучает медицину, много занимается в Музее ис-

тории естественных наук и в различных химических лабораториях.

Политические взгляды Вайяна формируются в условиях нарастания кризиса второй империи, усиления недовольства части крупной и мелкой буржуазии режимом Наполеона III, активизации рабочего движения. Это было время быстрого распространения социалистических идей, которые привлекли внимание Вайяна. Особенно важной вехой в формировании его социалистического мировоззрения стала поездка в 1866 году в Германию и Австрию. За границей он обстоятельно знакомится с рабочим движением в Германии, сближается с тогдашними вождями местного рабочего движения в Вене. Вайян штудирует труды по научному социализму, начинает серьезно изучать экономические науки. Полагают, что в Гейдельберге Вайян познакомился с будущим участником Коммуны Лео Франкелем. Вайян переписывается с Людвигом Фейербахом, вступает в Женевскую немецкую секцию Интернационала. Друг и соратник Маркса и Энгельса Иоганн Филипп Беккер вручает Вайяну членский билет этой организации. Вайян был участником Лозаннского конгресса I Интернационала (1867 г.).

Франко-прусская война застает Вайяна уже в Париже. Известие о капитуляции французской армии под Седаном, достигшее Парижа 3 сентября, всколыхнуло город. Стихийно возникла мощная манифестация рабочих. Они направились к Бурбонскому дворцу и к Лувру, оглашая улицы возгласами: «Низложение! Да здравствует республика!» Бланкисты в этот день призывали рабочих к восстанию, «которое во что бы то ни стало следовало попытаться превратить в революцию».

Чтобы парализовать действия масс, депутаты левой оппозиции настаивали на низложении Наполеона III и передаче власти Законодательному корпусу. Но буржуазные депутаты даже после получения известия о поражении и капитуляции Наполеона III продолжали колебаться. Лишь под давлением народных масс, которые не только вышли на улицы, но и ворвались в Бурбонский дворец, депутаты провозгласили республику.

В первых рядах восставших — Эдуард Вайян. По его предложению Марксу тотчас же отправили телеграмму о революции в Париже и падении империи.

Рабочие заставили депутатов провозгласить республику. Но плоды этой акции присвоили буржуазные республиканцы, которым удалось создать антирабочее правительство «национальной обороны». Оно саботировало оборону Парижа, окруженного немецкими войсками.

Маркс с сарказмом писал, что «вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены»[2].

19 сентября 1870 года началась осада Парижа. Вайяна зачисляют в артиллерию парижской национальной гвардии; он, как полагают, был капитаном 88-го батальона. Столица была защищена крепостным валом длиной 34 километра, вокруг которого шел 15-метровый ров. Здесь сосредоточили значительные, но плохо вооруженные силы. Между французским правительством и Бисмарком велись переговоры о перемирии. Немцы, ловко используя панический страх французской буржуазии перед собственным народом, грозили, что, «если Париж не будет взят в течение нескольких дней, правительство будет свергнуто чернью». Когда стало известно о закулисных переговорах, Париж охватило возмущение, и правительство вынуждено было отклонить условия Бисмарка и торжественно объявить «сопротивление до последней крайности».

Однако рабочие Парижа не доверяли правительству и по инициативе членов Интернационала организовали во всех 20 округах столицы «комитеты бдительности». От каждого окружного комитета посылалось четыре делегата, которые входили в Центральный комитет 20 округов. Среди делегатов был и Вайян. Кроме того, он входил в ЦК Национальной гвардии.

Центральный комитет 20 округов опубликовал 13 и 14 сентября манифест-программу, содержащий общие меры безопасности, меры по борьбе с продовольственным и жилищным кризисом, меры по обороне Парижа и др. Подпись Вайяна стояла под этим документом вместе с подписью Валлеса, публициста, впоследствии главного редактора одной из газет периода Парижской коммуны «Клич народа», до последнего дня сражавшегося на баррикадах.

Вайян сближается с Бланки и его последователем

Гюставом Тридоном. Он ценит ум Бланки — «ясный и точный, быстрый и вооруженный знаниями», его поражает презрение Бланки «ко всему тому, что является лишь фразой и разглагольствованием, ко всему тому, что не завершается действием». Бланки для Вайяна был образцом революционера. Впрочем, никто и никогда не сомневался в этом. Решительный и смелый, Огюст Бланки одним своим именем наводил страх на буржуазию. Его приговаривали к смертной казни, 37 лет гноили в тюрьме, но ничто не могло сломить этого замечательного революционера. Тьер в дни Коммуны наотрез отказался обменять заключенного Бланки на парижского архиепископа, заявив, что это равносильно передаче Коммуне «целого корпуса».

Маркс и Энгельс высоко ценили Бланки, яростного противника капиталистического общества. Но они резко критиковали его тактику заговора и непонимание того, что успех восстания возможен лишь при условии, если оно совершается трудящимися под руководством революционной партии. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» [3].

К концу сентября в Париже складывается весьма сложное положение. Правительство, несмотря на угрозу захвата Парижа, стремилось не допустить участия Национальной гвардии в обороне города. «Реакционеры боятся революции больше, чем Вильгельма и Бисмарка, — писал Бланки. — 250 тыс. национальных гвардейцев предместий могут стать революционной армией. Вот почему не желают, чтобы они вообще стали армией». В этой ситуации газета неоякобинцев отмечала: «Зловещее предчувствие охватывает нас. Кровь потечет. Гражданская война последует за войной с чужеземным завоевателем. Национальная гвардия, не желая разоружаться, будет сражаться на улицах Парижа против буржуазной Франции, которая попытается ее разоружить».

Это предчувствие имело веское основание. Париж шел навстречу гражданской войне, навстречу Коммуне. 8 октября по решению Центрального комитета 20 округов было решено провести демонстрацию, чтобы до-

биться от правительства выборов в Коммуну. Правительство приняло делегацию демонстрантов, но отклонило их требования. Обстановка еще более накалилась.

Напуганные волнениями министры исподволь готовили капитуляцию Парижа. 30 октября было принято решение о возобновлении переговоров с немцами. В ответ на этот новый шаг предательства 31 октября в Париже вспыхнуло восстание. Эдуард Вайян принял в нем активное участие. В ратуше и вокруг нее собралось несколько тысяч человек, ее помещения были заняты народом, который требовал Коммуны.

Восстание было подавлено. Но уроки его не прошли даром. Революционеры уделяют теперь большое внимание вопросам организации. В глубокой тайне создаются «комиссия 22-х» и «комитет пяти». В последний вошли бланкисты Ферре, Сапиа, Тридон, Леверде и Вайян, которому удалось избежать ареста после событий 31 октября.

Эти органы заседали регулярно и установили связь с некоторыми рабочими батальонами Национальной гвардии, обещавшими поддержку в момент революционного выступления. В частности, «комитет пяти» заручился обещанием направить в нужный момент орудия против ратуши.

Вайян вместе с Тридоном, Леверде, Валлесом по поручению Центрального комитета 20 округов составляют знаменитые «Красные афиши». Первая из них заканчивалась словами: «Место народу! Место Коммуне!»

Воззвание обвиняло правительство в том, что оно не выполнило задачи организации обороны и довело Париж до края пропасти, не сумело понять, «что в осажденном городе все, кто борется за спасение родины, имеют равное право на получение от нее средств к существованию...».

В воззвании перечислялись меры, которые должны быть проведены: «Всеобщая реквизиция продовольствия, безвозмездное его распределение, всенародное ополчение». Хотя «Красная афиша» и не призывала прямо к вооруженному восстанию, она носила открыто антиправительственный характер.

Правительство ответило на «Красную афишу» арестами, преследованиями. 22 января 1871 года вспыхнуло

новое восстание в Париже, но и оно было жестоко подавлено. 28 января Франция подписала капитуляцию, и 17 февраля было сформировано новое правительство — во главе с Тьером.

Буржуазное правительство Тьера страшилось собственного народа гораздо больше, чем чужеземных захватчиков. Призванное выбирать между патриотическим долгом и своими классовыми интересами, оно, не колеблясь, становится на путь национального предательства и пытается разоружить трудовой Париж. В ночь с 17 на 18 марта Тьер направляет усиленный отряд полицейских и несколько линейных полков на Монмартр, чтобы силой отобрать артиллерию у Национальной гвардии. «Захват артиллерии должен был послужить, очевидно, только началом всеобщего разоружения Парижа, а следовательно, и разоружения революции 4 сентября»[4].

Однако этот замысел не удался. 18 марта вспыхивает давно назревавшее восстание. Тьер и его министры бегут в Версаль. Временным правительством становится Центральный комитет Национальной гвардии. Через неделю в обстановке небывалого народного энтузиазма состоялись выборы, а 28 марта — торжественное провозглашение Парижской коммуны. После провозглашения Парижской коммуны Вайян избирается делегатом в министерство внутренних дел. В этой связи социал-демократическая газета Австрии писала: «Мы с удовольствием увидели, что среди уполномоченных в министерстве внутренних дел находится также наш личный друг. Это — Эдуард Вайян. Такие люди являются гарантией конечного успеха нашего дела во Франции».

Значительную группу членов Коммуны составляли бланкисты. Они были социалистами скорее по чувству, чем по разуму. Обосновывая свои стремления, бланкисты апеллировали к справедливости, но в отличие от прудонистов были сторонниками диктатуры революционного меньшинства или даже одного человека в целях обеспечения торжества революции. Ф. Энгельс писал о бланкистах в 1891 году: «Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные свойственной этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только за-

хватить власть, но и, действуя с огромной, ни перед чем не останавливающейся энергией, удерживать ее с помощью этого в своих руках до тех пор, пока не удастся вовлечь народные массы в революцию и сплотить их вокруг небольшой кучки вожаков»[5]. В рядах бланкистов были люди неиссякаемой энергии, большого мужества. Таковы были члены Коммуны Вайян, Дюваль, Мио, Прото, Ранвье, Риго, Тридон, Ферре, Флуранс, Шардон, Эд и другие.

Вайян развивает бурную деятельность в Коммуне и в комиссии просвещения, которую он возглавляет. Дел у него много. День сжимается до предела, ночь становится продолжением дня. Вайян успевает повсюду. Утром в комиссии просвещения он обсуждает новый декрет, днем его красный шарф делегата Коммуны мелькает среди выцветших мундиров защитников Парижа, вечером он заседает в Исполнительной комиссии, ночью произносит страстную речь в Коммуне, подкрепляя ее энергичным взмахом руки, будто и не было длинного, утомительного дня, полного тревог и трудностей.

Вайян совсем непохож на прежних обрюзгших чиновников из министерства внутренних дел, которым нет дела ни до чего, кроме собственного жалованья. Он прост, общителен — настоящий представитель власти победившего народа, подлинный защитник его интересов.

Отлично зная, какие преграды ставит буржуазное государство перед теми выходцами из народа, которые стремятся получить образование, Вайян был среди тех, кто предложил Коммуне ввести всеобщее, бесплатное, обязательное светское образование. Это означало подлинную революцию в деле народного просвещения и образования. И не вина Вайяна, что многое из того, что Коммуна приняла в этой области, осталось на бумаге. Слишком мало времени отпустила история парижским коммунарам, слишком быстро белый террор захлестнул город. Наоборот, приходится удивляться, как много успела сделать Коммуна в области революционного преобразования старого общества. И немалая заслуга в этом одного из видных ее деятелей — Вайяна.

Вайян не боится призвать на помощь простых тружеников, интеллигенцию. 23 апреля он издает циркуляр, в котором призывает «всех, кто изучал вопросы

всестороннего и профессионального образования», поделиться с комиссией своим мнением и проектами. Вайян учреждает особую комиссию по организации обучения, составленную из шести человек. 13 мая Вайян поручил членам Коммуны и делегатам округов инспектировать начальные школы, заставил убрать из них религиозные эмблемы, стремился вернуть школам здания.

Комиссия, возглавляемая Вайяном, занималась и вопросами театра. 19 мая на заседании Коммуны Эдуард Вайян, подчеркивая политико-просветительную и воспитательную роль театров, предложил передать театры в ведение делегации просвещения и в руки самих их работников. Обсуждая предложение Вайяна, Коммуна признала необходимость контроля государства над искусством.

Мероприятия, которые проводились в Париже, не оставляли сомнений в их коммунистическом характере. Поэтому все реакционные силы поднялись на борьбу с рабочим Парижем.

Обстановка сложилась так, что Коммуне нужен был чрезвычайный орган, который сосредоточил бы в своих руках всю полноту власти. Но не все члены Коммуны согласились на его создание: их пугали «диктаторские» полномочия, ущемление самостоятельности комиссий. Голоса разделились. Большинство стояло за необходимость создания такого органа, а меньшинство выступило против. Вайян голосовал против названия чрезвычайного органа — «Комитет общественного спасения», но вместе с тем он высказался за декрет в целом, выразив надежду, что это прибавит к механизму Коммуны «колесико», которого ей недоставало до сих пор, осуществит «необходимое разделение власти» и обеспечит «более действенный контроль над работой комиссий».

«Коммуна, — доказывал Вайян, — должна была бы стать лишь объединением комиссий, собирающимся для обсуждения решений и докладов, представляемых каждой комиссией, заслушивающим политический отчет своего Исполнительного комитета и выносящим суждение о том, выполняет ли комитет свой долг, придает ли он полезный импульс руководству и обладает ли энергией и способностью, необходимыми для блага Коммуны». «Комитет общественного спасения», избран-

ный на заседании Коммуны 1 мая, представлял собой блок пролетарских революционеров и мелкобуржуазных демократов.

14 мая группа членов «меньшинства» приняла декларацию протеста против действий «большинства». В ней отмечалось, что Коммуна «отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала «Комитетом общественного спасения». В этот сложный период Вайян горячо призывал членов Коммуны к сплочению рядов во имя спасения революции: «Не надо больше внутренних раздоров. Декларация нанесла Коммуне тяжелый удар, так как поставила публично вопросы, которые должны были бы обсуждаться только в секретном порядке. Но когда эти члены, отказываясь от своей декларации, возвращаются сюда, не надо колоть им глаза этой декларацией, побуждая их упорствовать в своей ошибке... Теперь остается только одно: пусть меньшинство разорвет свою программу, а большинство пусть скажет ему: объединим наши усилия ради общего блага, будьте с нами; ибо если вы будете против нас, мы вас сокрушим».

Но «Комитет общественного спасения» уже не мог спасти положение. Оторванная от провинций страны, перед лицом сплотившейся контрреволюции, без поддержки, Парижская коммуна истекала кровью. Утром 27 мая началось последнее сражение окруженных коммунаров с превосходившими их в 20 раз силами версальцев. Центр сопротивления коммунаров был перенесен в мэрию 20-го округа. Здесь собралось около 15 членов Коммуны. «Мэрия была переполнена народом, жаждавшим новостей, — рассказывает в своих воспоминаниях находившийся там Вайян. — Все эти борцы, которых загнало туда поражение, были все еще по-прежнему воодушевлены духом Коммуны, не было произнесено ни одного слова, которое свидетельствовало бы о слабости или расколе». В конце дня в мэрии состоялось последнее заседание группы членов Коммуны. На этом заседании «было решено попытаться собрать всех бойцов, каких можно будет найти, для последней атаки... Местом сбора была площадь Празднеств. Но уже вечерело. Пошел дождь, и эта попытка не удалась».

До последнего вздоха защищали коммунары свое детище, но силы были неравными.

Всего 72 дня продержалась Коммуна. Орудийной канонадой, ружейными залпами расправились с ней версальские палачи, надеясь таким образом навсегда вытравить у трудящихся стремление к свободе. Однако тщетны были надежды реакции на то, что вместе с последними защитниками Парижской коммуны в братской могиле у печальной стены на кладбище Пер-Лашез будут навечно погребены и социалистические идеалы.

Парижская коммуна разбудила в разных странах массы трудовых людей, Коммуна продолжала жить и бороться.

В ленинском литературном наследии содержится немало бесценных страниц, посвященных Парижской коммуне. В 1911 году В. И. Ленин опубликовал в «Рабочей газете» статью, закончив ее такими волнующими словами: «Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно»[6].

Эти вещие строки были написаны на родине Парижской коммуны, а уже через 6 лет героический пролетариат России под руководством партии большевиков осуществил решительный штурм буржуазно-помещичьей русской «бастилии» и навсегда сокрушил ее. «Благодаря Октябрьской революции 1917 года, — писал впоследствии Жак Дюкло, — была отомщена славная Парижская коммуна, социализм обрел плоть, наполнился жизнью».

Огромное историческое значение опыта Парижской коммуны трудно переоценить. Это была смелая попытка разрушить старую буржуазную государственную машину, служившую целям эксплуатации трудящихся, и создать новую государственность, поставленную на службу народу. Коммуна упразднила старую армию, заменив ее вооруженным народом. Вместо зависящей от денежного мешка бюрократии буржуазного чиновничьего аппарата она ввела выборность и сменяемость должностных лиц, которые несли ответственность перед своими избирателями. Церковь была отделена от государства. Народу были предоставлены небывало широкие демократические права и свободы и приняты первые меры, направленные на облегчение труда и жизни трудовых масс. Коммунары стремились к прооб-

разу того государства, которое затем было создано в России в результате социалистической революции.

Политической основой этого государства стали Советы, в которых Ленин с гениальной прозорливостью еще до Октября увидел «власть *того* же *типа,* какого была Парижская коммуна 1871 года». В области международных отношений Коммуна также придерживалась демократических принципов, отвечавших национальным и интернациональным интересам французского народа. Уже на следующий день после восстания Центральный комитет Национальной гвардии заявил о том, что будет неукоснительно соблюдать предварительные условия мира с Германией, чтобы «обеспечить таким путем спасение республиканской Франции и дело общего мира». В заявлении коммунаров можно уловить зачатки тех благородных идей, которые с необыкновенной силой прозвучали в первом государственном акте Советской власти — Декрете о мире, провозглашенном на всю планету в октябре 1917 года. Являясь подлинно национальным правительством Франции, Парижская коммуна в то же время высоко несла знамя интернационализма, братской солидарности трудящихся.

Используя положительный опыт Парижской коммуны, марксисты-ленинцы извлекали необходимые уроки и из ее слабостей, ошибок и недостатков, объясняющихся главным образом незрелостью рабочего движения той эпохи. Одним из самых крупных недостатков Коммуны было отсутствие политической партии пролетариата. «Будь у нас рабочая политическая организация, — говорил коммунар Шарль Лонге, — Коммуна, отразив вторжение, укрепилась бы в Париже и в Берлине. Коммуна пала из-за отсутствия организации».

Во Введении к третьему, юбилейному изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции», выпущенному в 1891 году, Фридрих Энгельс писал:

«Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые преобладали и в Центральном комитете национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного Товарищества Рабочих, преимущественно последователей социалистической школы Прудона. Бланкисты в основной своей массе были тогда социалистами лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания прин-

ципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила многое такое, что, по нашим нынешним представлениям, ей необходимо было сделать. Труднее всего, разумеется, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство в пользу заключения мира с Коммуной. Но гораздо более поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов»[7].

После поражения коммунаров Вайян в последний момент укрылся в одном доме, из которого на следующее утро смог перейти в более надежное убежище. Только в конце июня он достал паспорт, давший ему возможность с помощью одного друга перебраться через испанскую границу и оттуда через Португалию уехать в Англию. В 1872 году Вайян заочно был приговорен к смертной казни.

В Лондоне Вайян продолжал заниматься политической деятельностью. Он был избран в 1871 году членом Генерального совета I Интернационала, находился в оппозиции к деятельности М. А. Бакунина и его последователей, являлся делегатом Лондонской конференции (1871 г.) и Гаагского конгресса (1872 г.) I Интернационала, играл руководящую роль среди лондонских эмигрантов-бланкистов.

Вайян был членом «Клуба эмигрантов» и «Революционной коммуны», которую основали жившие в Лондоне бланкисты. Члены этого клуба организовали по возвращении во Францию «Революционный Центральный комитет», ставший скоро центром бланкистской партии.

После амнистии в 1880 году Вайян вернулся на родину. Первое время он провел в департаменте Шер, где создал социалистическую организацию. Департамент Шер являлся одним из промышленных центров во Франции. И в том, что социализм пустил здесь глубокие корни, немалая заслуга Вайяна.

В течение 1880 года он принимает участие в ряде манифестаций и собраний, участвует в муниципальных выборах 1881 года. Видят Вайяна и среди бастующих пролетариев. После пребывания в департаменте Шер Вайян вернулся в Париж и включился в работу Центрального революционного комитета в союзе с социалистами. После смерти Бланки в 1881 году Эдуард Вайян возглавил Центральный революционный комитет бланкистов.

С середины 80-х годов революционное движение во Франции постепенно начало оживать. Особенно активны социалисты, которых возглавил Жюль Гед. Он вносит в деятельность социалистических групп свежую струю: дискуссии заменяются пропагандой социализма среди рабочих. По опыту германских социал-демократов Жюль Гед решил внести в ряды пролетариата научный социализм и добиться слияния марксистского течения со стихийным рабочим движением путем создания самостоятельной рабочей партии.

Однако социалистическое движение во Франции попрежнему остается раздробленным. Наряду с Рабочей партией Геда существовало много различных групп и течений. Постепенно они находили все больше точек соприкосновения, создавая тем самым основу для будущего объединения «революционного социализма всех живых сил Франции». Понимает необходимость этого шага и Вайян. С трибуны одного из съездов Вайян, возглавлявший бланкистов, провозгласил: «Французская рабочая партия была и остается нашей союзницей, и мы будем хранить верность своим союзникам, что бы ни случилось».

Благодаря большому авторитету среди трудящихся масс в мае 1881 года Вайян был избран муниципальным советником Виерзана и рабочего квартала Пер-Лашез в Париже. Как муниципальный советник он резко выступает против колониальной экспедиции в Тунис в 1881 году, проводит энергичную кампанию по обвинению правительства Жюля Ферри, которое ее организовало. По этому вопросу Эдуард Вайян выступает и в Париже, и в своем родном городе Виерзане. Под аплодисменты и крики «Да здравствует Коммуна!» он заявляет, что никогда не было более надувательского парламента, чем парламент 16 мая, и что страна должна требовать, чтобы депутаты выполняли свой долг.

В 80-х годах Вайян участвует в редактировании социалистических газет «Свободный человек» и «Клич народа». Он резко выступает против преступной деятельности компании Панамского канала и связанных с ней должностных лиц Франции. Крах компании привел к разорению тысяч мелких держателей акций и вызвал массовые банкротства. Вайян писал по этому поводу: «Постыдный панамский скандал — это всего лишь обычный эпизод в капиталистическом расхищении достояния нации, являющийся следствием ограбления рабочего класса правящим имущим классом».

Последовательная тактика, неутомимая защита интересов пролетариата привлекли к Вайяну симпатии и доверие избирателей. В 1893 году Вайян был избран в палату депутатов. Он активно боролся с Мильераном, который в 90-х годах примкнул к социалистам и возглавил оппортунистическое направление во французском социалистическом движении. В 1899 году Мильеран вошел в реакционное буржуазное правительство Вальдека-Руссо, где сотрудничал с палачом Парижской коммуны генералом Галифе. В. И. Ленин разоблачил мильеранизм как предательство интересов пролетариата, как практическое выражение ревизионизма и вскрыл его социальные корни. После исключения в 1904 году из социалистической партии Мильеран образовал вместе с бывшими социалистами партию «независимых социалистов» и с 1909 по 1915 год занимал различные министерские посты. После Великой Октябрьской революции Мильеран был одним из организаторов антисоветской интервенции.

Когда в 1887 году снова происходили выборы в палату депутатов, то ни одна партия не выставила против Вайяна своего кандидата, и он снова был избран подавляющим большинством голосов. Проявляя постоянную заботу о трудящихся массах, он внес в парижский муниципалитет несколько проектов и предложений об улучшении жизни и условий работы рабочих. Часть этих предложений была в конечном счете принята. Вайян выдвинул проект рабочего законодательства. Его главными пунктами стали: восьмичасовой рабочий день, ограничение недельной работы 48 часами, запрещение детского труда, сокращение труда женщин и малолетних, запрещение вредных отраслей производства, введение санитарных правил, основание страховых касс от

несчастных случаев, по старости, негодности к труду и по болезни, допущение комиссий из рабочих для наблюдения за мастерскими, учреждение интернационального бюро для статистики и выработки законопроектов.

Чтобы облегчить тяжелую участь безработных, Вайян возглавил продолжительную кампанию, требуя учреждения кассы для рабочих, нуждающихся в помощи, регулирования условий труда, установления гарантированной минимальной заработной платы. Благодаря Вайяну и его сторонникам парижский муниципальный совет пожертвовал 10 000 франков бастовавшим рудокопам в Дезвилле. Вайян потребовал от совета, чтобы последний предложил правительству забрать дезвилльские копи у акционерного общества, на которые оно взяло концессию, и передать их эксплуатацию рабочим союзам. Аналогичное предложение было сделано Вайяном по отношению ко всем копям, железным дорогам и каналам.

Позднейший его проект предлагал роспуск постоянной армии и замену ее народной милицией, к службе в которой дети могли бы подготовляться гимнастикой и военными упражнениями. Далее он предложил устроить в школах столовые с ежегодной субсидией от города в несколько сот тысяч франков. В них дети бедных родителей должны получать бесплатный обед, более же состоятельных — могли бы иметь его за невысокую плату.

Особенно энергично Вайян отстаивал осуществление проекта биржи труда. Вся его деятельность в муниципальном совете показывает сознательную и последовательную борьбу Вайяна за интересы трудящихся масс. Будучи депутатом, он часто встречается со своими избирателями. И при этом находит еще время серьезно заниматься вопросами социологии, следить за развитием рабочего движения в других странах.

В своей работе «Кризис и безработица» Вайян писал: «...Кризисы неизбежны: это — результат капиталистического перепроизводства. При теперешнем положении промышленности и земледелия, во время увеличения периодов подъема и роста цен товаров всякий работает с большей интенсивностью; границы рынка остаются совершенно неизвестными, границы национального и соседнего рынков различаются с трудом, границы же мирового рынка совершенно теряются из виду. Лишь

одно соображение руководит при производстве: раздавить конкурента. Приходится прибегать к спекуляции, концентрировать капиталы и силы. Устроиться иначе невозможно. Кризисы принимают все большие и большие размеры. Их формы изменяются в зависимости от развития капиталистической концентрации, но безработица и нищета являются неизменными спутниками их». В своей брошюре Вайян проявляет большую заботу о необходимости регулирования производства и оказания помощи безработным. Однако, не будучи марксистом, Вайян, естественно, не мог предложить решительных мер для ликвидации кризисов — устранение капиталистического способа производства. Его предложения сводились к принятию закона об охране труда, государственному регулированию труда.

Немалые заслуги Вайяна в развитии и укреплении социалистического движения во Франции в конце XIX — начале XX века. Он активно готовил почву для примирения между гедистами и другими социалистическими группами. Эта работа дала свои плоды. В 1901 году была образована Социалистическая партия Франции (СПФ). На основе слияния гедистского национального совета и Центрального революционного комитета сторонников Вайяна был создан Центральный совет новой партии, который осуществлял руководство между съездами. Большое внимание партия уделяла развитию печати для распространения социалистических идей в рабочем движении. К концу 1904 года она контролировала 22 газеты. Сторонники Вайяна внесли в новую партию боевой дух, направленный против церкви и армии, умение сближаться с рабочими массами, опыт эффективного использования республиканских учреждений и институтов.

В 1902 году на базе многих социалистических организаций была образована Французская социалистическая партия (ФСП). Согласно уставу, принятому по предложению Ж. Жореса на съезде в Туре, социализм был объявлен необходимым дополнением к «Декларации прав человека и гражданина». В отличие от Социалистической партии Франции эта партия была явно реформистской и не скрывала этого.

Концентрация многочисленных разрозненных социалистических организаций и течений в две партии была серьезным шагом по сплочению революционного движе-

ния, содействовала созданию единого фронта по многим актуальным вопросам.

Активно боролась за интересы трудящихся группа революционных депутатов-социалистов, и особенно сторонники Вайяна, которые накопили в этом деле солидный опыт. Согласно уставу Социалистической партии Франции ее депутаты должны были стремиться «вырвать любые реформы, способные улучшить условия жизни рабочего класса».

В политической деятельности было немало вопросов, по которым Социалистическая партия Франции и Французская социалистическая партия занимали сходные позиции. Все больше и больше партийных активистов приходило к выводу, что разногласия между социалистами, кроме вреда, ничего хорошего дать не могут. Буржуазия искусно использовала в собственных интересах отсутствие единства между социалистами. Обстановка во Франции все более наглядно убеждала в необходимости объединеиия всех левых сил для активизации борьбы против капитала.

Серьезным толчком к объедиеиию послужило и решение Амстердамского конгресса II Интернационала (август 1904 г.), обсудившего вопрос «О международных правилах социалистической тактики». После горячих споров и обсуждений конгресс единогласно принял резолюцию о единстве социалистического движеиия. Это расчистило путь для объединеиия. Две «враждующие» между собой социалистические партии Франции, будучи секциями одной и той же международной партии, обязаны были подчиииться ее решению и объединиться.

Через несколько дней после конгресса Исполнительная комиссия СПФ заявила, что партия «готова полностью выполнить свой долг» и немедленно осуществить «социалистическое единство на базе принципов, определенных международными конгрессами». В конце 1904 года была создана совместная комиссия по объединению, которая подготовила хартию единства. Она закрепляла переход партии Жореса по ряду принципиальных позиций на позиции партии Геда, Вайяна и др. В апреле 1905 года состоялся объединительный съезд, который образовал Фраицузскую объединенную социалистическую партию. Так завершился длительный процесс объединения всех социалистических сил Фраиции. Важиую роль в этом сыграли Вайян, Гед, Жорес.

В новой социалистической партии Вайян был одним из ее активных лидеров, хотя по ряду вопросов занимал оппортунистическую позицию. Вместе с Гедом, Лонго и Жоресом Вайян участвовал в работе заседания Международного социалистического бюро в Брюсселе.

В 1905—1907 годах во Франции проходили многолюдные демонстрации, митинги солидарности с первой русской революцией. Так же, как и Жан Жорес, Вайян приветствует выступление русских пролетариев. Одновременно Вайян решительно борется с колониальной политикой правящих кругов Франции, против военной угрозу, милитаризма.

В брошюре «Уничтожение постоянной армии и военных судов» Вайян пишет, что по мере того, как «все грознее становятся раскаты рабочего движения и все более раскрывает свою сущность полицейская и военная сила государства — все яснее и яснее обнаруживается, что милитаризм стоит на страже привилегий капиталистов. До тех пор пока будет существовать капиталистический строй со всеми его экономическими и политическими конфликтами, которые растут вместе с экономической концентрацией и расширением сферы колониальной политики, до тех пор не прекратятся войны».

С 1914 года Вайян занимает социал-шовинистическую позицию, призывая социалистов выполнить до конца свой долг солдата «ради Франции, ради республики, ради человечества!». Однако, несмотря на ошибки, Вайян до последних дней своей жизни вел активную борьбу против капиталистической эксплуатации, за интересы трудящихся масс, предлагал множество реформ и мероприятий по облегчению тяжкой участи рабочих.

18 декабря 1915 года в возрасте 75 лет перестало биться сердце активного борца Парижской коммуны.

Имя Эдуарда Вайяна навсегда связано с революционным движением Франции. «Французская коммунистическая партия, — писал Морис Торез, — унаследовала лучшее от Вайяна и Жореса — их веру в будущее рабочего класса».

Аксиома социальной философии

Шарль Фурье видел: органист на хорах откинул задумчиво голову, опустил нервные пальцы на ступенчатые клавиши органа. Мощные звуки разом ворвались в полумрак церкви, заполнили все существо мальчика. На глаза накатились слезы. Отец наклонился, обдавая жарким дыханием, быстро-быстро зашептал: «Почитай родителей, не лги, не обманывай, говори только правду. Так велит святое писание...»

Сотрясая ладанный воздух, плыли в такт словам тяжелые звуки: правду, одну только правду...

После утренней службы ехали в магазин и как будто и не было никогда ни страстных проповедей, ни наставительного шепота отца. Все получалось наоборот. Приказчики перемигивались, подсовывали покупателю гнилой товар, обсчитывали. А владелец магазина, господин Фурье-старший, лишь покачивал головой и одобрительно покашливал. «Возмущенный проделками и обманом, — вспоминал Фурье, — я отводил в сторону покупателей и открывал им это. Один был настолько неловок, что в пылу жалоб выдал меня, в результате чего я получил здоровую трепку. Мои родители, видя, что у меня вкус к истине, воскликнули тоном упрека: «Этот ребенок совсем не годится для торговли!»

Господин и госпожа Фурье даже не подозревали, насколько они были правы. В семь лет Шарль поклялся «в вечной ненависти к торговле» и, завидное постоянство, остался верен этой клятве до конца своей жизни. Правда, обстоятельства сложились так, что Фурье довольно долго придется стоять за прилавком или сидеть за конторкой, подсчитывать ровные цифры расходов и прибылей. Но не было во всей Франции человека, который бы так ненавидел это занятие и не стремился в мечтах, а затем в трудах ниспровергнуть его.

Когда Шарлю исполнилось 10 лет, его отдали в безансонский иезуитский коллеж. Фурье числился в первых учениках, неизменно получал при переходе из класса в класс награды. Особенно увлекался подросток географией. Богатая фантазия переносила мальчика в разные страны. Последние деньги уходили на покупку географических атласов и карт.

После окончания коллежа Фурье, вопреки воли ма-

тери, мечтавшей сделать из сына коммерсанта, пытался поступить в инженерное училище. Увы, намерение осталось неосуществленным. Феодальная Франция, Франция привилегированных сословий преподносит выходцу из третьего сословия Шарлю Фурье урок общественной несправедливости — в училище принимали только детей дворян.

Пришлось Шарлю работать в руанском, затем в лионском торговом доме. «Я склонил шею под игом... потеряв лучшие годы во лжи, слыша со всех сторон... зловещее предвещание: «Уж очень честен этот малый!» — с горечью писал он позднее. Но были в жизни Фурье и светлые минуты: чтение книг, знакомство с городами и странами, где ему приходилось бывать в качестве разъездного агента.

Вскоре на средства, полученные в наследство от отца, Фурье наконец приобрел «самостоятельность» — открыл в Лионе торговлю колониальными товарами.

Лион в конце XVIII столетия был самым большим после Парижа торговым и промышленным городом. Именно здесь, в условиях развитых капиталистических отношений, сложились коммунистические воззрения Фурье.

Революция 1789 года больно ударила по интересам буржуазии некогда процветавшего города. Особенно ущемленно почувствовала она себя в годы якобинской диктатуры. Упадок торговли, строгие законы о «максимуме», запрещавшие спекуляцию, принудительный беспроцентный заем у богатых коммерсантов — все это настраивало имущие слои города против Конвента. 29 мая 1793 года жирондисты Лиона подняли мятеж. Власть якобинцев свергнута, мэр лионской коммуны казнен. В бурные события невольно был вовлечен и Фурье. Молодого купца мобилизовали в армию мятежников.

Для разгрома контрреволюции в Лионе Конвент направил туда своих виднейших членов — Кутона, Колло д'Эрбуа, Фуше и других. Мятежники не смогли долго сопротивляться — город капитулировал.

Фурье арестован, но ему удалось избежать наказания, и он решил вернуться к себе на родину, в Безансон. Впрочем, здесь его снова арестовали. После освобождения Фурье был призван на военную службу, на которой

приобрел репутацию преданного, честного и смелого защитника революционной Франции. Он разработал талантливый проект перехода войск через Рейн и Альпы, за что получил благодарность от генерала Карно. В 1796 году по состоянию здоровья Фурье был освобожден от военной службы и снова взялся за ненавистное «ремесло лжи и лицемерия» — торговое дело.

Фурье оказался свидетелем того, как на трон политического господства взошла новая общественная сила — буржуазия, которая с помощью героических усилий трудящихся свергла феодальные устои во Франции. Молодой мыслитель приходит к выводу, что возникший буржуазный строй, прославленный философами и экономистами, находится в вопиющем противоречии с целями человеческого существования.

Сама жизнь подтверждала наблюдения Фурье. Будучи приказчиком в Марселе, он получил от своего хозяина приказание потопить в море 60 000 пудов риса, который испортился оттого, что его долго держали в надежде на повышение цены. Подобные примеры наглядно показывали, что огромная масса продуктов человеческого труда служит купцам для преступной спекуляции. Фурье был свидетелем того, как дорожает производство вследствие искусственного повышения цен на сырье, товары, продукты сельского хозяйства. Его возмущала свободная конкуренция, превращающая людей в звериное стадо.

Не находя удовлетворения в окружающем его мире, Фурье погружается в размышления о причинах существующего зла и о путях спасения человечества. Он задумывается о судьбах мира и приходит к идее о «всемирном единстве». К 30 годам Фурье решил, что его назначение в жизни — стать социальным реформатором.

Сам Фурье создание плана социальных преобразований связывает с двумя фактами из своей жизни: потоплением риса в Марселе и с обедом в парижском ресторане, где ему подали яблоко, за которое он уплатил почти в сто раз дороже, чем стоило оно в Нормандии. Оба случая окончательно уверили его в несовершенстве «индустриального механизма» буржуазного строя. Впоследствии Фурье рассказывал, что ему, точно так же как и Ньютону, удалось благодаря яблоку открыть идею об «ассоциации». «В мире было четыре знаменитых яб-

лока: два гибельных — яблоки Евы и Париса, из-за которого возникла Троянская война; два благотворных — Ньютона и мое».

Конечно, эти несколько наивные рассуждения Фурье ничего, кроме улыбки, вызвать не могут. Дело, разумеется, не в яблоке, хотя оно и могло «озарить» мыслителя. Весь социально-экономический уклад капитализма, властно вторгавшийся во все уголки Франции, уклад, который не признавал ничего, кроме богатства, разрушал все ради денег, не мог не возмущать человека, который с детства не принимал ни зла, ни обмана, ни постыдной спекуляции. Сам того не замечая, он шел к социальному реформаторству.

Свои первые проекты социальных преобразований Фурье изложил в двух работах: «Всемирная гармония» (1803 г.) и «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808 г.).

«Всемирная гармония» — небольшая статья в 56 строк — появилась в декабре 1803 года в «Лионской газете». Ее читатели, люди состоятельные и благоразумные, лишний раз убедились, что господин Фурье не от мира сего. В статье говорилось о какой-то математической теории о судьбах всех планет и их обитателей. Автор утверждал, что человечество должно пройти три ступени развития: дикость, варварство и цивилизацию, прежде чем достигнет Гармонии, при которой наступит всеобщее счастье, благоденствие, а «весь земной шар составит одну только нацию, и будет одна только администрация».

Буржуазная ограниченность не позволила благовоспитанным гражданам разобраться в работе Фурье. Вдобавок покоробил читателя высокомерный и заносчивый тон статьи. Им было и невдомек, что в ней изложены основные положения будущей социальной философии Фурье.

Насмешки и непонимание, которые вызвала статья «Всемирная гармония», только укрепили стремление Фурье оповестить мир о своем открытии. Но он чувствует — нужно привести свои взгляды в порядок, систематизировать их.

А для этого нужны не статьи, а обстоятельные, не сковывающие мысль строгими рамками книги и брошюры. Фурье приступил к работе. В 1807 году появилась хлесткая, бичующая торговцев брошюра «О торговом

шарлатаистве», в 1808 году — обстоятельная «Теория четырех движеиий».

В последнем произведении Фурье очень строго критикует пороки буржуазного общества. Он вскрыл отвратительные черты капиталистической торговли, брака, «свободы любви», воспитания. Правда, его мысли изложены в довольно угловатой форме, обставлены сложными исчислениями и многочислеиными ссылками на открытые им законы «четырех движеиий». Но за «смешиыми фантазиями» проглядывают гениальные догадки. «Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальиых идей и геииальные мысли, которых не видят эти филистеры», — писал Ф. Энгельс в ответ на нападки иа наследие социалистов-утопистов. Работа Фурье стала первым снарядом, выпущеииым против капитализма. Одиако в обществе, где господствовал дух предпринимательства и наживы, книга не пользовалась спросом. Даже в Париже она годами лежала в магазине без движеиия. Но это не уменьшило энтузиазма Фурье. Он продолжал работать над развитием своих идей.

В 1816—1822 годах Фурье жил в провинции, недалеко от Лиона. У него появились последователи. В 1822 году Фурье издал «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации», который в посмертных собраиях его сочинений публикуется под заглавием «Теория всемирного единства». В «Трактате» есть части и главы, посвящеиные его философским и социологическим воззрениям. Значительное внимание уделено общественной критике. Но наибольшее место отведеио описанию гармоиического общества.

В противоположность «Теории четырех движений» Фурье не ограничивался здесь отдельными экскурсами, а подробно описывал образ жизни трудовых коллективов. Он пытался подробно разработать и обосиовать устройство низовых трудовых ячеек, которые назваиы фалангами. Общественные здания, предназначенные для жизии, труда и отдыха членов фаланги, автор называл фаланстером. Фурье надеялся, что экспериментальные фаланги могут быть созданы немедленно, даже без изменения всего общественного строя.

Фурье свято верил, что найдется какой-нибудь великий человек или богач, который осуществит его систему. Он поочередно обращался ко всем выдающимся

людям и миллионерам Европы, ко многим коронованным особам. Наивность его была так велика, что он даже анонсировал в газетах, что от 12 до 13 часов будет ждать в своей квартире тех, кто пожелает отдать свои средства на создание фаланги. Но ждал он многие годы напрасно.

Поскольку миллионеры не появлялись, Фурье вновь был вынужден зарабатывать себе на жизнь службой в конторах Парижа и Лиона. Правда, в 1828 году ему на время удалось освободиться от постылого рабства благодаря материальной поддержке друзей и последователей. Это позволило ему закончить книгу «Новый хозяйственный и социальный мир», которую издала на свои средства одна из его учениц. Это лучшее произведение Фурье. За четверть века с начала его литературной работы капитализм дал автору огромную массу новых материалов для критики. Вместе с тем Фурье развивал свои взгляды на будущее общества, излагал их более популярно и в очищенном от мистики виде. А. Бебель называет эту книгу квинтэссенцией воззрений Фурье. «Тот, — говорил вождь германской социал-демократии, — кто хочет, не изучая первых пяти томов, достаточно познакомиться с идеями Фурье, найдет все нужное в «Новом мире»...»

К своему произведению «Новый хозяйственный и социальный мир» автор дал подзаголовок «Открытие способа привлекательного и природообразного труда, распределенного в сериях по страсти». В начале книги автор объявил, что́ могут дать человечеству результаты его открытия. А они, по его мнению, весьма внушительны: это и средство сразу умножить вчетверо действительный доход и в двадцать раз доход относительный, и провести освобождение негров и рабов, согласованное с хозяевами, и всеобщее достижение «дикарями» земледелия, а «варварами» — культурных нравов; и установление во всем мире единства отношений в области языка, денег, мер, печатных знаков и пр.

Картина, нарисованная Фурье, прямо-таки фантастическая и... сомнительная. Поэтому, пишет Фурье, «автор должен был предвидеть это недоверие, которое возбуждают гигантские обещания; поэтому он не стал бы подвергать себя подозрениям, если бы не опирался на более чем достаточные доказательства». А затем он обстоятельно описывает, каким должен быть, по его мнению,

новый, более справедливый общественный строй — строй фаланг. Несмотря на заманчивые обещания, новая книга встречена обществом с полнейшим равнодушием. Нет даже фельетонов, намекавших на психическое состояние автора, появившихся в свое время в ответ на «Теорию четырех движений». Молчание, заговор молчания...

В конце 20-х годов Фурье переселился в Париж. Постепенно вокруг него сгруппировался кружок последователей; первым из них был провинциальный чиновник Мюирон; самым выдающимся и ревностным — Виктор Консидеран, впоследствии депутат парламента. В 1832 году фурьеристы попытались создать экспериментальную фалангу и начали сбор денег по подписке, но потерпели крах. Тогда Фурье при помощи учеников организовал журнал «Промышленная реформа». Но и он просуществовал лишь один год.

Надломленный жизненными неудачами, непонятый до конца даже собственными учениками и последователями, Фурье все-таки продолжал напряженно работать, педантично выполняя ежедневную норму писания. Результатом его трудов явились книга «Ложная индустрия» и ряд статей, в которых рассматривается широкий круг социальных и экономических проблем. И хотя здоровье Фурье ухудшилось, он по-прежнему работает с большой творческой энергией.

В жизни Фурье был добрым, но немного странным человеком. Жил он одиноко, старым холостяком. В обращении с людьми был всегда прост и любезен. Приятный и остроумный собеседник, он умел удивлять и смешить, сам оставаясь при этом неизменно серьезным. Был всегда и во всем педантически точен и аккуратен и любил все измерять и вычислять. Постоянно поглощенный какими-то мыслями, он был крайне рассеян.

Очень редко его видели смеющимся; лицо его обычно выражало задумчивость. Это было лицо мыслителя и мечтателя.

Фурье глубоко верил в свое особое предназначение. В написанной им в начале тридцатых годов поэме он предсказывал, что потомки перенесут в Пантеон его прах:

...А ты, вулкан глумленья,
Презренный век! тебя прогресс гнетет:
Твои насмешливые мненья

Стесняют гения возвышенный полет!
Того, кто избран был принесть
На землю радостную весть,
Ты в благодарность желчью напоил.
Твои сыны, которые поймут,
Как их отцы были не правы,
И с гордостью положат в Пантеон
Прах человека большей славы,
Чем Цезарь, чем Наполеон!..

10 октября 1837 года консьержка, поднявшаяся поутру в его скромное жилище, нашла Фурье мертвым. Немногие друзья и ученики проводили его в последний путь на Монмартрское кладбище.

На могиле Фурье не было сооружено надгробного памятника. На простой плите были выгравированы слова:

ЗДЕСЬ ПОКОЯТСЯ ОСТАНКИ
ШАРЛЯ ФУРЬЕ
СЕРИЯ РАСПРЕДЕЛЯЕТ ГАРМОНИИ
ПРИТЯЖЕНИЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНЫ СУДЬБАМ

Жизнь Фурье была посвящена разоблачению капиталистического строя, полного социальных противоречий. Фурье писал о побудительных мотивах своего социального реформаторства: «Я находил поощрение в многочисленных показателях заблуждений разума и особенно в зрелище бедствий, которые претерпевает общественное хозяйство: нищеты, безработицы, успехов плутов, торговой монополии и, наконец, многих других несчастий».

Вся жизнь и творчество Фурье были пронизаны гуманистическим пафосом, стремлением найти и утвердить такой порядок, целью которого было бы дать «гарантию работы, средств к существованию и благосостоянию для неимущего класса». Фурье смело выступает против буржуазного общества, бросая ему в лицо свой обвинительный приговор. «В этой цивилизации, — говорил он в «Новом мире», — зло делает десять шагов вперед, когда добро делает один шаг».

Классики марксизма высоко ценили творчество Фурье. «Фурье посвятил энергию своего могучего ума изучению социального строя человечества», — отмечал Ф. Энгельс.

Признавая, что произведения Фурье в известных отношениях уступают произведениям Сен-Симона и неко-

торых сен-симонистов, Энгельс писал, что у Фурье имеется все же «нечто, чего не найти у сен-симонистов, а именно — научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление, короче — социальная философия...»[1]. Особенно высоко Энгельс ценил высказывания Фурье относительно диалектически закономерного перехода общества от низшего состояния к высшему, подчеркивал, что Фурье, как и Гегель, мастерски владел диалектикой.

«Но ярче всего, — говорил Энгельс, — проявилось величие Фурье в его понимании истории общества. Весь предшествующий ход ее он разделяет на четыре ступени развития: дикость, патриархат, варварство и цивилизация; последняя совпадает у него с так называемым ныне буржуазным обществом...»[2]

По мнению Фурье, человечество путем тяжелых страданий достигло в период цивилизации такого уровня развития индустрии, при котором возможно осуществление гармонии; между тем условия существования людей не улучшаются, а ухудшаются. Он ярко характеризует состояние так называемых цивилизованных обществ с их неорганизованностью, нищетой и с громадным количеством паразитов, живущих за счет трудящихся. Фурье, отмечает Энгельс, «рисует порочный круг непреодолимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым искренне или притворно она стремится».

При этом основоположники научного коммунизма в своих трудах отмечали достоинства и недостатки, наивность отдельных положений Фурье. Маркс показал, что Фурье исходил из учения французских материалистов. Это относится в первую очередь к двум идеям, которые лежат в основе его мировоззрения. Во-первых, к идее всемирного единства. Он утверждал, что существует единство в движении мира материального и духовного. Во-вторых, к идее всеобщей закономерности. Фурье подчеркивает единство вселенной и ее частей, единство природы и человеческого общества. И природа, и человеческое общество подчинены одним и тем же всеобщим законам, открыть которые и должно разумное человечество. В основе и природы и общества лежит движение. Великий Ньютон открыл в XVII веке закон всемирного тяготения, вскрыл закономерности, лежащие

в основе движения материального; Фурье же, как он сам полагал, открыл законы движения человеческого общества, законы, управляющие социальным миром.

Опираясь на идею единства и всеобщей закономерности природы и человека, Фурье пришел к выводу, что присущие человеку страсти являются проявлением господствующего в мире общего закона тяготения и притяжения материи. Притяжение по страсти, присущее человеку, следовательно, правит миром социальным. Раскрыть страсти, описать и классифицировать их согласно Фурье — единственный путь к реорганизации общественных отношений и построению нового общественного строя, не знающего бедствий, присущих современности. При этом все страсти заложены богом в человеке не случайно, а по определенному плану. И это следует учитывать при попытках коренной реорганизации общественных отношений.

При всей туманности и наивности этих размышлений Фурье удалось подметить ряд основных закономерностей капитализма и вскрыть тенденции его развития. Так, у него встречаются глубокие замечания о процессе концентрации, приводящем неизбежно к монополии и к углублению пропасти, отделяющей богатых от бедных; о кризисах и их связи с общей неорганизованностью системы; о росте социальных антагонизмов. Он ясно видел всю иллюзорность «социального прогресса» при капитализме, неудержимое понижение жизненного уровня трудящихся.

Фурье правильно показал, что буржуазный строй вносит беспорядок, анархию, войны, развивает преступления и становится тем отвратительнее, чем больше он развивается и идет к своему закату. Признаки разложения, пороки современной ему цивилизации Фурье усматривает прежде всего в том вопиющем беспорядке, в той анархии, которые царят при строе «цивилизации». Сильными и меткими штрихами он рисует спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший французской торговлей послереволюционного периода. Еще удачнее его сатирическое изображение отношений полов в буржуазном обществе и положения в нем женщины. Ему первому принадлежит мысль, что степень свободы, достигнутая данным обществом, должна измеряться большей или меньшей свободой женщины в этом обществе.

Капиталистический строй Фурье характеризует как «мир навыворот». Вскрывая антагонизм между капиталистической промышленностью и сельским хозяйством, он обнаруживает «порочный круг производственной организации строя цивилизации», разоблачает эксплуататорский характер помещичьего крупного земледелия и бессмысленность мелкого крестьянского хозяйства.

Основной порок капитализма, причину всех его зол Фурье видел в анархии производства: «Главная причина всех социальных зол — раздробленность производства, или несогласованный труд...» Конкуренция между предпринимателями принимает чрезвычайно острые формы, ибо «каждый производитель стремится раздавить своего конкурента».

В своих трудах Фурье не сводил все беды капитализма лишь к анархии производства. Он называл 12 бичей капитализма, в числе которых нищета, угнетение, мошенничество, взаимная резня, фальсификация съестных продуктов, общий эгоизм. При этом он особенно выделял такую черту буржуазного общества, как обман. К капиталистической цивилизации, считает Фурье, вполне применима поговорка: «Крупные воры гуляют на свободе, а мелких отправляют на виселицу».

Фурье убедительно показал, что с развитием капитализма пропасть между богатством и нищетой увеличивается. И в результате имеет место тот поразительный факт, что в странах, где промышленность процветает, имеется больше нищих, чем в странах менее развитых. Фурье дает, таким образом, гениальное предвосхищение открытого Марксом всеобщего закона капиталистического накопления.

Большой исторической заслугой утописта Фурье является утверждение, что капитализм в силу господства частной собственности и существования огромной армии безработных лишает трудящихся права на труд. Ярко описывает Фурье ужасную, гнетущую бедность безработных. Великий социалист-утопист поднялся до высот диалектического истолкования социальной действительности, бросив капитализму обвинение: «Бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия». Фурье пришел к выводу о необходимости полного устранения капитализма как строя с порочной социальной организацией, которую нельзя улучшить полумерами.

Фурье видел классовое расслоение общества, отмечал «междоусобную войну», которая вечно происходит между классами, доказывал, что «бедный класс при этом строе совершенно лишен политической и социальной свободы». Однако он не понимал, что именно классовая борьба и является основной движущей силой истории. Подобно Сен-Симону, Фурье объединял предпринимателей и наемных рабочих, считая их трудовым классом. Отсюда проистекала и его наивная идеалистическая вера в возможность мирного преобразования общества благодаря разуму, в частности путем принятия его учения сильными мира сего.

Таким образом, правильно отвергая грубо уравнительный «социализм бедности», Фурье ошибочно полагал возможным сохранение социальных классов и нетрудового дохода в будущем обществе. Труд, капитал и талант, по его терминологии, являются «производственными данными», определяющими прогресс общества.

Фурье не смог раскрыть глубину антагонизма между трудом и капиталом в сфере производства. Его внимание в большей мере было устремлено не на промышленный капитал, а на торговый и ростовщический.

Однако не следует забывать, что многие ошибки этого замечательного мыслителя происходили из-за неразвитости капиталистических отношений, из-за того, что Фурье еще не мог увидеть полностью той пропасти, которая разделяет пролетария и капиталиста. Трагедия Фурье, как, впрочем, и других социалистов-утопистов, не в том, что он не смог разобраться в закономерностях развития капиталистического общества, а в том, что в то время он не мог это сделать.

Фурье бичует отнюдь не только экономические язвы капитализма, но также его политику, мораль, культуру, систему воспитания. Он дал сокрушительную критику института буржуазного брака, выродившегося в торговую сделку. Маркс и Энгельс высоко оценили эту смелую, непримиримую критику в «Святом семействе».

Не будучи материалистом, Фурье тем не менее хорошо показал, что государственная власть, наука, философия, религия и мораль обслуживают интересы господствующих классов, богатых. С глубокой иронией Фурье говорит о буржуазных конституциях, подчеркивая, что они сулят бедняку только призрачные, эфемерные пра-

ва, отказывая ему в самом существенном: в куске хлеба.

Великий социалист-утопист мастерски критикует провозглашенный буржуазией лозунг: «Свобода, Равенство и Братство», который в то время был особенно популярен во Франции. «Что касается политической или социальной свободы, — пишет он, — то ее совершенно лишен весь бедный класс общества, принужденный закабалять себя наемным трудом, порабощающим душу в не меньшей степени, чем тело». При таком положении неправомерно говорить о существовании социальной свободы в буржуазном обществе.

Такой вывод кладет резкую грань между Фурье и его предшественниками, философами XVIII века, которые объявляли буржуазную цивилизацию «способным к совершенствованию совершенством». Фурье отвергает эту мысль, рисует капитализм как общественный строй, обремененный системой внутренних противоречий. «На примере Фурье... видно, как можно... признать существующее общество совершенно негодным и одной только критикой буржуазии, — именно ее внутренних взаимоотношений, не касаясь ее отношения к пролетариату, — прийти к выводу о необходимости переустройства общества. В такого рода критике Фурье доныне остается единственным» [3], — писал Ф. Энгельс.

В результате своего социального анализа и критики Фурье выносит капитализму смертный приговор. «Ни добро, ни красота, — говорит он, — не совместимы со строем цивилизации», буржуазную цивилизацию он назвал «вновь воскресшим рабством» и «сплошным позором человечества» за те лишения, которые капитализм принес трудящимся массам.

Классики марксизма отмечали, что из всех утопистов Фурье дал чрезвычайно острую и оригинальную критику всех сторон буржуазной цивилизации.

При этом сама критика Фурье была беспощадной, бескомпромиссной. «Цель моя — не улучшить строй цивилизации, а уничтожить его, ...доказывая, что порядок цивилизации нелеп в частях, как и в целом». Именно эта бескомпромиссность позволила Марксу и Энгельсу назвать Фурье, наряду с Сен-Симоном и Оуэном, одним из мыслителей-социалистов, которые «были во многих отношениях революционны» [4].

Всю жизнь Фурье оставался утопистом. Он обра-

щался к правителям и полагал, что найдутся филантропы, которые смогут заложить основы ассоциации, которая затем стихийно распространится по всему миру. Подвергая беспощадной критике капитализм, рисуя все пороки и противоречия буржуазного общества, Фурье все же не смог до конца правильно вскрыть закономерности всех явлений при капитализме и дать им научное обоснование, объяснить причины эксплуатации и пути ее устранения. «Когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось *«свободное»* капиталистическое общество, — писал В. И. Ленин, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества» [5].

Так образно охарактеризовал В. И. Ленин основные черты утопического социализма, представителем которого был Фурье.

Наряду с критикой капитализма Фурье до последних дней жизни напряженно работает над своими планами социальных преобразований. В основе его нового, социалистического строя лежит ассоциация — производственный коллектив. Все члены ассоциации должны заниматься по преимуществу сельскохозяйственным трудом и состоять в исключительно дружественных, товарищеских взаимоотношениях. Фурье называет такой производственный коллектив, состоящий из 1500—1600 человек, фалангой.

Фаланга — это ассоциация производителей, то есть особая организация, построенная на принципе соответствия частных и общих интересов, в основе которых лежит гармоническое притяжение страстей, иначе говоря, в которой отдельные ее члены могут рационально применять свои способности и увлечения на пользу себе и

обществу. Члены этого коллектива должны быть разбиты на серии и группы, выполняющие различного рода работы. Член ассоциации не прикреплен в своем труде к определенной серии и группе. Вступление в ту или иную группу свободно, поэтому участие в них дает удовлетворение эффективным страстям (каждый выбирает себе товарищей по вкусу).

Производительность труда в результате «нормального действия страстей» возрастает в фаланге в такой мере, что самый бедный ее член имеет возможность удовлетворять свои материальные потребности полнее, чем любой капиталист в цивилизации. При таком «гармоническом» строе, основанном на добровольном и привлекательном труде, организация власти оказывается ненужной. Для руководства делами в фаланге создавался ареопаг, который не издает никаких указов и правил, не дает никаких приказов, а лишь советует на основании опыта своих членов и данных науки. Переход к системе гармонии должен произойти в результате мирной пропаганды организации образцовых фаланг, которые своим примером увлекут все человечество.

Фаланга, земля, инвентарь, строительный материал — все это создается и покупается на деньги, собранные от продажи акций. Доход фаланги распределяется не только соответственно труду, но и соответственно внесенному капиталу. Доход делится на двенадцать частей. Пять двенадцатых приходится на долю труда, три — на долю таланта, четыре — на долю капитала. Фурье полагал, что со временем богачи, вовлекаясь в общественный труд, станут такими же производителями, как и бывшие бедняки; бедняки же смогут покупать акции и станут вследствие этого получать доход не только от труда, но и от капитала. Так наивно Фурье собирался примирить между собой классы.

Постепенно ассоциация устранит все общественные пороки и установит полную гармонию. В фалангах хозяйство будет общее и всего будет в изобилии. Даже самый «бедный» член ассоциации будет пользоваться всеми благами, разъезжать в роскошных каретах, получать 5 раз в день еду из 40 блюд.

Каждая фаланга должна иметь великолепный дворец с жилищами для ее членов и их семей, с прекрасными залами для лекций, концертов, балов, с библиотекой, обсерваторией, зимними садами с крытыми стек-

лянными галереями и т. д. Все будет устроено удобно и изящно. В фалангах будет достигнута громадная экономия по сравнению с расхищением сил и средств в условиях капиталистической анархии. Энгельс подчеркивал, что одна из заслуг Фурье заключается в том, что он показал преимущество ассоциации в организации человеческой деятельности.

В своих работах Фурье много внимания уделял организации труда. Она должна учитывать такие свойства людей, как стремление к соревнованию, разнообразию и творчеству. Делая первые шаги в разработке принципов научного коммунизма, Энгельс писал, что идеи Фурье о труде являются большим вкладом в теорию будущего общества.

Гениальные наброски многих черт будущего коммунистического общества, которые можно найти в работах Фурье, были высоко оценены классиками марксизма. Предостерегая от ошибок социалистов-утопистов, Маркс писал: «Но если мы не должны отрекаться от этих патриархов социализма, как современные химики не могут отречься от своих родоначальников — алхимиков, то мы должны во всяком случае стараться не впасть в их ошибки, так как с нашей стороны они были бы непростительны»[6]. Многие ошибки Фурье и других социалистов-утопистов были не плодом недостатка проницательности у них, а следствием исторических условий эпохи.

Почти полтора века назад высказана великая «аксиома социальной философии» (Энгельс) о «свободном труде» каждого на благо всего общества. Но как она современно звучит! Десятки миллионов ныне в странах капитала постоянно остаются безработными. Тысячу раз был прав Фурье, когда говорил, что без права на труд все остальные дары капиталистической цивилизации «становятся бесполезными» или «равны нулю», что только новое, социалистическое общество может гарантировать трудящимся выполнение всех социально-экономических и политических прав.

Радость жизни и борьбы

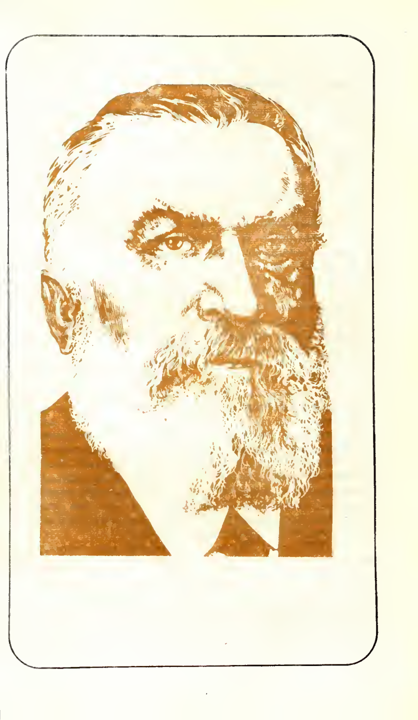
В своих воспоминаниях о Жане Жоресе — видном деятеле французского и международного социалистического движения, последовательном борце против милитаризма и войн — Ромен Роллан писал: «Жар политических страстей, клокотавший в те времена в артериях Франции, зажег во мне интерес к зрелищам Форума. Я начал усердно посещать важнейшие заседания парламента. В лучезарном ореоле первых успехов выступал Жорес: он вел в атаку свое войско — дисциплинированное, бдительное, жизнерадостное, уверенное в победе — социалистическую партию. Большой, сильный, с внешностью и манерами простолюдина, бородатый и краснощекий, с крупными мясистыми чертами лица, небрежно одетый, излучая радость жизни и борьбы...»

Огюст-Мари-Жозеф — Жан Жорес родился 3 сентября 1859 года в маленьком городке Кастро, в департаменте Тарн, в буржуазной семье. Детские годы Жана протекали в сельской местности. Жан рос трудолюбивым, любознательным мальчиком. Большое влияние на него оказывала его добрая, любящая мать. Скромные доходы семьи не позволили устроить Жореса в привилегированное учебное заведение. Жан оказывается в пансионате аббата Ренэ Сежаля, одном из самых бедных в департаменте Тарн. В 1869 году на деньги родственников Жоресу удается поступить в коллеж. И в пансионате, и в коллеже он числится в первых учениках, получая высшие награды за учебу. В дальнейшем на судьбу подростка повлияли родственные связи с местной «элитой».

В 1876 году на способного юношу обращает внимание генеральный инспектор министерства просвещения Феликс Дельтур, который убеждает его отказаться от участия в конкурсе на место в почтовом ведомстве, куда прочит его мать, и помогает поступить в парижский лицей Сент-Барб (святой Варвары).

Два года, проведенные в лицее, оказали большое влияние на Жореса. Он знакомится с культурой древнего мира, изучает философию и литературу.

В 1878 году Жан Жорес принял участие в общем конкурсе выпускников средних школ Парижа и Верса-

ля и получил первую премию. Это открыло перед ним двери весьма привилегированного учебного заведения Франции — Высшей школы «Эколь-нормаль», куда в качестве преподавателей привлекалась самая знаменитая профессура. В годы пребывания в «Эколь-нормаль» Жорес уверовал в свой ораторский талант и стал заниматься его развитием и шлифовкой. Он ходит слушать парламентских трибунов Гамбетту, Клемансо, Бюффе, делая заметные успехи в ораторском искусстве.

В 1881 году Жан окончил Высшую школу «Эколь-нормаль» и начинает преподавать философию сначала в лицее в Альби, а затем в Тулузском университете. Одновременно Жорес продолжает совершенствовать свое образование. Круг его познаний в различных сферах науки, культуры и политики становится поистине энциклопедическим, речь — убедительной, эрудированной, яркой. Он одинаково хорошо знает латинский, греческий, немецкий, английский, итальянский, испанский языки. Жорес готовит диссертацию на тему «О реальности чувственного мира».

В эти же годы начинается общественная деятельность Жореса. Сначала в виде скромных заметок в республиканской газете «Депеш де Тулуз», затем — в избирательной кампании в Кастро на стороне умеренных республиканцев.

Весь свой неуемный темперамент, огромный талант Жорес отдает защите республики. Разумеется, борьба с монархическими поползновениями реакции, насмерть перепуганной Парижской коммуной, была делом прогрессивным. Но начинающий политический деятель еще не видел, какую республику он защищает. Это была, по меткому определению Салтыкова-Щедрина, «республика спроса и предложения, республика накопления богатства и блестящих торговых балансов... Эта республика обеспечила буржуа все, обеспечила сытость, покой и возможность собирать сокровища».

В 1885 году Жорес, получивший уже широкую известность, выдвигается кандидатом от республиканской партии в парламент. Предвыборная кампания проходит блестяще. Кандидат говорит о необходимости признания профсоюзов, о расширении самоуправления коммун, об улучшении материального положения тружеников. В своих обещаниях Жорес вполне искренен, не замечает, что для руководства буржуазной республиканской

партии все эти лозунги не что иное, как очередной маневр в острой предвыборной борьбе. Даже требование активизировать колонизаторскую политику, выдвинутое республиканцами, Жорес несколько наивно толкует не как стремление к захвату новых рынков, а как расширение влияния французской культуры.

Результаты выборов были внушительны. Жорес получил голосов больше всех кандидатов-республиканцев и опередил кандидата от партии консерваторов. Это была победа. Что же касается других департаментов Франции, то в результате первого тура выборов республиканцы потерпели поражение. Опасность потери мест заставила республиканцев объединиться, и второй тур выборов принес им победу. В новой палате стало 372 республиканца различных направлений и 202 монархиста. Но положение по-прежнему оставалось неустойчивым. Республиканцы не имели стабильного большинства, делились на несколько течений, каждое из которых отстаивало свои позиции.

Молодой депутат и по возрасту и по опыту, Жорес не пропускает ни одного заседания. Он присматривается к лидеру радикалов Жоржу Клемансо, удостаивается бесед с республиканцем Жюлем Ферри, внимательно слушает выступления депутатов-социалистов, голосует за кредит для поддержания религиозных культов, за предоставление средств для отправки экспедиционного корпуса в Тонкин, голосует против амнистии за политические преступления.

В октябре 1886 года Жан Жорес произносит свою первую речь в парламенте по вопросу прав местных властей в области начального образования. Во второй речи, в марте 1887 года, Жорес выступает против введения таможенных пошлин на импортный хлеб, которые повлекли бы рост цен на хлеб на внутреннем рынке. Жорес разоблачает намерение крупных земельных собственников обогатиться за счет мелкого собственника и рабочего.

Резолюция, предложенная Жоресом и во многом сходная с резолюцией социалистов, была отвергнута. Однако популярность Жореса выросла. Все чаще раздается его голос при обсуждении законопроектов, которые могли улучшить положение трудящихся масс. Он выступает в защиту ассигнований для нужд работников просвещения, предлагает создать пенсионный фонд из

обязательных взносов предпринимателей и рабочих, ратует за закон о компенсации жертвам несчастных случаев на производстве, за социальные законы в пользу шахтеров. Его предложения, как правило, отвергались реакционным большинством.

Конечно, в это время ни в деятельности Жореса, ни в его взглядах нет ничего социалистического. Он выступает сначала как буржуазный радикал, затем как демократ. Но именно искренний демократизм Жореса, не имеющий ничего общего с «демократизмом» Клемансо или Ферри, становится одной из причин, которые привели его в лагерь социалистов. Жорес убедился, что истинные дела и пышные обещания республиканцев находятся в разительном контрасте. И здесь дело не в лицах, не в лидерах, не в обстановке, а в самой сути партии, защищающей интересы крупного собственника. Для начинающего политического деятеля становится ясно, что подлинный демократизм связан с движением простых тружеников, крестьян, рабочих.

Большое влияние на формирование социалистических взглядов Жореса оказали события, связанные с борьбой против Буланже и его сторонников.

Буланже был военным министром Франции в 1886—1887 годах. Он сумел добиться репутации ярого республиканца, получить расположение армии, и его имя стало одним из самых популярных во Франции. Но вскоре стало ясно, что удивительно пестрая компания, объединившаяся вокруг Буланже, вынашивает планы, представляющие «угрозу для демократии» (Жорес). Буланжисты поговаривали даже о перевороте... Дело кончилось, однако, на редкость «мирно». Напуганный слухами о скором аресте, неудавшийся диктатор бежал в Бельгию и вскоре застрелился.

Жорес убедился, что, пока общество базируется на частной собственности, политическая жизнь будет отражать капиталистическую мораль, проповедовать политический авантюризм, порождать Буланже и ему подобных. Впервые на страницах «Депеш де Тулуз» он заговорил о необходимости изменения социальной системы. В конце 80-х годов Жорес возвращается в Тулузу. Он преподает в университете, знакомится с историей немецкого социализма, изучает работы Луи Блана, Прудона, Жюля Геда, Поля Лафарга, Лассаля, Бенуа Малона.

Именно этот период становится переломным в формировании социалистического мировоззрения Жореса. Впрочем, надо сразу отметить, что великий оратор так до конца и не смог принять революционное содержание марксизма, изжить оппортунистические колебания.

Большое влияние на Жореса оказали произведения Маркса.

Впервые о Марксе Жорес говорит в 1890 году в статье о германском социализме. Он знаком с его работой «Капитал», подчеркивает его глубину и теоретическую обоснованность, отдает должное критике Марксом капитализма. Но социализм Жореса — нравственный идеал, итог развития республиканской демократии, а не результат острой классовой борьбы, объективного хода истории.

В июле 1890 года Жан Жорес был избран муниципальным советником, затем заместителем мэра города Тулузы. А в 1893 году социалисты на дополнительных выборах выставили Жана Жореса кандидатом в палату депутатов от Кармо, и избирательная кампания заканчивается его победой.

Кармо — важный период в жизни Жореса. Именно общение с рабочими, депутатом от которых он стал, укрепило его социалистические убеждения, носившие до этого несколько отвлеченный, абстрактный характер. Сам Жорес почувствовал в себе эту перемену: его речи, до того произносимые с расчетом на изысканную публику в парламенте, становятся проще, понятнее. Но эта простота не наносит ущерба им. Напротив, каждое выступление Жореса вызывает отклик в сердцах рабочих Кармо, потому что их депутат, профессор философии Жан Жорес, теперь знает, о чем мечтают и за что борются труженики города.

Начало парламентской деятельности Жореса совпало со скандальным делом о панамской афере. Продажа акций компании Панамского канала дала сумму в 1400 миллионов франков, а на строительные работы ушло около 700 миллионов франков. При расследовании выяснилось, что разницу попросту прикарманили темные дельцы, а само разрешение парламента на выпуск акций было дано в результате подкупа части депутатов, политических деятелей, редакций ряда буржуазных газет.

Энгельс отмечал, что панамская авантюра побивает

по частн коррупцни все, что было до сих пор, как при Луи-Филнппе, так н прн Наполеоне III, что Панама может положнть конец всему буржуазному свннству и стать поворотным пунктом в развитин Францнн. Жорес в своих выступленнях клеймнт продажных депутатов, вскрывает растлевающее влняние властн денег, социальные корнн панамской авантюры, подчеркивая, что это явленне присуще по своей природе буржуазному обществу. Он прямо заявляет премьер-министру Шарлю Дюпюн: «Вы — дезертнры республиканской полнтики, мы, соцналнсты, будем ее продолжать!»

В начале 90-х годов во Францнн активизнровали свою деятельность анархисты. На улицах городов звучат выстрелы, взрывы. Убит президент республикн Сади Карно. Реакцня, нспользуя смятение н нспуг, охватнвшне мелкобуржуазную часть населения, проводнт в презнденты Казимира Перье, нзвестного своими правыми взглядамн. Новоявленный презндент продолжил дело, начатое им ранее на посту главы правительства: один за другим появляются законы, огранчнвающне демократическне свободы, провозглашенные конституцией. Демократнческая Францня возмущена. И в общем хоре голосов борцов против «злодейских законов» громко звучит страстный прнзыв Жореса.

Жорес не упускает нн одной возможности схватиться с реакцией. Парламент сотрясается от его бнчующих речей. Жорес выступает защнтником в деле Жеро-Рншара, обвнненного в оскорбленнн презндента. Речь защнтнка становнтся речью прокурора: Жорес раскрывает непрнглядную картнну создання богатства Перье, приобретенного прн помощи ростовщнчества, мошеннничества им самнм н его предкамн. В результате выступления демократнческой Франции «президент реакции» вынужден был уйти. И немалую роль сыграл в этом Жорес.

Не мог остаться Жорес в стороне от знаменнтого «дела Дрейфуса». Дрейфус был офицером французского генерального штаба, обвнненным в шпионаже в пользу Германин. В этот период реакцня использовала антнсемнтские настроения как оружне протнв республнкн. Поэтому, выступая в защиту Дрейфуса, все прогресснвные силы выступалн протнв реакцнн, в защиту демократическнх свобод. Невннного человека прнговорнли к вечной каторге. Жорес нзучает дело Дрейфуса н

в своих выступлениях разоблачает маневры правых, критикует половинчатую позицию правительства. С присущей ему прямотой Жорес подчеркивал, что в интересах пролетариата протестовать против беззаконий, раскрытых делом Дрейфуса.

Постепенно Жан Жорес становится крупнейшей фигурой французского социалистического движения. Поль Лафарг в начале 1894 года писал Ф. Энгельсу: «Это не мы помогли Жоресу занять его место; он занял его сам, и он является одним из наиболее авторитетных ораторов палаты. До сих пор его действия... были полезны благодаря его манере представлять социализм. Он сделал возможным его проникновение в круги, где мы не имели бы успеха».

Изучив труды К. Маркса, Жорес принял ряд его положений и попытался эклектически соединить марксизм с другими демократическими учениями. Естественно, что подобная непоследовательность приводила Жореса и в теоретических вопросах, и в практической деятельности к оппортунизму и реформизму. Но реформизм Жореса был не таким, каким его проповедовал Бернштейн или воплощал в жизнь английский лейборист Макдональд. Порвав со своим классом, Жорес уже никогда не протягивал руку буржуазии, никогда не стремился к сотрудничеству с ней, как бы его ни упрашивали и ни подкупали. Именно поэтому он снискал такую жгучую ненависть среди имущих классов.

Источником реформистских взглядов Жореса были не изжитые им до конца иллюзии буржуазного республиканизма. Он искренне верил, что можно без острой классовой борьбы, «законным» путем преобразовать буржуазную республику, наполнить ее новым содержанием.

Однако при всех своих ошибках в теории и практике социалистического движения Жорес был убежденным защитником демократии, последовательным борцом против сил реакции и войны.

Обращаясь к противникам социалистического преобразования общества, Жорес говорил: «Теперь мы, мы вас спросим: собираетесь ли вы на вечные времена осудить рабочий класс терпеть такую форму собственности? Неужели общество, где все средства труда — земля, рудники, фабрики — будут принадлежать не меньшинству правящих капиталистов, а всему трудящемуся

классу, неужели такое общество не будет лучше, справедливее, человечнее?!»

Жоресу отвечал министр внутренних дел Клемансо, длинная речь которого сводилась к оправданию действий правительства, к нападкам на участвующих в забастовках рабочих: «Я спрашиваю господина Жореса, — восклицал Клемансо, — неужели он искренне верит в то, что в настоящее время и даже в отдаленном будущем рабочий класс сумеет взять на себя управление всеми промышленными, земледельческими и коммерческими предприятиями?» — «Да, — отвечал Жорес, — рабочий класс сумеет это сделать. И сделает он это путем проведения таких решительных мероприятий, как национализация банков, кредитных учреждений, железных дорог, рудников и других богатств страны».

Но пути практического осуществления экономических мероприятий, которые предлагал Жорес, во многом были наивными. Он полагал, что некоторые категории капиталистического общества останутся неизменными и в социалистическом обществе. Такой неизменностью отличаются общие законы производства, поэтому социалисты должны направить свои усилия на реформу распределения. В центре всей системы — проблема производства и распределения при социализме. Но как согласовать в рамках социалистического производства различие способностей и потребностей людей? Можно пойти по пути «коммунистической централизации» Маркса или по пути анархистского федерализма Прудона. Но Жорес, который всегда стремится все примирить, и здесь пытается соединить Прудона с Марксом. Будучи решительным противником централизации хозяйственной жизни, Жорес «передает» управление отдельными отраслями промышленности в руки соответствующих профсоюзов или корпораций.

Жорес тщательно обосновывает возможность «выборного режима» в экономической жизни. По его мнению, система распределения должна базироваться на принципе: рабочему — полный продукт его труда. Жорес доказывает, что эта система распределения стимулирует и потребление, и накопление, а через них и технический прогресс. Наиболее целесообразным и выгодным для пролетариата он считал путь мирного перерастания капитализма в социализм. Буржуазия, по его мнению, в своих собственных интересах должна бы-

ла согласиться на законодательное осуществление социализма.

В 1898 году происходят новые выборы в парламент. Социалисты выдвинули кандидатуру Жореса, но на этот раз в результате происков реакции Жорес не был избран. Он становится одним из политических редакторов «Птит репюблик», совершает лекционные поездки по стране, пишет ряд статей, которые позднее составили книгу «Доказательство», в которой он снова вернулся к делу Дрейфуса. Много сил отдает он поездкам по городам Франции, агитируя за пересмотр этого дела.

Летом 1899 года было сформировано правительство Вальдека-Руссо, военным министром в котором был генерал Галифе, палач Коммуны. Вошел в правительство и социалист Мильеран. Буржуазия этим самым внесла разброд в ряды социалистов.

Поль Лафарг, Вайян и другие осуждали Мильерана, а Жан Жорес его поддержал. Он полагал, что, когда существует угроза республике, надо ее спасать и войти в состав правительства социалисту. Оценивая поведение Жореса, Август Бебель на рабочем конгрессе в Амстердаме в 1904 году говорил, обращаясь к Жоресу: «Вы сами скомпрометировали себя продолжительной поддержкой Мильерана. Это был самый роковой шаг в вашей жизни, опаснейший подарок, какой вы могли сделать интернациональному социализму».

Жорес не раз осуждал действия Мильерана, но полагал, что участие в буржуазном правительстве в определенных случаях допустимо. В. И. Ленин, выступая против тех, кто в принципе отвергал участие социалистов в буржуазно-демократическом правительстве, подчеркивал, что «кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило, — что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков, — что на деле перед ра-

бочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ»[1].

Критикуя ошибки Жореса, В. И. Ленин в то же время указывал на его заслуги в деле борьбы за интересы трудящихся, подчеркивал его искренность и честность.

В девяностых годах Жан Жорес много работает над многотомным трудом «Социалистическая история французской революции». Он является организатором и редактором многотомного коллективного труда, в котором первые 4 тома, посвященные Великой французской революции, написаны им самим. При изучении Великой французской революции Жорес обратил внимание на вопросы экономической и социальной истории революции, привлек новые материалы для их исследования.

Изучая прошлое, Жорес стремился извлечь урок для будущего. Его труд посвящен выработке концепции социалистической революции. Противники Жореса доказывали, что он принципиальный враг революции и что он исключает возможность какого-либо революционного насилия, но это не совсем так. Жорес часто осуждает насилие и жестокость, но только там, где их можно было избежать или нельзя оправдать.

Там же, где это необходимо и неизбежно, Жорес допускал и даже решительно оправдывал насильственные революционные меры. Насильственная революция казалась Жоресу тем крайне тяжелым, мучительным процессом, который лучше всего было бы заменить более легким, гуманным способом борьбы.

В многотомном историческом произведении Жорес рассматривает, насколько идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о революционной тактике, которые они изложили в «Коммунистическом манифесте», применимы во Франции и других западных странах. В исследовании отдельных конкретных исторических проблем Жорес приближался к марксизму. В. И. Ленин относил этот труд к числу «полезнейших сочинений»[2] по истории французской революции.

По инициативе Жореса была создана комиссия по изданию документов по экономической истории революции. Он внимательно исследовал аграрную эволюцию Франции на протяжении революции. Жорес назвал

свою историю французской революции «социалистической историей» и, желая оправдать это название, пристально изучал социальные движения эпохи революции, первые выступления рабочих, зародыши социалистических движений и идей. Отличительной чертой Жореса как историка является то, что он не был в стороне от изучаемых им событий, а как бы принимал в них активное участие, давая оценки людям и явлениям.

Большую работу проводит Жан Жорес по созданию Французской социалистической партии. Подъем рабочего движения в начале XX века вызвал необходимость создания пролетарской партии во Франции. В 1901 году в результате объединения гедистов и бланкистов создается Социалистическая партия Франции. А в 1902 году другие социалистические группировки, в том числе и во главе с Жаном Жоресом, создали Французскую социалистическую партию. Иначе говоря, появились две партии социалистов, независимо друг от друга, которые в апреле 1905 года образовали объединенную Французскую социалистическую партию. При этом часть независимых социалистов не вошла в новую партию. Жан Жорес и его сторонники постепенно получили в ней ведущее положение.

Во время выборов 1902 года Жан Жорес был избран в парламент. В этот период он яростно выступает против клерикализма, поддерживает проекты реформ о введении прогрессивного подоходного налога.

В 1904 году Жорес основал газету с весьма символичным названием — «Юманите» («Человечество»). Она стала боевым органом революционной демократии. До самой смерти он был бессменным редактором этой популярной газеты, которая с образованием Французской коммунистической партии в 1920 году стала органом ЦК ФКП.

Жорес активно участвовал в движении солидарности французского народа с русской революцией 1905—1907 годов. Он с присущим ему гневом яростно обвиняет русский царизм: «Какой же злой рок заставил царя уступить наиболее безрассудным, наиболее бездарным, наиболее бесчестным? Злой рок самого абсолютизма, неизбежная слепота и неминуемое помрачение рассудка, порождаемые безграничной властью, теряющей чувство реальности в той пустоте, которую она вокруг себя создает. В зловещем свете разгрома и отчаяния,

врывающемся теперь через широкие оконные проемы Зимнего дворца, задумываются ли обо всем этом хотя бы на миг императрица и фрейлины? Спрашивают ли они себя, что́ явилось причиной катастрофы и кто в ней повинен? Конечно, нет, ибо в их умах безграничная власть самодержавия убила всякую работу мысли».

Разоблачая русский царизм, Жорес никогда не отождествлял его с самой Россией, с русским народом. Сторонник «мирного преобразования общества», он приветствовал события 1905 года, одобрял революционное насилие русского пролетариата. Жорес был одним из первых, кто отметил, что русская революция передала русскому пролетариату ведущую роль в мировом революционном движении. «Освобождение русского народа... — писал 4 мая 1905 года в «Юманите» Жорес, — безусловно, поставит русский пролетариат в авангарде европейского пролетариата». В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве он писал 25 декабря 1905 года: «Из этой страны льда, где всякая жизнь, казалось, заморожена вечной зимой, отныне распространяется по Европе теплое дыхание свободы и справедливости».

И даже после разгрома Декабрьского восстания Жорес сохраняет веру в русскую революцию.

В 1909 году в статье «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов в Англию» В. И. Ленин отмечал, что Жорес во Франции, а также социалистические депутаты в Англии и Италии «...заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-Погромщику, к Николаю-Вешателю, к Николаю, давящему теперь персидский народ и наводняющему теперь русскими шпионами и провокаторами Францию» [3].

За пять лет до Великой Октябрьской социалистической революции Жорес писал: «Россия готовится стать, ввиду громадной силы ее рабочих, державой цивилизации и справедливости; в результате усилий ее пролетариата она скоро создаст один из наиболее чудесных источников благосостояния человеческого рода».

Социалистические взгляды Жореса складывались еще во многом интуитивно. Часто он нуждался в поддержке, чтобы окончательно найти правильный путь. Так, в 1907 году эту поддержку он получил от В. И. Ленина на конгрессе II Интернационала в Штутгарте.

В этот период взгляды Жореса стали значительно революционнее, хотя он по-прежнему стремился избежать насильственного преобразования старого общества, вооруженной борьбы. В 1910 году, в своей речи в палате депутатов, он говорил: «Неизбежно произойдет социальное изменение, будет иметь место социальная революция. Единственный вопрос заключается в том, чтобы знать, родится ли она в конвульсиях и кризисах, или в великом организованном движении прогресса демократии. Я же, несмотря ни на что, несмотря на ненависть, внушаемую пролетариату обманами и изменами, я еще верю, — я говорю здесь от всего сердца, как на народных собраниях, — я верю в могущество организованного в демократию прогресса».

Жорес нередко проповедовал возможность мирных форм борьбы, обращался к правящим классам — к их разуму, совести, сознанию, тогда как воздействовать на них мог лишь один аргумент — организованная сила пролетариата. Независимо от своих субъективных намерений, которые всегда оставались благородны и чисты, он отстаивал линию, которую политически нельзя было определить иначе, как реформистскую, как проповедь классового примирения.

Эти позиции приводили Жореса большей частью на правое крыло французского и международного социалистического движения. Ошибочные позиции, отстаиваемые Жоресом по некоторым важным принципиальным и тактическим вопросам (например, в связи с «казусом Мильерана» и др.), подверглись жестокой критике со стороны революционных марксистов.

Добиваясь социальных реформ, Жорес не забывал конечную цель — социализм. Этим он в корне отличался от Бернштейна и других ревизионистов, которые отказывались от нее. Но независимо от субъективных намерений Жореса его реформистская политика не только не вела к революции, напротив, иногда уводила от нее. Таким образом, социалистическая партия превращалась не в боевую революционную организацию пролетариата, а в придаток парламентской фракции. Классовые противоречия затушевывались, буржуазное влияние распространялось на рабочих. Но, заблуждаясь в теории, Жорес с большой энергией и искренностью мужественно боролся против капитализма.

Огромны были заслуги Жореса в его борьбе против

развязывания войны. Являясь величайшим оратором своей эпохи, Жорес обличал главных поджигателей войны — империалистическую буржуазию, боролся с любыми проявлениями милитаризма.

Морис Торез любил повторять жоресовскую формулу: «Капитализм несет в себе войну, как туча — грозу». Жорес ее впервые выдвинул в речи в палате депутатов 7 марта 1895 года. В позднейших выступлениях, особенно последних десяти лет его жизни, он развил и конкретизировал это положение. В 1908 году Франция напала на Марокко и превратила эту страну в свою колонию. Жорес активно выступил против агрессивной политики французского империализма. В палате депутатов Жорес возражал против предоставления правительству кредитов на военные операции.

В «Юманите» 28 августа 1908 года он писал: «Алчные банкиры, которые эксплуатировали страну ростовщическими ссудами; совместное уничтожение немцами и французами мусульманского кладбища посредством взрыва, чтобы эксплуатировать каменоломню; ужасающая бомбардировка Касабланки и предание огню и кровопролитию Шауйи; полторы тысячи сваленных в кучу трупов женщин и детей за один день позора и скорби — вот в каком обличье Европа предстает перед марокканцами».

В 1913 году в палате депутатов обсуждался проект закона об увеличении срока военной службы с двух до трех лет. По Франции прошла волна демонстраций, начались волнения среди солдат. Жорес стал во главе всех демократических сил, выступивших против этого закона. Но закон все же был принят. Борьба Жореса против «закона трех лет» возбудила особенно ожесточенную ненависть к нему со стороны шовинистических милитаристских кругов, которые стали подвергать Жореса травле, возводить на него клеветнические обвинения в предательстве интересов Франции, в деятельности в пользу Германии.

Накануне первой мировой войны, чувствуя ее неотвратимое приближение, в центре внимания Жореса стала борьба за мир. «В час, когда нам угрожают убийства и варварство, — писал он, — у нас есть лишь одна возможность сохранить мир и спасти цивилизацию — пролетариат должен сплотить все свои силы, насчитывающие великое множество братьев — французов, англи-

чан, немцев, итальянцев, русских, и мы призываем эти десятки тысяч людей объединиться с тем, чтобы единодушное биение их сердец развеяло страшный кошмар».

В речи на международном социалистическом конгрессе в Базеле в 1912 году он говорил: «Во всех странах имеются противоположные течения. Одни против мира, другие против войны. В руках правительств весы, на которые брошены судьбы народов, но чаши весов колеблются. Однако может случиться, что у тех, кто пока еще сомневается, внезапно закружится голова. И потому мы, трудящиеся и социалисты всех стран, должны предотвратить войну, кинув все наши силы на чашу мира!»

В июле 1914 года на чрезвычайном конгрессе социалистической партии Жан Жорес внес предложение о всеобщей стачке против войны, которое было принято.

Последний раз Жорес выступил 25 июля в Вез, рабочем квартале Лиона, перед избирателями. Он говорил о том, что остался единственный шанс сохранить мир, это — объединение всех сил пролетариата Франции, Англии, Германии, Италии и России в их борьбе против войны.

В последней своей статье, опубликованной в «Юманите» за день до начала мировой войны и за несколько часов до убийства Жореса, он звал пролетариев на борьбу против войны. Он заканчивал статью страстным призывом: «То, что сейчас нужнее всего, — это непрерывность действия, это постоянная бдительность пролетарской мысли и совести. В этом — истинная защита. В этом — гарантия будущего».

Правда, выступая против войн, Жорес не имел марксистской точки зрения на вопросы войны и милитаризма. Ленин писал: «Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире á la Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями...»[4]

Последовательность и бесстрашие в борьбе против зачинщиков войны, создавшие Жоресу популярность в широких народных массах, были источником и той не-

нависти, которую питали к великому трибуну империалисты.

Отлично зная о силе и влиянии Жореса, правящие круги любыми путями хотели подкупить его. Для этого не жалели ничего: Жореса прельщали министерскими портфелями, властью, славой, деньгами. Всего за несколько часов до убийства ему предлагали министерский портфель в кабинете Вивиани. Даже царское правительство России, превосходно осведомленное о силе влияния Жореса, в 1906 году пыталось предложить ему 200 тысяч франков за отказ от кампании против русского займа.

31 июля 1914 года Жорес был убит.

Убийство Жореса вызвало взрыв негодования. Начались многолюдные демонстрации и собрания. Возмущение масс было настолько сильным, что правительство было вынуждено выпустить особое воззвание к народу за подписью премьер-министра с призывом к спокойствию и обещанием покарать убийцу.

Судебный процесс над убийцей Жана Жореса не только не раскрыл подлинных организаторов убийства, принадлежавших к наиболее реакционным шовинистическим кругам французской буржуазии, но и не покарал преступника.

Когда буржуазный суд оправдал убийцу Жореса — Виллена, 300 тысяч французских рабочих вышли на демонстрацию в честь своего вождя, протестуя против чудовищного решения. Буржуазия Франции была вынуждена в конце концов посчитаться с всенародной любовью к Жоресу и согласиться на то, чтобы в 1924 году горняки Кармо внесли прах Жореса в Пантеон — усыпальницу величайших людей Франции.

Несправедливая справедливость

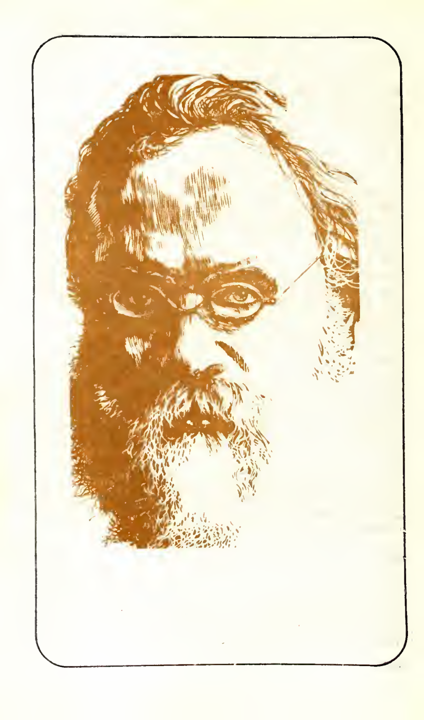
Многие в Учредительном собрании Франции не могли скрыть своей неприязни к депутату Прудону. Автор «сумасбродных статей, ниспровергатель собственности, ужас-человек» — как только не называют его правые депутаты. Прудона стараются не замечать. Ему не подают руки. Во время его редких выступлений взирают на него равнодушными, пустыми, как разбитые окна, глазами. Владельцы обширных имений, потомки знатных родов, фабриканты, наследники фабрикантов... Цвет нации. Им ли замечать этого выскочку из простонародья?

А Прудон? Он невозмутимо поднимается на трибуну, тяжело роняет в пустоту зала гордые слова: «У меня четырнадцать прадедов мужиков, назовите мне хоть одно семейство, имеющее столько благородных предков!»

...Пьер Жозеф Прудон родился 15 января 1809 года в бедной крестьянской семье в Безансоне. В семье было пятеро детей, Пьер — старший. До двенадцати лет он, как и многие его товарищи, работал на полях, пас скотину. Лишь благодаря помощи одного местного мецената его удалось устроить в гимназию. Он много читал, усердно посещал библиотеку. Денег, разумеется, почти не было, и все необходимые книги и учебники приходилось одалживать у одноклассников.

Однако закончить гимназию из-за крайней бедности Прудон так и не смог. Пришлось поступить сначала наборщиком, потом корректором в типографию братьев Готье. Но вскоре владельцы типографии разорились, и Прудон оказался без работы. В поисках заработка он побывал в Париже, Марселе, Лионе, Тулоне. По возвращении в Безансон он вновь начинает работать у Готье, которые открыли новую типографию. В 1836 году ему удалось сколотить небольшой капитал и стать совладельцем маленькой типографии в родном городе.

Все это время Прудон продолжал заниматься самообразованием, изучал латинский, греческий и еврейский языки. Однако получить систематическое образование он так и не смог, что и отразилось впоследствии на всех его работах. Позже, в «Исповеди революционера», он писал: «Всем, что я знал, я обязан отчаянию. Судь-

ба лишила меня средств приобретать знания, и я захотел однажды из собранных мною лоскутков создать свою собственную науку».

В 1837 году Прудон написал свое первое сочинение «Опыт всеобщей грамматики», в котором рассматривались вопросы филологии. Безансонская академия сочла возможным в 1838 году дать ему стипендию на три года в размере 1500 франков. Академия в это время объявила конкурс на тему «О пользе празднования воскресенья», в котором Прудон принял участие и получил в 1839 году почетный отзыв и медаль. Однако вскоре академия приостановила продажу брошюры, находя мысли автора чересчур парадоксальными, и «...раз самый принцип равенства не доказан, то идеи автора не выходят из области гипотез». Основная мысль этой работы, как писал впоследствии Прудон, — «установление еженедельного отдыха неразрывно связано с политической системой, основанной на равенстве». Он отмечал, что «в высших классах не знают уже воскресенья. Все дни недели походят один на другой. Народ иногда откладывает свои страсти на неделю. Пороки знатных не терпят отсрочки».

Появление первой книги, несмотря на все трудности, окрылило Прудона. Он переезжает в Париж, чтобы серьезно заняться литературной и научной работой. При этом ему приходится испытывать большие материальные трудности. Он писал своему другу в Берлин: «Прошу Вас посылать ко мне Ваши письма с оказией, как я это делаю. Платить 2 франка для меня стеснительно...» И это понятно, так как две трети стипендии он посылал домой.

Постоянная нехватка денег приучила Прудона к скромности, забота о родных — к бережливости и простоте. «Он носил вязаную шерстяную фуфайку и стучащие деревянные башмаки», — описывал его одежду Франц Меринг.

В этой обстановке у Прудона зреет мысль о создании книги, разоблачающей собственность. «Я должен убить в смертельном поединке неравенство и собственность, — писал он в одном из писем, — или я ослеплен, или она никогда не оправится от удара, который будет вскоре ей нанесен». В 1840-м появляется книга «Что такое собственность?». Она принесла своему автору огромную известность и популярность среди ради-

кально настроенной интеллигенции. Резкая и в то же время убедительная работа смело посягала на принципы буржуазного общества. «Я доказываю, — писал Прудон, — что те, кто в настоящее время не владеют, являются собственниками с таким же правом, как и те, которые владеют, но вместо того, чтобы требовать на этом основании раздела собственности между всеми, я в качестве меры общественной безопасности требую, чтобы она была уничтожена для всех. Но если я потерплю неудачу в моем требовании, то нам, т. е. всем вам, пролетарии, и мне, остается только перерезать себе горло; нам ничего не остается больше требовать у справедливости нации...» Далее Прудон ставил вопрос: какова должна быть форма общественного устройства? Отвечая на него, автор предлагал свободную ассоциацию с соблюдением равенства в средствах производства и эквивалентности в обмене. Прудон полагал, что во имя справедливости обмен должен осуществляться без денег и прибылей. Только при этом условии, по его мнению, можно добиться справедливости, которая является главной идеей его произведения. «Справедливость — это центральная звезда, управляющая обществами, ось, вокруг которой вращается весь политический мир, принцип и правило всех договоров... ничто не совершается без обращения к справедливости. Справедливость не является созданием закона: напротив, закон всегда есть провозглашение и применение справедливости во всех обстоятельствах, при которых люди могут находиться в сношениях между собой».

Таким образом, Прудон считал, что существует раз навсегда данная неизменная справедливость, которая и должна быть положена в основу будущего общества. Маркс и Энгельс боролись с таким метафизическим подходом. Нельзя рассматривать общественные и экономические категории как вечные и абсолютные. «Мелкий буржуа Прудон, — писал Энгельс в работе «К жилищному вопросу», — стремится к такому миру, в котором каждый изготовляет особый самостоятельный продукт, пригодный к немедленному потреблению и к обмену на рынке; если при этом каждому возмещается полная стоимость продукта его труда в виде другого продукта, то удовлетворена «вечная справедливость» и на земле установлен лучший из миров» [1].

Книга «Что такое собственность?», написанная за не-

сколько месяцев, сделала крылатым выражение: «собственность есть кража». Какое значение ему придавал сам автор, можно видеть из того, что, по его словам, эта короткая фраза была самым крупным событием в царствование Луи Филиппа.

Впрочем, Прудон, как выяснилось, позаимствовал ее у Бриссо, одного из видных деятелей французской буржуазной революции конца XVIII века. Оригинальность работы Прудона заключалась только в форме: он любил красивые обороты мысли, сочетая их с вызывающей дерзостью.

В связи с просьбой Швейцера, одного из видных представителей лассальянства в Германии, в тот период президента Всеобщего германского рабочего союза, высказать свое отношение к сочинениям Прудона К. Маркс писал ему в 1865 году: «Первых опытов Прудона я уже не помню. Его ученическая работа о *«Всемирном языке»* показывает, с какой бесцеремонностью брался он за проблемы, для решения которых ему недоставало даже самых элементарных знаний.

Его первое произведение *«Что такое собственность?»* является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху, если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое...

Если можно так выразиться, в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этого произведения я считаю главным его достоинством... Вызывающая дерзость, с которой он посягает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающая тут и там, глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга *«Что такое собственность?»* электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же как и в изящной литературе...»[2]

Итак, Прудон утверждал, что собственность есть кража, потому что она противоречит справедливости. Под

собственностью он понимал «всю сумму злоупотреблений», но на самом деле он выступал только против крупной собственности, противопоставляя ей мелкую собственность, названную им «владениями». Получалось, что, критикуя частную собственность, он имел в виду только капиталистическую крупную собственность, эксплуатирующую и разоряющую мелких производителей-собственников. Получалось, что Прудон выступал лишь против ростовщического капитала, биржи, спекуляции и отстаивал — сначала под видом «владения», а впоследствии и открыто — мелкую частную собственность, которая, по его мнению, является основой экономического прогресса и «свободы личности» производителя.

«Уничтожьте собственность и сохраните владение: посредством одного только этого принципиального изменения вы коренным образом измените законы, правительство, хозяйство и все учреждения: вы уничтожите зло на земле», — провозглашал Прудон. Мелкая собственность — это и есть идеал Пьера Жозефа Прудона. Он подвергал критике буржуазную собственность с позиций мелкой буржуазии.

Вполне естественно, книга «Что такое собственность?» вызвала ярую ненависть у владельцев крупной собственности и их апологетов. Реакционеры начали крестовый поход в защиту «святости частной собственности». Реакция Безансонской академии была также резко отрицательной. Прудон писал об этом: «Действие моей книги на академию было ужасно для меня: возопили о скандале, о неблагодарности, старик Дроз... сочинил слезную проповедь, возмутившую против меня всех. Я людоед, волк, змея; друзья и благодетели от меня сторонятся... Они, пожалуй, не против потребовать, чтобы я отрекся от своих убеждений; меня осуждают не читая». По поводу книги в академии были бурные заседания, предлагалось заставить автора отречься от своей книги, отменить стипендию. Прудона обвинили в возбуждении ненависти к правительству и к различным классам, в оскорблении религии. Было начато даже судебное дело, но суд оправдал Прудона и разрешил продавать книгу.

В 1843 году Прудон стал работать приказчиком в одной из транспортных фирм Лиона. Он много разъезжает, ведет несколько судебных процессов, защищая интересы фирмы. В 1844 году ему удалось в Париже по-

знакомиться с Карлом Марксом. Маркс позже вспоминал, что во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь напролет, «...я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г-н *Карл Грюн*. В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мною еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал...» [3].

Карл Маркс с присущей ему заботой и прямотой предостерегал Прудона в отношении Грюна. «Этот человек — литературный авантюрист, — писал Маркс в одном из писем, — своего рода шарлатан, который намерен торговать новыми идеями. Он пытается скрыть свое невежество под личиной напыщенных и высокомерных фраз, но он достиг только того, что выставил себя на посмешище своей *галиматьей*. Кроме того, этот человек *опасен*. Он *злоупотребляет* знакомствами, которые он, благодаря своему нахальству, завязал с известными авторами... Остерегайтесь этого паразита» [4].

Прудон не внял этим предостережениям.

В 1843 году Прудон опубликовал работу «О создании порядка в человечестве» и начал писать книгу «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Она была опубликована в 1846 году. В ней Прудон уже более обстоятельно изложил свои предложения о справедливом устройстве общества. В работе был ряд ошибочных теоретических положений, которые подвергались серьезной критике основоположниками научного коммунизма.

Незадолго до выхода в свет «Философии нищеты» Прудон писал Марксу: «Жду вашей строгой критики». Со временем он получил строгий разбор своего произведения, который, по словам Маркса, «навсегда положил конец нашей дружбе».

Маркс перефразировал прудоновское название и озаглавил свою работу «Нищета философии» (1847 г.). Взгляды Прудона являлись препятствием к распространению среди рабочих идей научного коммунизма, и их надо было подвергнуть обстоятельной, глубокой критике. Маркс в своей работе вместе с критикой прудоновских концепций высказывает ряд новых положений, вошедших в золотой фонд учения о научном коммунизме.

Еще в письме П. В. Анненкову в декабре 1846 года

К. Маркс после знакомства с книгой Прудона писал, что Прудон путает идеи и вещи. «Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы... Экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства. Этого Прудон не понял...»[5]

Прудон, критикуя капиталистические отношения, обрушивается на идеологию рабочего класса. В связи с этим Маркс отмечал, что Прудон — типичный идеолог мелкой буржуазии, а его социализм — это «социализм» ремесленников и крестьян: «Он хочет быть синтезом, но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом».

Несколько позже Прудон, опираясь на свои «теоретические открытия», предложил план социальных преобразований путем организации народного банка. Последний должен давать нуждающимся даровой кредит и менять продукты на продукты. С этой целью надо, предлагал Прудон, покрывать банковские билеты не посредством звонкой монеты, слитков или недвижимости, а посредством продуктов. В результате деятельности такого банка произойдет обесценение и уничтожение золотой и серебряной монеты, появится безграничный сбыт, будут уничтожены налоги, таможни, произойдет преобразование собственности, уничтожение государства и т. д. Он говорит об организации взаимных услуг всех членов общества, благодаря чему, по его мнению, будет ликвидирована эксплуатация трудящихся. «Когда лица одной профессии будут объединены в одно общество, они будут распределять между собой заказы».

С этой же целью Прудон выдвинул несколько позже идею создания «менового базара».

Рассматривая сущность экономической теории Прудона, В. И. Ленин писал: «Не уничтожить капитализм

и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, *«справедливой»*, лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона»[6].

В итоге Прудон выступает как против современного ему капитализма, так и против коммунизма. «Коммунизм, — писал он еще в книге «Что такое собственность?», — отрицает независимость и пропорциональность, собственность же (имеется в виду крупная. — *Авт.*) не удовлетворяет требований равенства и закона». Он полагал, что открыл «третью форму общества, синтез общности и собственности», своеобразный третий путь развития общества: не капиталистический и не коммунистический.

Прудон недооценивал роль производства и переоценивал роль обращения, торговли. Он считал, что и нужда рабочих является результатом не эксплуатации со стороны предпринимателей, а порождается тем, что обмен происходит несправедливо, неравноценно, и это неравенство, эта несправедливость в обмене и является действительной причиной нищеты. По Прудону, обмен должен быть справедливым, то есть без денег и без прибылей, и тогда пауперизм, роскошь, угнетение, порок, преступление и голод исчезнут.

Основной путь социальных преобразований, по Прудону, — это не революция, а преобразование обмена. Еще до выхода в свет «Философии нищеты» он писал Марксу: «Я предпочитаю лучше сжечь институт собственности на медленном огне, чем дать ему новую силу, устроив варфоломеевскую ночь для собственников». В конце 1847 года для пропаганды своих взглядов он начинает издавать в Париже газету «Представитель народа». Прудон пишет статьи, где настойчиво проповедует идеи создания системы дарового кредита. Незадолго до февральской революции 1848 года Прудон без излишней скромности утверждал, что он является единственным человеком, на которого может рассчитывать народ и которого страшатся реакционеры.

Однако в самих революционных боях на улицах Парижа в феврале 1848-го Прудон не принимал участия. Более того, как писал Карл Маркс, она для него разразилась совсем некстати, поскольку за несколько не-

дель до этого Прудон доказывал, что эра революций миновала навсегда. О своем отношении к революции он говорил сам: «...революция, республика, социализм, опираясь друг на друга, приближались огромными шагами. Я видел их, прикасался к ним; я бежал от демократического и социального чудовища, загадку которого не мог объяснить себе; и ужас леденил мою душу, убивал во мне мысль. Я проклинал консерваторов, смеявшихся над гневом оппозиции, проклинал еще более оппозицию, яростно вырывавшую с корнем начало старого общества, я умолял друзей своих, участвовавших в движении, не мешаться в эту ссору из-за прерогатив, абсурдную для республиканцев, и из которой должна была выйти нежданно-негаданно революция». И эти слова принадлежат Прудону, считавшему себя одним из разрушителей основ современной общественной жизни!

В июне 1848 года во время дополнительных выборов в Учредительное собрание Прудон выставил свою кандидатуру. Он опубликовал «Революционную программу», где, обращаясь к избирателям Сенского департамента, раскрыл сущность своей системы. Он не отказывался от положения «собственность есть кража», но пояснял, что он такой же сторонник собственности, как и всякий буржуа. «Вас это, пожалуй, удивит, но мой принцип тот же, что и ваш, а именно сама собственность. У меня нет других символов и других принципов, как принципы Декларации прав человека и гражданина: свобода, равенство, безопасность, собственность... Собственность — это право свободно располагать своими доходами, плодами своего труда и промысла».

Прудон добился своего и стал депутатом собрания. Кажется, как никогда он был близок к своей цели — мирному преобразованию общества. В его распоряжении — высокая трибуна Учредительного собрания, газеты, готовые пропагандировать его идеи, правительство, заявляющее о реформах.

Но здесь в ход событий вмешались силы, которые не раз пытался удержать Прудон. Парижские пролетарии устали от слов. Обманутые буржуазным правительством, разочарованные пустыми разговорами о «праве на труд» в Люксембургском дворце, спровоцированные к выступлению закрытием национальных мастерских, они берутся за оружие, чтобы отстоять свои права, вступить в схватку со своими эксплуататорами.

В середине июня город покрывается баррикадами. Над ними красные и трехцветные знамена, клич — «Да здравствует социальная республика!». Прудон напуган, смущен, обескуражен, но, к своей чести, он не остается безмолвным свидетелем того, как буржуазия в лице Кавеньяка расстреливает рабочих.

В речи, произнесенной им в Учредительном собрании, он осудил расправу с участниками восстания в Париже, охарактеризовал ее как проявление насилия и произвола. И тут же снова заговорил о своей системе обмена, этой «панацее» от всех бед, показав тем самым, что он ровно ничего не понял в событиях, свидетелем которых стал. «...Подобно тому, как политическое равенство несовместимо с монархией и аристократией, так равновесие в обращении и обмене, равенство между производством и потреблением, другими словами — обеспечение труда, — несовместимо с царством денег и аристократией капиталов. А так как эти два порядка идей по существу своему солидарны, то мы заключаем, что собственность, чистый доход, существующий только порабощением, невозможны в республике; и что одно из двух: или собственность погубит республику, или республика уничтожит собственность...» Его речь много раз прерывалась воплями ярости, криками: «Шестьдесят лет тому назад он назывался Марат», «в зверинец его». Впоследствии Прудон вспоминал: «Не думаю, чтобы можно было найти другой пример подобного ожесточения. Против меня проповедовали, меня осмеивали на сцене, в песнях, в афишах, в биографиях, в карикатурах, бранили, оскорбляли, проклинали... Все это время я был теоретиком кражи, панегиристом проституции, личным врагом бога, антихристом, существом, которому имени нет».

Маркс, оценивая поведение Прудона в тот период, писал в 1865 году: «Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало понимал он все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. *После* июньского восстания это было актом высокого мужества. Кроме того, его выступление имело тот положительный результат, что г-н *Тьер* в произнесенной против предложений Прудона речи, которая потом была издана в виде отдельной брошюры, доказал всей Европе, какой жалкий детский катехизис служил пьедесталом этому духовному столпу французской буржуазии.

В сравнении с г-ном *Тьером Прудон* и в самом деле вырастал до размеров допотопного колосса» [7].

Прудон пытается на практике реализовать свои проекты и в своей газете «Народ» объявляет о подписке на акции «Народного банка». Их было продано на сумму 36 тысяч франков. 11 февраля 1849 года он объявил открытие банка. Какие надежды Прудон связывал с «Народным банком»?

«...Пролетарии должны *копить* мелкие акции, — писал по поводу подобных предложений Энгельс. — На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) открываются сначала одна или несколько мастерских в одной или нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать... По мере того как капитал общества будет увеличиваться за счет привлечения новых акционеров или новых сбережений старых акционеров, на этот капитал будут создаваться новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., до тех пор, пока — *все* пролетарии не получат работу, *все* имеющиеся в стране производительные силы не будут скуплены, и благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуа, потеряют свою власть над трудом и не смогут приносить прибыль!.. Эти господа собираются, ни много, ни мало, для начала *скупить всю Францию,* а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал... Просто позор, что приходится всерьез воевать против подобного несусветного вздора» [8].

Прудоновский план был разновидностью трудовых базаров, которые неоднократно и всегда без успеха пытались создать в Англии представители утопического социализма, в частности Роберт Оуэн.

Разумеется, в условиях господства товарного производства, жесточайшей конкуренции вся эта затея была обречена на провал. Не прошло и двух месяцев, как Прудон объявил о закрытии своего банка и возвратил деньги акционерам.

Выступления Прудона в защиту интересов трудящихся принесли ему известность. Прудоновская газета «Народ» стала одной из самых популярных газет, а шумные выступления в Учредительном собрании укрепили положение ее редактора в рядах оппозиции правительству.

В марте 1849 года Прудон был арестован за резкие

статьи против президента Франции Луи Наполеона Бонапарта и приговорен к 3 годам заключения и штрафу в 3000 франков. Газета была закрыта, хотя его друзья с помощью залога в 24 тысячи франков, внесенного А. И. Герценом, сумели основать новую газету «Голос народа». Прудон и в тюрьме продолжал писать.

В 1849 году появляется работа «Исповедь революционера», несколько позже — «Всеобщая идея революции в XIX веке».

В последнем произведении он писал, что, если есть «достаточная причина для революции, никакая человеческая власть не может помешать этой революции произойти», и тут же добавлял, что «в XIX веке существует достаточная причина для революции». «Революция в XIX веке состоит в разрушении политических государств, в отмене всякого правительства вообще». Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры». «Не нужно законов, вотированных большинством или единогласно, каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация установят свои особые законы».

Главным источником классовых противоречий Прудон считал государство и выдвигал утопические проекты мирной «ликвидации государства». Прудон создал свою систему «анархии» и «социальной ликвидации». Сущность ее заключается в полном устранении государственности, правительства и власти из общественных отношений, в организации общества на началах договора и обмена услуг без принуждения. Он предлагал заменить политическую централизацию экономической.

Однако идеальное общество Прудона не является централизованным в экономическом отношении, а, напротив, совершенно распыленным и состоящим из мелких самостоятельных товаропроизводителей.

«При таком взгляде на дело, — писал Г. В. Плеханов, — политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие и обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренением которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая, таким образом, «каждому гражданину, каждой коммуне

и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для них «договоры». Если же анархисты не будут терять времени в период, предшествующий «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий», и торжество «Революции» будет обеспечено».

Маркс в письме Энгельсу от 14 августа 1851 года так оценивает основные положения теории Прудона: «Суть прудоновщины, — а вся она в целом в первую голову полемика против коммунизма... резюмируется... в следующем рассуждении: Настоящий враг, которого нужно побороть, — это капитал. Чисто экономическим проявлением капитала служит процент. Так называемая прибыль есть не что иное, как особая форма заработной платы. Процент уничтожается превращением его в аннуитет, то есть в годичные платежи по погашению капитала. Таким образом, рабочему классу — читай *промышленному* классу — будет навсегда обеспечено преимущество, а собственно капиталистический класс обречен на постепенное исчезновение. Различными формами процента являются проценты по денежным ссудам, квартирная плата, земельная арендная плата. Таким образом, буржуазное общество сохраняется, его существование получает свое оправдание, у него отнимают лишь его плохую тенденцию...»[9]

В 1852 году Прудон написал книгу «Социальная революция в свете государственного переворота 2 декабря», где он говорит, что бонапартистский переворот, мол, олицетворяет идею «революции» в действии и что Франция находится в процессе осуществления «полного социализма». Прудон делал попытку оправдать государственный переворот 2 декабря 1851 года Луи-Бонапарта, за которым последовало установление в стране режима Второй империи. Карл Маркс оценивал эту книгу как «прямую подлость», как заигрывание с Луи-Бонапартом, имевшее целью представить переворот приемлемым для французских рабочих.

Маркс разъясняет, что «в своей книге о Луи-Бонапарте... Прудон открыто признается в том, что мне приходилось доказывать еще на основании его «Философии нищеты», а именно в том, что его идеалом является мелкий буржуа. Франция, говорит он, состоит из трех классов: 1) буржуазии, 2) среднего класса (мелких бур-

жуа), 3) пролетариата. Цель истории, и в особенности революции, заключается в том, чтобы растворить крайности — первый и третий классы — во втором классе, золотой середине, а этого можно достигнуть посредством прудоновских кредитных операций, конечным результатом которых должно быть упразднение процента в его различных формах»[10].

Политические колебания Прудона, противоречивость его высказываний не были случайными, а являлись отражением неустойчивости положения мелкой буржуазии в капиталистическом обществе, верным защитником которой он был. В пятидесятых годах Прудон много пишет, в частности публикует «Руководство для биржевого спекулянта», метко названное Марксом «стряпней».

В 1858 году за антиклерикальное сочинение «О справедливости в революции и в церкви», которое было запрещено и конфисковано, Прудон снова был приговорен к тюремному заключению, но ему удалось эмигрировать в Бельгию и тем самым избежать повторного курса «перевоспитания» в тюрьме. В 1860 году он был амнистирован, но вернулся во Францию лишь в 1862 году. В шестидесятые годы Прудон по-прежнему много работает. Так, в 1861 году была опубликована его книга «Война и мир», которую Ф. Энгельс характеризует как «самое ученическое из многочисленных ученических произведений Прудона...». О таких работах, как «Теория налога» (1860 г.), Маркс пишет, что в них исчезают и последние следы гениальности и остается только... «чистейший мелкий буржуа».

Умер Прудон в январе 1865 года. Последняя его книга, «О политической способности рабочих классов», вышла после смерти, в 1865 году.

Трудно дать однозначную оценку деятельности Прудона. Субъективно, как политический деятель, он стремился подчинить каждое свое выступление, каждый свой шаг борьбе за улучшение жизни самых обездоленных, самых угнетенных классов капиталистического общества. Он имел полное право сказать: «Кто беден, тот мне родня».

«Я родился и воспитывался в среде рабочего народа, — писал он, — с ним я делил радость и горе; с ним я жил умом и сердцем. Цель моей жизни — работать на пользу тех, кого я люблю называть своими братьями и товарищами. И эта цель будет достигнута, и я буду

счастлив, если мне удастся посеять в народе семена того учения, которое я признаю законом нравственного мира».

Но одно дело — слова, личные устремления Прудона, а другое — реальные результаты его деятельности. Прудон так и не смог подняться до уровня научного социализма, преодолеть свои мелкобуржуазные предрассудки.

Его проекты преобразования существующего общества носили утопический характер, методы же, основанные на отрицании классовой борьбы, сеяли вредные иллюзии среди рабочих, что можно с помощью «народных банков», «меновых базаров» и т. п. коренным образом улучшить свое положение. Полное непонимание роли государства привело Прудона к отрицанию всякого государства вообще. Его труды становятся одним из источников анархистской «теоретической» премудрости.

Сама история доказала беспомощность всех проектов Прудона. Еще при жизни автор нашумевшего произведения «Что такое собственность?» убедился в крахе «Народного банка». Но самый страшный удар прудонизму нанесла Парижская коммуна 1871 года. Как это ни парадоксально, прудонисты, активные участники выступления парижского пролетариата, действовали отнюдь не так, как проповедовал их учитель. Сама логика классовой борьбы продиктовала им такие социально-экономические мероприятия, о которых нет ни слова в трудах Прудона, но зато много сказано в работах Маркса и Энгельса.

Париж 1871 года подтвердил правоту авторов «Манифеста Коммунистической партии».

Париж 1871 года стал могилой старых французских утопических социалистических школ — прудонистской и бланкистской.

Прудонизм — явление историческое, отражавшее «детство, незрелость рабочего движения Франции».

«Прудон, — писал в 80-х годах Энгельс, — играл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было так просто предать его забвению. Опровергнутый в теории, оттесненный в сторону на практике, он продолжает сохранять исторический интерес. Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоленные точки зрения» в рабочем движении»[11].

«Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей» [12], — писал по этому поводу В. И. Ленин.

Выступления Прудона сыграли и положительную роль. Его яркие, блестящие по форме произведения никого не оставляли равнодушными, пробуждали интерес среди пролетариата к социалистическим течениям.

Его голос, чуть ли не единственный, звучал в Учредительном собрании в защиту парижских пролетариев в июне 1848 года. Его нападки на религию и церковь, разоблачение ханжества и лицемерия священников способствовали антирелигиозному воспитанию трудящихся.

Находясь в заключении, Прудон, обращаясь к господствующим классам, писал: «Пусть власти составляют заговоры против народов; пусть республиканцы падают под ударами штыков и умирают под стенами городов; но равенство, свобода и братство остаются идеалами общественного устройства. Да, социалисты, мы побеждены, унижены, обезоружены, скованы и заключены, но разве мы перестали быть людьми будущего? Разве мы потеряли веру в себя и в свое дело? А вы, малодушные и кровожадные плутократы, вы, лицемеры и подлецы семейства и собственности! Спокойно вам теперь живется? Весело празднуете вы свою победу? Я слежу за вами, любуюсь вами, и что ни слово, что ни жест ваш — я говорю, вы **пропали!**»

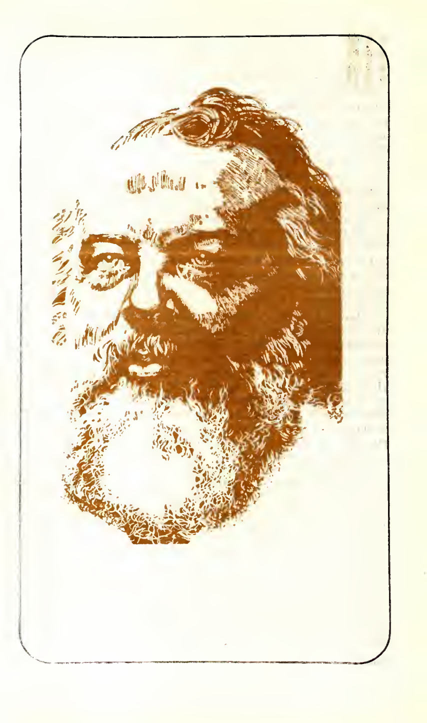
Беспокойный дух...

Первого мая 1903 года в ленинской «Искре» появилось сообщение о сборе средств на памятник русскому революционеру Михаилу Александровичу Бакунину. От редакции газета писала: «Нам остается прибавить, что, несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников».

Пожалуй, трудно найти в европейском революционном движении 40—60-х годов прошлого века более беспокойную и противоречивую личность, чем Бакунин. Вспоминая о начале дружбы с ним, Белинский писал, что в Бакунине его «пленило движение жизни, беспокойный дух, живое стремление к истине...».

Гонимый этим «беспокойным духом», Бакунин действительно появлялся там, где назревали революционные события, шли ожесточенные бои. В 1848—1849 годах его видели на баррикадах Парижа и Берлина, среди руководителей Пражского и Дрезденского восстаний. Дважды его приговаривали к смертной казни, 8 лет провел он в западноевропейских и русских казематах самого строгого режима, 4 года — в ссылке в Сибири и более двух десятилетий, до конца жизни — в эмиграции.

Михаил Александрович Бакунин родился 18 мая 1814 года в селе Прямухино Новоторжокского уезда Тверской губернии. Его родители происходили из старинных дворянских родов. По материнской линии Бакунин был в родстве с Муравьевыми, давшими России видных участников движения декабристов. Отец Михаила Александровича был образованным человеком, преклонявшимся перед французскими просветителями XVIII века. Получив образование за границей и даже защитив философскую диссертацию в Падуанском университете, он долго служил при российских посольствах в разных государствах. Большая семья — у Бакунина было четыре сестры и пять младших братьев — воспитывалась в дружбе и согласии. Литература, музыка, живопись с ранних

лет входили в круг ее интересов. Не последнюю роль играли рассказы отца. Он занимался с детьми историей, физикой, космографией, географией...

В 1828 году Бакунин был отправлен в Петербург для учебы в юнкерском артиллерийском училище. Здесь он столкнулся с нравами, которые резко отличались от всего, что окружало его ранее. «Я вдруг узнал всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни», — вспоминал он впоследствии. В январе 1833 года Бакунин был произведен в офицеры и отправлен на службу в армейскую часть, расположенную в захолустном местечке Гродненской губернии. В это время он много читает, размышляет о будущем. Он мечтает о том, чтобы «жить для своих братьев, указывать им путь к истине, вырывать у природы ее тайны, чтобы открывать их человечеству, подавлять силою своей идеи материю и привычки...» [1]. Но препятствием к этому является служба, к которой он не чувствует никакого призвания. В 1835 году Бакунин тайком от отца вышел «по собственному желанию» в отставку.

Поселившись в Москве, Бакунин написал отцу, что он ни в какой помощи не нуждается, так как думает зарабатывать средства к жизни математическими уроками. Этот решительный шаг был им сделан в значительной мере под влиянием знакомства с кружком Н. В. Станкевича.

Члены кружка Станкевича увлекались немецкой идеалистической философией. Проблема человека, его назначение — вот что волновало Н. В. Станкевича и его друзей. Здесь же М. А. Бакунин встретился с будущими революционерами-демократами В. Г. Белинским, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым.

В этот период в России, по выражению Бакунина, все «низкое, грубое, пресмыкательное, жестокое и подлое воссело на престоле вместе с императором Николаем». В развитии русского освободительного движения это был переломный период — период кризиса дворянской революционности, появления новых идей и тенденций. Осмысливая причины поражения декабристов, революционеры все больше начинали задумываться о народе, его роли и месте в общественном движении.

В эти годы Бакунин — последователь философии Г. Гегеля. «Кто не жил в то время, — вспоминал впоследствии Бакунин, — тот никогда не поймет, до какой

степени было сильно обаяние этой философской системы в тридцатых и сороковых годах. Думали, что вечно искомый абсолют, наконец, найден и понят, и его можно покупать в розницу или оптом в Берлине». В мае 1837 года Бакунин восторженно писал сестрам: «Гегель дает мне совершенно новую жизнь. Я целиком поглощен им».

Бакунин настолько овладел философией Гегеля, что после отъезда Станкевича сделался в кружке общепризнанным ее толкователем и проповедовал ее в бесчисленных письмах и разговорах всем своим знакомым.

«Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без устали с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения, — вспоминал Герцен. — И он всегда готов был разъяснять, объяснять, повторять, без малейшего догматизма. Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума — вот что было тогда его знамением, и для освобождения мысли он вел войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, он станет революционером, пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде»[2].

Однако Бакунин, как и многие другие члены кружка, вместе с диалектикой Гегеля воспринял и его практический вывод — все действительное разумно, — который вел его к примирению с крепостническими порядками и всевластием самодержавия в России. Лишь постепенно, под влиянием антифеодальной борьбы крестьянства он начал преодолевать этот пагубный для себя вывод. Но окончательно Бакунин освободился от «философского колпака Гегеля» после отъезда в 1840 году за границу, в Германию. Приехав в Берлин для более глубокого изучения философии, он оказывается втянутым в водоворот политических страстей, потрясений, происходивших в Европе, становится свидетелем первых революционных выступлений пролетариата. Восстания лионских рабочих и силезских ткачей, чартизм в Англии — все эти события вызывают у Бакунина искренний интерес к самому бедному, самому угнетенному классу.

Одновременно будущий революционер продолжает заниматься научно-литературной деятельностью. Но если

первые его работы, написанные еще в примиренческом, гегелевском духе вызывали возмущение у Герцена, то появившуюся в 1842 году в «Немецком ежегоднике» статью «Реакция в Германии. Очерк француза» последний горячо приветствовал. Эта статья знаменовала переворот в воззрениях Бакунина. Речи о примирении с действительностью здесь уже не было. Напротив, статья звучала как революционный призыв. Автор утверждал, что в повестке дня стоит вопрос о революции. Революция неизбежна, она созревает, нарастает не только в Европе, но даже в России, а народные массы, порабощенные, угнетенные и эксплуатируемые, с надеждой ожидают ее. Все содержание, весь смысл статьи сводился к той мысли, что развитие исторического процесса неуклонно ведет к разгрому реакции и победе революции. В статье Бакунин впервые провозгласил лозунг, которому остался верен до конца жизни: «Доверимтесь же вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни».

Статья о реакции в Германии получила широкий отклик и самые благоприятные отзывы. Герцен, первое время не знавший имя автора статьи, записал в своем дневнике: «Художественно превосходная статья. И это чуть ли не первый француз (которого я знаю), понявший Гегеля и германское мышление. Это — громкий, открытый, торжественный возглас демократической партии, полный сил, твердый обладанием симпатии в настоящем и всего мира в будущем... Вся статья от доски до доски замечательна». А узнав, что это дело рук Бакунина, сообщал о нем: «Он смывает прежние грехи свои. Я совершенно примирился с ним».

После «Реакции в Германии» саксонское правительство стало особенно подозрительно относиться к Бакунину. В 1843 году он был вынужден переехать в Швейцарию, где начинает вести революционную агитацию, направленную против реакционных германских правительств. Но здесь его деятельностью заинтересовалось русское посольство, и Бакунин в начале 1844 года тайком уезжает из Швейцарии сначала в Брюссель, а потом в Париж, где знакомится с К. Марксом и Ф. Энгельсом. К этому периоду относится и его сближение с П. Прудоном. Связи Бакунина с западноевропейским социалистическим движением значительно расширились.

Логика борьбы заставляет Бакунина открыто выступать против русского самодержавия и крепостничества, высказываться в пользу польского национально-освободительного движения. Связи Бакунина «со всеми главными лицами, злоумышляющими об изменении настоящего порядка вещей в государствах», как доносило III отделение, обратили на себя внимание царского правительства. По указанию царя С.-Петербургский надворный уголовный суд и палата уголовного суда присудили Бакунина к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на каторжные работы. Так Николай I решил судьбу «отставного прапорщика».

Бакунин становится одним из первых русских политических эмигрантов. Но превратности судьбы не очень-то пугают молодого человека. В Париже он с головой уходит в жизнь французских социалистов. Его захватывает атмосфера острой политической борьбы между радикальной буржуазией и реакционным правительством Луи Филиппа, радует растущее рабочее движение. Особенно сильное впечатление произвел на Бакунина в это время Прудон с его требованием свободы личности, с его отрицанием государства. Прудон сыграл огромную роль в развитии идей Бакунина. Впоследствии сам Бакунин неоднократно называл его своим учителем.

Осенью 1847 года в Париже на собрании в память Польского восстания 1830—1831 годов Бакунин произнес речь, в которой обличал царизм, предсказывал неизбежность революции в России и от имени передовой России призывал поляков к союзу во имя освобождения всех славян. За эту речь, по просьбе русского правительства, Бакунина выслали из Франции в Брюссель. В феврале 1848 года в Париже разразилась революция, охватившая вскоре почти все страны Западной Европы. Бакунин, по словам А. И. Герцена, «с головой нырнул в революционное море». Русский революционер оказался в самой гуще событий: он развертывает бурную деятельность в революционном Париже, принимает непосредственное участие в Пражском восстании 1848 года. После подавления восстания Бакунин бежал в Бреславль, откуда надеялся организовать новое революционное выступление. Восстание в Дрездене изменило планы молодого эмигранта. Бакунин стал одним из руководителей восстания. Со всем пылом взялся он за организацию революционной власти и защиту города от прус-

ских войск. Наконец-то бывшему офицеру помогли его познания в военном деле. Впрочем, это не мешало ему проявлять политический авантюризм. Бакунин внес предложение поставить на городские стены самые дорогие и лучшие картины из Дрезденской галереи для защиты города. Мол, пруссаки «слишком образованны», чтобы стрелять в такие произведения искусства.

После подавления восстания Бакунин с двумя товарищами, одним из которых был композитор Рихард Вагнер, попытался укрыться в пограничном городке. Вагнеру удалось спастись, а Бакунин был схвачен и выдан прусским властям. Первое время его держали в тюрьме в Саксонии. Здесь в январе 1850 года Бакунин был приговорен к смертной казни, которую заменили вечным заключением в крепости. В крепости Бакунина настигла «карающая рука» австрийского правосудия — нужно было «расплачиваться» за участие в Пражском восстании! По требованию австрийского правительства Саксония выдала Бакунина Австрии. И снова суд, снова приговор к смертной казни через повешение. Но и на сей раз Бакунина «помиловали», приговорив к бессрочному одиночному заключению.

В австрийских тюрьмах Бакунина держали прикованным к стене, не снимая ручные и ножные кандалы. И тем не менее он казался опасным австрийскому правительству. Поэтому оно предпочло в 1851 году отдать его своему союзнику Николаю I. В результате этого акта через 11 лет Бакунин снова оказался в России. Николай I торжествовал. Наконец-то этот отставной прапорщик, этот вольнодумец в его руках! Здесь его заточили сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбургскую крепость. Из Петропавловской крепости Бакунин обратился к «всемилостивейшему государю» Николаю I с письмом-исповедью, в котором рассказал о революционных событиях в Европе и своем участии в них. Форма этого документа была несовместима с этикой революционера, носила характер покаяния. Но Николай Палкин не спешил облегчить участь государственного преступника. Лишь после смерти Николая, когда Бакунин вторично обратился с прошением к новому царю, Александр II в 1857 году согласился на замену тюремного заключения ссылкой в Сибирь. А позади — 8 лет одиночного заключения в саксонских, австрийских, русских крепостях. После четырех-

летнего пребывания в Сибири Бакунину удалось бежать, совершив при этом почти кругосветное путешествие. «В Америке, — писал он, — пробыл месяц и многому поучился. Увидел, как край этот путем демагогии дошел до тех же жалких результатов, каких мы достигли путем деспотизма». Пребывание в Америке сыграло некоторую роль в образовании позднейших анархических взглядов Бакунина, в отрицании им разницы между демократией и деспотизмом. В Лондоне, куда революционер прибыл в 1861 году, он сразу же примкнул к герценовскому «Колоколу», хотя и не разделял многих взглядов лондонского эмигранта.

Долгие годы тюрьмы и ссылки не сломили революционного духа Бакунина, но он заметно отстал от жизни. В новом подъеме революционного и национально-освободительного движения 60-х годов на историческую арену более активно выходит пролетариат. Благоприятная обстановка создавалась для возникновения первой массовой международной революционной организации пролетариата — Международного Товарищества Рабочих. Жизнь все более убедительно подтверждала правоту идей марксизма. А Бакунин по-прежнему опирался на концепцию, которая впитала в себя самые разнообразные мелкобуржуазные теории.

В конце 1864 года Бакунин вступил в Международное Товарищество Рабочих, но фактически вел работу против Интернационала. В 1867 году Бакунин принял активное участие в деятельности буржуазной пацифистской «Лиги мира и свободы», основанной в противовес Интернационалу. Он носился с планами объединения «Лиги» с Интернационалом: пролетариат, мол, поддержит буржуазию в ее борьбе за буржуазно-демократические свободы, а буржуазия, в свою очередь, поможет делу экономического освобождения пролетариата.

Затея кончилась провалом, и Бакунин вышел из «Лиги». Он основал анархистский «Международный альянс социалистической демократии», который должен был, сохранив свою структуру и программу, вступить в Интернационал. Это была попытка «изнутри» завоевать, подчинить пролетарскую организацию. Руководимый Марксом Генеральный совет категорически отклонил эти попытки, потребовав роспуска «Альянса» и вхождения его на правах секции в Интернационал. Бакунин принял эти условия. Но и после этого он не оставил надежду

нспользовать пролетарскую организацню в своих целях, вел раскольннческую полнтику внутри Товарнщества.

Борьба Маркса н Энгельса протнв анархизма была глубоко прннципиальной, идейной борьбой и имела громадное значение для развнтия теорнн научного коммунизма. В этой борьбе основоположники марксизма отстанвалн организационную самостоятельность Интернационала, выступали против попыток свернуть рабочее движение в русло анархнзма. «...Эти люди, — писал Энгельс, — профессиональные сектанты, которые составляют ничтожное меньшинство в Интернационале... требуют низведения Генерального совета до ролн простого информацнонно-статистического бюро». В борьбе с анархнзмом Маркс и Энгельс создали такие выдающиеся работы, как «Альянс социалнстической демократии и Международное Товарнщество Рабочнх», «Мнимые расколы в Интернационале», «Бакунисты за работой», «Политическнй индифферентизм», «Об авторитете». Особый интерес представляют критнческне замечания Маркса на основную работу Бакунина «Государственность и анархия», вышедшую в 1873 году, которые касаются важнейших вопросов сущностн государства.

Бакуннсты были врагами днктатуры пролетарната, днсциплинированной рабочей партнн н полнтнческой борьбы. По их утверждениям, все это было несовместимо со свободой личности. Во имя нндивидуалнстнческн понимаемой свободы лнчности они не только отрнцали необходнмость организованного пролетарского двнження, но и всячески стремнлнсь разрушнть созданную Марксом и Энгельсом международную пролетарскую организацию — I Интернацноиал. Поэтому Маркс н Энгельс счнталн бакунизм злейшим врагом рабочего движения.

Напряженная борьба Маркса и Энгельса против бакуннзма была борьбой за исторические судьбы рабочего движения. Разоблачая анархистскую концепцию Бакунина, Маркс и Энгельс показали, что историческая необходимость диктатуры пролетариата вытекает из непримиримостн классовых интересов пролетарната и буржуазин. Днктатура пролетарната необходнма для построения коммунизма.

Последовательная борьба Маркса и Энгельса с Бакуниным закончнлась полным разгромом бакунизма. Гаагский конгресс Интернационала 1872 года исключил Бакунина нз своих рядов. К концу 80-х годов XIX века

бакунизм перестал существовать как идейное и политическое течение, хотя отдельные идеи Бакунина время от времени возрождались в той или иной форме. Заслуга в разгроме ряда обновленных течений бакунизма принадлежит В. И. Ленину, открывшему новый этап в истории борьбы марксизма с анархизмом.

В 1870 году началась франко-прусская война. Уже после первых поражений французских войск возникли массовые стихийные демонстрации рабочих в Париже, требовавших свержения бонапартистского режима Наполеона III, провозглашения республики, вооружения всех граждан, способных носить оружие. 18 марта 1871 года была провозглашена Коммуна. Наступил новый этап и в развитии Интернационала, который вступил в период утверждения политической программы рабочего движения.

Бакунин, хотя и принял участие в выступлении лионского пролетариата, не верил в успех революции. Но выражал огромное уважение парижским пролетариям. «Чем бы ни кончилось, — писал он Огареву, — а надо сказать, что молодцы. В Париже нашлось именно то, чего мы тщетно искали в Лионе и Марселе: организация и люди, решившиеся идти до конца. Вероятно, они будут побеждены. Но вероятно то, что для Франции отныне не будет другого существования, кроме социальной революции». Он писал, что парижские рабочие высоко подняли революционное знамя.

Выступления Бакунина в защиту Коммуны привлекли к нему многочисленных сторонников среди рабочих. Тогда же Бакунин издал два важных сочинения — «Письма к французу о современном кризисе» и «Кнуто-германская империя и социальная революция», в которых изложил свои взгляды на положение в Европе и на задачи социальной революции. В Сонвилье, выступая с лекциями перед рабочей аудиторией, он говорил о ведущей роли рабочих в социальной революции, о необходимости их союза с крестьянством. Опыт Коммуны подсказал ему необходимость организации рабочих. «Единственный класс, который действительно открыто носит ныне в своих недрах революцию, есть класс городских рабочих», — формулировал он свою точку зрения в работе «Кнуто-германская империя».

Так рабочее движение дало урок Бакунину, заставило его отойти от утопических представлений о народе

вообще и приблизиться к истинному пониманию роли пролетариата в социальной революции. Однако в борьбе с марксизмом Бакунин опирался на анархистски истолкованный им опыт Парижской коммуны, который заключался, по его мнению, в попытке уничтожения всякого государства, осуществлении принципов федерализма и анархии. Как отмечал В. И. Ленин, анархисты «не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал»[3]. Парижскую коммуну анархисты пытались объявить, по словам В. И. Ленина, «своей», доказывающей их учение, утверждая, будто она уничтожила централизм и ввела федерализм. «Я сторонник Парижской коммуны, — писал Бакунин, — в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием государства».

В этой связи уместно привести оценку анархистской доктрины Бакунина К. Марксом и Ф. Энгельсом. «Анархия, — писали они, — вот боевой конь их учителя Бакунина, заимствовавшего из социалистических систем одни лишь ярлыки. Все социалисты понимают под анархией следующее: после того как цель пролетарского движения — уничтожение классов — достигнута, государственная власть, существующая для того, чтобы держать огромное большинство общества, состоящее из производителей, под гнетом незначительного эксплуататорского меньшинства, исчезает, и правительственные функции превращаются в простые административные функции. Альянс ставит вопрос наоборот. Он провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует от Интернационала, чтобы в тот момент, когда старый мир стремится его раздавить, он заменил свою организацию анархией. Международной полиции ничего больше и не требуется для того, чтобы увековечить республику Тьера, прикрыв ее императорской мантией»[4].

Последние годы жизни Бакунина были периодом глубоких разочарований и духовного кризиса. Бакунин видел, что его теория и тактика не нашли отклика у большинства организованных рабочих. Попытки анархистов

поднятые летом 1873 года восстание в Испании, а в августе 1874 года в Италии, в котором участвовал сам Бакунин, кончились полным провалом и облегчали путь для усиления реакции, захлестнувшей Европу после разгрома Парижской коммуны.

Занимаясь революционным делом, Бакунин совершенно не заботился о своем личном устройстве, постоянно испытывал материальные затруднения. Поношенность одежды, крайняя бедность обстановки, минимальность его личных потребностей всегда отмечались теми, кто что-либо писал о нем. «Одет он был всегда в одно и то же весьма истасканное платье, — свидетельствует современник, — ел едва достаточную пищу, даже постели удобной у него не было: на его узенькой железной кровати с трудом умещалось его громадное тело. Она была ему коротка, вся шаталась и скрипела, а большой старый платок, служивший одеялом, покрывал его еле-еле. Единственной его роскошью был табак и чай. Курил он целый день, не переставая, и целую ночь с небольшими перерывами сна, когда боли давали спать».

Но работал Бакунин много, и до последних дней своей жизни. Умер он 1 июля (19 июня) 1876 года в Берне, так и не поняв, что его теория и тактика ошибочны.

Роль Бакунина в международном революционном движении не может быть определена однозначно. Она достаточно сложна и противоречива. Это был революционер, посвятивший всю жизнь делу освобождения трудящихся от эксплуатации и угнетения. Он разоблачал деспотические режимы и буржуазные порядки, звал народные массы к революции и сам участвовал в революционных боях, доказывал, что только социалистическое общество, основанное на коллективном владении средствами производства, сделает невозможным порабощение человека человеком, обеспечит равенство, свободу и справедливость. Он был великолепным, прирожденным оратором. «Громкие слова, возгласы, удары грома, рычанье льва, сверкание молнии, рев бури, что-то стихийное, поражающее, непостижимое, — писал о Бакунине Ю. Стеклов. — Этот человек был создан для революции. Революция была его естественная стихия...»

Деятельность Бакунина оказала заметное революционизирующее воздействие на современников. Особенно сильным было влияние Бакунина в России, которая оставалась еще страной с сильными пережитками феодально-

крепостнических отношений. Пролетариат как класс только зарождался. В этих условиях бакунизм попал на благоприятную почву, воспринимался как «бунтарство», как средство борьбы крестьянских масс за освобождение от крепостнического гнета. Ссылаясь на восстания под руководством Разина и Пугачева, Бакунин доказывал возможность крестьянского восстания в масштабах всей страны.

В 1873 году в России появилась книга Бакунина «Государственность и анархия». Эту книгу по праву можно назвать библией анархизма. В ней содержится законченное изложение идеалистических, субъективистских взглядов Бакунина на общественную жизнь, на происхождение наций, государства, на социальную революцию. Распространение этой книги в России способствовало упрочению бакунизма в виде одного из течений народничества.

Буржуазно-демократическую революцию Бакунин, а вслед за ним и народники выдавали за социалистическую, отождествляя мелкобуржуазные интересы крестьянства с социалистическими требованиями рабочих. Как указывал В. И. Ленин, в этих социалистических теориях народников не было ни грана действительного социализма. Тем не менее по своему объективному содержанию теория «крестьянского социализма» выражала стремление широких крестьянских масс полностью уничтожить помещичье землевладение и расчистить пути для свободного развития капитализма. Ленин писал, что «созидательные планы народников — утопия. Но в их созидательных планах есть элемент разрушительный по отношению к средневековью. А этот элемент совсем не утопия. Это — самая живая реальность. Это — самая последовательная и прогрессивная реальность с точки зрения капитализма и пролетариата»[5].

Бакунинская концепция будущего, по существу, пропагандировала распад общества на целый конгломерат замкнутых хозяйственных единиц. Концентрация труда и собственности в рамках этих ассоциаций, отсутствие единой центральной власти, координирующей производство в масштабах всего общества, — эти качества анархии привели бы к ведению производства замкнутыми, конкурирующими между собой единицами. При этом у Бакунина и речи нет о необходимости планирования общественного производства. Его идеи, по существу, —

проповедь жизнеспособности русской общины, которая якобы являлась ячейкой социализма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «именно бакунисты распространяли в России предрассудки о чудесных свойствах русской сельской общины» (Плеханов).

Особенно широко анархические взгляды Бакунина были распространены в организациях «Земля и воля» и «Черный передел». Маркс писал о чернопередельцах, что «эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»[6]. В связи с этой оценкой Марксом теоретической и политической линии чернопередельцев Ленин писал: «Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом...»

Однако попытки народников применить идеи Бакунина на практике не дали желаемого результата. В период «хождения в народ», убедившись в тщетности попыток поднять крестьян на революцию, народники в своем большинстве отказались от бакунизма.

Анархистское мировоззрение Бакунина выражало настроения разорявшихся масс крестьянства и мелкой буржуазии, вливающихся в рабочий класс. Бакунин возлагал главные надежды на крестьянство и на ремесленников, полупролетарские слои города, на люмпен-пролетариат. Объективно бакунинский анархизм и бунтарская революционность были отражением недовольства и протеста разоряемых капитализмом мелкобуржуазных масс. «В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки», — писали о бакунизме Маркс и Энгельс. По идее Бакунина первопричиной всякой эксплуатации являлось государство, государство вообще, поэтому цель революции он видел прежде всего в его ликвидации. Поэтому он выступал не только с разоблачением самодержавия и буржуазного государства (в этом была положительная сторона его агитации), но и против диктатуры пролетариата.

Поскольку Бакунин не осознал сущности классового антагонизма, он не мог себе представить, над кем будет господствовать пролетариат. Приписывая марксизму

враждебное отношение к крестьянству, он полагал, что марксизм имеет в виду господство пролетариата над крестьянством. Маркс решительно заклеймил клеветнические утверждения анархистов, будто бы пролетариат, установив свое господство, станет угнетать крестьянство, будто бы крестьянство вообще не пользуется «благорасположением марксистов».

Непонимание закономерностей развития капиталистического общества привело Бакунина к выводу о необходимости ликвидации государства вообще: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо — вот почему мы враги государства».

Поэтому революция для Бакунина была главным образом средством универсального разрушения. В его «Катехизисе революционера», который является сборником основных принципов анархизма, прямо говорится, что революционер «знает только одну науку — науку разрушения».

В конечном счете Бакунин делал вывод о необходимости уничтожения всякого государства и установления безгосударственного строя — анархии. Анархия противопоставлялась им всякому обществу, где есть государство. При этом главным объектом его критики государства с позиций анархизма была диктатура пролетариата. Это была глубоко вредная теория, она делала рабочий класс, народные массы безоружными в борьбе против эксплуататоров, делала неизбежной реставрацию капитализма.

В. И. Ленин указывал, что государство нужно пролетариату для построения коммунизма: «Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса»[7].

Бакунин придерживался взгляда, что всякая власть действует на человека, облеченного ею, «развращающе». Поэтому, говорил он, «работники», которые войдут в правительство, «перестанут быть работниками», станут угнетателями. Такова, добавлял он, «природа человека». Отношение Бакунина к диктатуре пролетариата опреде-

лялось его анархистской концепцией, согласно которой «власть уничтожает свободу, поэтому в обществе не должно быть места власти». Принцип свободы — это социологическое кредо Бакунина — означает не что иное, как абсолютную свободу индивида от всякого внешнего воздействия. Принцип индивидуализма, лежащий в основе анархистского идеала, взят на вооружение из арсенала буржуазной политической науки. Именно поэтому В. И. Ленин указывал, что анархизм — это «вывороченный наизнанку буржуазный *индивидуализм*».

Классики марксизма вскрыли характерный для Бакунина разрыв экономики и политики. Маркс указывал на Базельском конгрессе I Интернационала, что право наследования, в уничтожении которого анархисты видели одно из условий экономического освобождения, имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал при жизни, а именно «*право* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*».

Отмена права наследования, если ее выдвинуть как программную цель пролетарской борьбы, не была бы направлена на свержение капитализма. Если частная собственность на орудия и средства производства будет уничтожена, тогда отпадает вопрос об отмене права наследования. Поэтому Маркс считал, что включение в программу Интернационала как отправного пункта об отмене права наследования будет «ошибочно теоретически и реакционно на практике».

Бакунин выступал против частной собственности и эксплуатации. Он понимал, что капитализм несет с собой угнетение и нищету для трудящихся.

Однако на практике, выражая интересы мелкой буржуазии, Бакунин требовал прежде всего уничтожения государства, видел в нем, а не в капитале, главное зло общества. Не понимая исторической роли рабочего класса, Бакунин все надежды возлагал на крестьянство. Крестьянин, по его мнению, «социалист по инстинкту и революционер по натуре». Задача революционера — поднять крестьян на революцию, возглавить стихийный крестьянский бунт, в результате которого должна быть уничтожена всякая государственность.

Убежденный, что его идеи несут освобождение трудящимся, Бакунин пытался повернуть рабочее движение на анархистский путь. Борьбу за политические сво-

боды Бакунин отрицал. По его убеждению, не принося народу улучшения, усиливая лишь буржуазию, она отвлекает массы от бунтарских настроений, развращает их государственными иллюзиями. Государственные формы, по мнению Бакунина, не играли никакой роли. Он даже не замечал особой разницы между монархией и республикой: народу отнюдь не будет легче, «если палка, которою его будут бить, будет называться палкой народною». Маркс и Энгельс показали, что отрицание участия пролетариата в политической борьбе ведет к подчинению рабочих буржуазной политике, а отрицание необходимости диктатуры пролетариата — к отрицанию необходимости самостоятельной политической партии.

Положительной стороной деятельности Бакунина в его время были выступления против религии. Он считал религию одним из препятствий на пути к свободе, а ее уничтожение — условием освобождения личности.

Всюду, где бывал, действовал и работал Бакунин, он проповедовал ненависть к существующему строю, зажигал огонь восстания, поднимал революционный дух и энергию. Он явился выразителем революционных идей допролетарского периода.

Теория и тактика анархизма давно изжили себя, а память о революционере Бакунине осталась. Осталась потому, что в меру своего понимания и сил он самоотверженно боролся за торжество революции. Сильные стороны Бакунина — его стремление работать в народе, для народа, его бескомпромиссная ненависть к либерализму, его вера в великое будущее России — были восприняты в числе лучших революционно-демократических традиций пролетарскими революционерами. Поэтому, не забывая, что анархистская теория Бакунина уводила рабочее движение в сторону от научного коммунизма, нельзя не отдавать должное смелости и революционной энергии этого мужественного борца против царского самодержавия в России и всевластия капитала в Западной Европе. В этой жестокой схватке он оставил свой заметный след.

Ожидание близкой революции

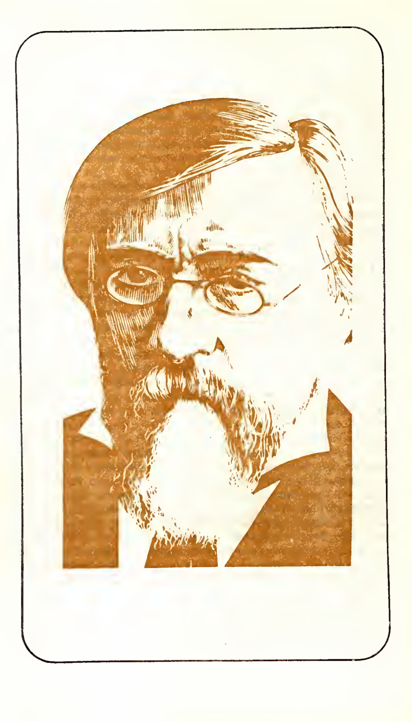
Двадцатилетний юноша пишет в своем дневнике: «В сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если только буду убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют... даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их, и сладко будет умереть, а не горько, если только в этом буду убежден». Рассуждая сам с собой, он заключает: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции!»

И действительно, автор этих слов никогда не дорожил своей жизнью «для торжества свободы» и «уничтожения нищеты и порока».

Николай Гаврилович Чернышевский — великий русский революционный демократ, ученый, писатель, литературный критик, один из выдающихся предшественников русской социал-демократии — родился 24 июля 1828 года в Саратове в семье священника. По социальному положению он принадлежал к разночинцам, сыгравшим большую роль в истории русского освободительного движения.

С семи лет под руководством отца Гаврилы Ивановича, человека образованного, начитанного, началась учеба Николая. В его духовном развитии особенно большую роль играли книги. В 1842 году, пройдя в домашней обстановке программу духовного училища, 14-летний Чернышевский становится учеником саратовской семинарии. Это церковное заведение «славилось» схоластической системой преподавания, невежеством большинства учителей. Это особенно было понятно для начитанного Чернышевского, который имел обширные знания по многим предметам. Еще до поступления в семинарию Николай Гаврилович изучил латинский, греческий, еврейский, французский, польский, немецкий языки. В семинарии он освоил татарский и арабский. Среди товарищей молодой Чернышевский пользовался всеобщим уважением не только за ум и познания, но и за дружескую готовность помочь.

Восемнадцати лет Николай Гаврилович решил оставить семинарию. В 1846 году он поступает в Петербург-

ский университет на историко-филологическое отделение. Отец одобрил желание сына навсегда отказаться от мысли стать священником. В письме двоюродному брату А. Пыпину Чернышевский писал: «Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира... выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества... И да совершится через нас хоть частию это великое событие! И тогда не даром проживем мы на свете... Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого?» [1]

В университете Чернышевский подружился со студентом М. Л. Михайловым, впоследствии известным поэтом-революционером, погибшим на каторге. Михайлов был внуком вольноотпущенного крестьянина. В его лице Чернышевский встретил хорошего товарища и блестящего знатока мировой литературы. Сближала их и общность социальных взглядов. Впоследствии Чернышевский говорил, что именно Михайлов дал ему первый толчок к быстрому развитию. Их знакомство содействовало расширению кругозора Чернышевского по вопросам литературы и политики. «Чрезвычайно умная голова» — так отзывался Чернышевский о Михайлове.

Серьезное влияние на формирование революционных взглядов юного Чернышевского оказало его участие в кружке прогрессивного педагога и литератора И. И. Введенского. Здесь в ноябре 1848 года он познакомился с петрашевцем Ханыковым, который подробно рассказал ему о французском мыслителе Фурье, его учении о преобразовании общественного устройства на справедливых началах и рекомендовал познакомиться с сочинениями этого автора. Ханыков был умным, всесторонне образованным собеседником, оказал самое благотворное влияние на Чернышевского. Николай Гаврилович заинтересовался Фурье и сразу же сумел обнаружить в его учении зародыши великих истин. Несмотря на мистическую их окраску, он увидел в книгах Фурье истоки плодотворных социальных идей, которые получили дальнейшее развитие в замечательном произведении Чернышевского «Что делать?». Читая Фурье, Чернышевский отмечает, что «виден ум — решительно во всем новый, но странностей бездна».

По совету все того же Ханыкова Чернышевский проштудировал немецкую философскую литературу, прежде

всего Гегеля и Фейербаха. Материализм последнего, его критика религии заставили Чернышевского пересмотреть многое в своих взглядах. К 1850 году он становится убежденным и воинствующим атеистом.

«Я почти совершенно, от души предан учению Фейербаха», — записывает Чернышевский в дневнике. В последующие годы жизни, развивая и углубляя материалистическую философию, он создает систему взглядов, которая оставила позади себя пассивную, созерцательную, метафизическую философию Фейербаха.

Меняются и политические воззрения Чернышевского. Если в середине 40-х годов он мечтал заняться просветительской деятельностью, то к концу десятилетия, особенно после революционных событий в Западной Европе и дела петрашевцев, решает отдать свои силы распространению революционных идей, чтобы подготовить народ к свержению царизма.

Он становится, по собственному выражению, решительным сторонником «социалистов, коммунистов и крайних республиканцев». Анализ опыта революции 1848 года привел его к выводу, что мирный путь общественных преобразований невозможен, что только революция может освободить трудящихся от ярма рабства. В мае 1850 года Чернышевский писал Михайлову, что «с февраля 1848 года и до настоящей минуты все более и более вовлекаюсь в политику и все тверже делаюсь в ультра-социалистическом образе мыслей».

...В середине прошлого века Россия переживала один из самых мрачных этапов своей истории. «Моровой полосой» называл Герцен период с 1825 по 1855 год. Многомиллионное крестьянство изнывало в крепостном рабстве. В стране господствовали полицейский произвол, жестокая помещичья эксплуатация. Крепостное право держало в своих тисках подавляющее большинство народа, нищего, голодного, разутого, раздетого. Молодежь загонялась в царские казармы на двадцать пять лет! Телесные наказания, палочная расправа подавляли малейшее проявление протеста. В этой обстановке процветало казнокрадство, взяточничество. Слова «вольный дух» вычеркивались даже из поваренных книг.

Чернышевский предвидел перемены и готовился к ним. Осознание происшедшего и происходящего становится все более глубоким, предчувствие будущего —

все более определенным. В результате глубокого изучения трудов великих социалистов-утопистов и немецких философов в Чернышевском окончательно созрела ненависть к деспотизму, крепостничеству и самодержавию.

За неделю до выпускных экзаменов Чернышевский получил известие о том, что в Саратове освободилось место учителя. В 1851 году новый учитель словесности переступает порог саратовской гимназии. «В Саратове я нашел еще бо́льшую глушь, чем нашли вы в Нижнем», — пишет о первых впечатлениях Чернышевский Михайлову два месяца спустя.

В затхлой периферийной обстановке уроки Чернышевского были необычайно новыми и интересными. Он ежедневно возвращался домой в окружении множества учеников, с которыми вел дружеские беседы. В январе 1853 года Чернышевский в доме родственников познакомился с Ольгой Сократовной Васильевой, а в феврале сделал ей предложение.

Это было довольно странное, неожиданное предложение. «У меня такой образ мыслей, — говорил 25-летний Чернышевский своей будущей жене, — что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят в крепость бог знает на сколько времени. Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой».

Ольгу Сократовну не испугали будущие трудности. Она дала свое согласие.

Свадьбу, омраченную неожиданной смертью матери Чернышевского, сыграли весной 1853 года. Вскоре молодые оставляют Саратов и переезжают в Петербург. По прибытии Чернышевский активно взялся за реализацию намеченных многочисленных планов. Главным его желанием было выступить на литературном поприще. Но он понимал, что для этого требуются время и подготовка. Поэтому ближайшей целью стало получение ученой степени, что давало право на кафедру в университете. Он поступил учительствовать и подал прошение попечителю учебного округа на допуск к магистерским экзаменам.

Семейная жизнь в столице требовала немалых расходов. Поэтому Чернышевский не ограничивался уроками. Он дает частные уроки, получает правку корректур, сотрудничает в журналах. Спустя десять лет, вспоминая эти годы, он писал: «У кого есть состояние, может

делать только то, что ему нравится; у кого нет состояния, печатает не для славы, а по житейской необходимости, работает не из удовольствия, а из необходимости».

Успешно продвигается работа над диссертацией «Эстетические отношеиия искусства к действительности», в которой он решил показать реакционную сущность идеалистнческих представлений об искусстве и противопоставить нм революционно-материалистическую эстетнку, отразить в ней традиции передовой философской мысли России. Защита диссертации состоялась в мае 1855 года. Писатель Н. В. Шелгунов вспоминал: «Небольшая аудитория, отведенная для диспута, была бнтком набита слушателямн. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров н статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах. Я тоже был в числе этих, а рядом со мной стоял Сераковский (офицер генеральиого штаба, впоследствии принявший участне в польском восстании н повешенный Муравьевым. — *Авт.*). Чернышевский защищал диссертацию со своей обычной скромностью, но с твердостью непоколебимого убеждения». Чернышевский первым обосновал материалистнческую теорию нскусства. Его диссертация н поныне нмеет важное практнческое значение.

Осенью 1853 года Чернышевский начинает сотрудничать с популярным в демократической среде журиалом «Современник».

Уже первые публикации Чернышевского в журнале обратнли на себя внимание. Они отличалнсь поразительной эрудницией, глубиной мысли и последовательно демократическим направлением. За сравнительно короткий срок Чернышевским были написаны многочислениые работы по вопросам внутренней и международной политнки, философии, нстории, политнческой экономии, теории и истории литературы: «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Лессинг», «Критика философских предубежденнй против общинного владення», «Июльская монархия», «Антропологическнй принцип в философни», «Капитал и труд» и другие.

Чернышевскнй становится одним из руководителей журнала н его идейным вдохновителем. Многие публикацни по вопросам литературы он использовал для критики крепостнического строя и пропаганды революционн-

ных идей, выступал в защиту интересов широких крестьянских масс. В статье «О поземельной собственности» он, в частности, отмечал, что та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением, по его мнению, наиболее подходит к этому идеалу.

С резкой критикой, раскрывающей антинародный, грабительский характер реформы 1861 года, Чернышевский выступил в статье «Письма без адреса». Впрочем, цензура поспешила изъять ее из номера. Статья появилась лишь в 1874 году за границей, в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!».

Революционные демократы понимали, что народ пока еще к революции не готов. Поэтому они делали все возможное для легальной и нелегальной пропаганды своих идей. Журнал вел большую работу по подготовке масс к революции. По выражению Н. Г. Чернышевского, они стремились оказать «внешнее влияние» на крестьянина, внушить ему сознание великой роли в освобождении от самодержавного гнета. Особенно ярко эта идея была выражена в статье Чернышевского «Не начало ли перемены?», опубликованной в одиннадцатом номере журнала за 1861 год.

Революционный дух «Современника» не мог долго оставаться «без внимания» царских сатрапов. В июне 1862 года за «вредное направление» издание было приостановлено на восемь месяцев. Некрасову удалось добиться разрешения на выход журнала с февраля 1863 года, но Чернышевского уже не было в составе редакции. Арестованный царскими властями, он находился в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

В. И. Ленин, характеризуя Чернышевского как революционного демократа, указывал, что «...он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»[2]. Чернышевский верил в близость русской революции и намеревался принять в ней участие. «Меня не испугают, — говорил он, — ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». Сравнивая Чернышевского и Герцена, В. И. Ленин писал, что «Чернышевский был гораздо более последова-

тельным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы»[3]. Ближайшей задачей революционной демократии Чернышевский считал уничтожение крепостного права и решение аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства, а конечной его целью был социализм.

Особенно впечатляющей была деятельность Чернышевского в годы первой революционной ситуации, когда, по выражению В. И. Ленина, вся страна вслушивалась в могучую «проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»[4].

В своих публикациях Чернышевский наносил неотразимые удары по царскому самодержавию и крепостничеству, разоблачал буржуазно-либеральные иллюзии о благах реформы 1861 года. Не ограничиваясь проповедью идей крестьянской революции в своих статьях, он прямо обращается к народу и пишет нелегальную прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В ней Чернышевский обличал царизм, разъяснял крестьянам классовый характер власти царя как первого помещика и призывал их, не надеясь на его реформы, готовиться к восстанию.

В «Письмах без адреса», подводя итоги «освобождения» крестьян, Чернышевский показывал, что реформа враждебна интересам народа. Дворянство и дворянская власть, принявшие на себя проведение реформы, исходили прежде всего из своих корыстных интересов. Изменились только формы, а существо отношений между помещиками и крестьянами осталось прежним. Он образно сравнивал реформу с заплатой, наложенной на ветхую одежду. Как заплата не может предотвратить разрушения сгнившей ткани, так и реформа не спасет отживший самодержавно-помещичий строй: «Все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы во все новое, — штопать оно не хочет».

Царское правительство решило пресечь деятельность Чернышевского и его сторонников. Первой жертвой стал Михайлов, которому 14 декабря 1861 года на Сытной площади был публично объявлен судебный приговор: сослать на 12 лет на каторжные работы в Сибирь. День для этой «церемонии» был выбран не случайно. Дело в том, что в прокламации «К молодому поколению», которую Михайлов напечатал в герценовской типографии

в Лондоне и привез для распространения в Россию, призывалось готовиться «к той роли, какую вам придется играть... ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут их и вас на великое дело, а если нужно, и на славную смерть за спасение Отчизны, тени мучеников 14 декабря».

Перед отправкой Михайлова в Сибирь проститься с ним приехали в крепость Некрасов, Чернышевский с Ольгой Сократовной, Шелгунов и другие друзья. Такой визит был лишним доказательством «неблагонадежности» Чернышевского. Между тем революционное брожение в столице нарастало. Репрессии следовали одна за другой. Правительство закрывало воскресные школы, народные читальни, приостанавливало выпуск газет и журналов, в частности издание и «Современника». Чернышевский понимал, что последнее вызвано в значительной мере его собственными статьями.

В докладе шефа жандармов Долгорукова Александру II в апреле 1862 года предлагалось произвести одновременно строжайший обыск у пятидесяти подозреваемых лиц. На первом месте было имя Н. Г. Чернышевского. 7 июля 1862 года в квартире Чернышевского был сделан тщательный обыск. И хотя он ничего не дал и полиция не располагала какими-нибудь юридическими доказательствами нелегальной деятельности Чернышевского, тем не менее он был арестован и заключен в Алексеевский равелин, в котором содержались самые опасные преступники царского самодержавия. «Поводом» для обвинения Чернышевского послужило письмо Герцена к Н. А. Серно-Соловьевичу, перехваченное полицией, в котором была фраза: «Мы готовы издавать «Современник» здесь с Чернышевским или в Женеве».

Однако Чернышевский и в Петропавловской крепости не сложил оружия. За четыре месяца в карцере он написал роман «Что делать?». Чтобы успеть больше, он перешел от обычного письма к разработанной им системе скорописи, отказался от прогулок. 26 января 1863 года начало рукописи «Что делать?» было отправлено из крепости обер-полицмейстеру для передачи двоюродному брату Чернышевского Пыпину с правом напечатать ее «с соблюдением установленных для цензуры правил». Пыпин передал рукопись Некрасову, который решил начать ее публикацию в «Современнике», не дожидаясь конца романа. Он лично повез ее в типографию. Когда

Некрасов вернулся домой, он был очень взволнован и сказал жене, что с ним случилось большое несчастье: по дороге в типографию обронил рукопись романа Чернышевского «Что делать?».

5 февраля в «Ведомостях Санкт-Петербургской полиции» появилось объявление следующего содержания: «Потеря рукописи. В воскресенье 3 февраля во втором часу дня проездом по Большой Конюшенной от гостиницы Демута до угольного дома Каппера, а оттуда через Невский проспект, Караванную и Семеновский мост до дома Краевского, на углу Литейной и Бассейной, обронен сверток, в котором находились две прошнурованные по углам рукописи с заглавием «Что делать?». Кто доставит этот сверток в означенный дом Краевского, к Некрасову, тот получит пятьдесят рублей серебром». Это объявление трижды появлялось в «Ведомостях», но никто не откликался. Некрасов был в отчаянии. И только на пятый день, когда он обедал в Английском клубе, ему вручили записку: «Рукопись принесли...» Знала бы полиция, что содействовала розыску рукописи, которую она сразу же после публикации запретит.

В этом произведении Чернышевский воплотил в художественной форме те социалистические идеи, которые выдвигал в своих теоретических работах. Для многих читательских поколений роман явился учебником жизни, так как проблемы, затронутые в нем, волновали передовую русскую интеллигенцию: что делать, чтобы освободить страну от гнета самодержавия и крепостничества. «Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, добрее и смелее?» — писал о романе Г. В. Плеханов.

Автор с огромной страстью изобличения обрисовал людей «прежних» с их тупостью, трусостью, хищнической жаждой наживы и наряду с ними — «новых людей», разночинцев-демократов. Наиболее яркая фигура в романе — это революционер Рахметов. В образе Рахметова впервые в русской литературе автор создал образ революционера — теоретика и практика, готового к любым испытаниям в борьбе за дело народа. Чернышевский убедительно показал, что только на путях слияния личных интересов с общественными возможно подлинное счастье отдельного человека.

Идеалом является общество будущего — социалистическое общество, и картины его раскрываются в снах

Веры Павловны. Автор свободно прерывает течение сюжета отступлениями, беседами с читателем. Он выступает в романе как действующее лицо, часто полемизируя с «проницательным читателем» — лицом собирательным, воплощающим взгляды, обычные для либералов и реакционеров того времени. Такой прием позволил Чернышевскому сатирически высмеять либеральных болтунов.

После опубликования в «Современнике» роман был запрещен цензурой и не переиздавался до 1905 года. Но номера журнала с текстом «Что делать?» переходили из поколения в поколение. Нелегальное заграничное издание романа находилось в юношеской библиотеке В. И. Ленина, который, по свидетельству Н. К. Крупской, знал до мельчайших подробностей «Что делать?».

Через пять месяцев после завершения романа «Что делать?» из-под пера Чернышевского вышла повесть «Алферьев. Из воспоминаний о новых людях». Одновременно он занимался переводами: в крепости им были переведены «История XIX века» Гервинуса, два тома «Истории Англии» Маколея, два тома «Всеобщей истории» Шлоссера, написаны 29 рассказов, автобиографическая повесть, несколько статей, «Очерки из политической экономии (по Миллю)» и большое число других научных работ и переводов. Кроме того, Чернышевскому пришлось писать многочисленные судебные показания, объяснения и различные письма, связанные с его обвинением.

Исследователи произвели интересный подсчет всего того, что было написано Н. Г. Чернышевским в равелине. Цифры говорят сами за себя: беллетристика — 68 печатных листов, научные работы — 12, автобиография — 10, судебные показания и объяснения — 4, компиляция — 11, переводы — 100, черновые редакции — 50. Как видим, итог потрясающий: за два года 255 печатных листов (более 6000 страниц машинописного текста). Эта завидная работоспособность лишний раз свидетельствовала о преданности Чернышевского своему делу, о страстном желании, даже находясь в мрачных стенах Петропавловской крепости, быть в самом центре событий.

19 мая 1864 года на Мытнинской площади в Петербурге над Чернышевским был совершен обряд гражданской казни. Этот средневековый обряд имел целью ли-

шить Чернышевского чести в глазах окружающего общества. Чернышевского заставили опуститься на колени, сломали над его головой шпагу. Место казни охранял усиленный жандармский конвой. Несмотря на это, студенческая молодежь открыто приветствовала «государственного преступника», бросала к помосту букеты цветов. После гражданской казни Чернышевского в одном из номеров своего «Колокола» Герцен писал: «...Подымается и растет на свет новая Россия, крепко подкованная на трудный путь, закаленная в нужде, горе и унижении, тесно связанная жизнью с народом. Она становится во весь рост только в Белинском и идет на наше русское крещенье землею, на каторгу в лице петрашевцев, Михайлова, Обручева, Мартьянова и пр. Ее расстреливали в Модлине и разбрасывают по России в лице бедных студентов, ее, наконец, эту новую Россию, Россия подлая показывала народу, выставляя Чернышевского на позор. Удар за ударом бьет эту среду, она побита наголову, но дело не побито, оно меньше побито, чем 14 декабря, — плуг пошел дальше и глубже. Зерна царского посева не пропадают на каторге, они прорастают толстые тюремные стены и снегом покрытые рудники.

Для этой новой среды хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба, о чем им говорят подземные голоса из царских кладовых, о чем денно и нощно проповедует царская крепость — наша святая обитель, наша печальная Петропавловская лавра на Неве средь ужасов нас окружающих, средь боли и унижений, но хочется еще и еще раз повторить им, что мы с ними, что живы духом...»

Вечером 20 мая 1864 года в сопровождении двух жандармов Чернышевского увозят в Сибирь. Для него началась подлинная «одиссея» — путь проходит через Тобольск, Иркутск, Усолье-на-Ангаре, снова Иркутск, Читу, Нерчинский завод. После столь длинного и тяжелого пути здоровье Чернышевского было подорвано, и по заключению врачей его под военным караулом направили в лазарет в поселке Кадая. Здесь он встретился с другом юности и соратником по борьбе за народное дело Михайловым.

Царская каторга, жестокий климат сделали свое дело: Михайлов неизлечимо болен. Через полгода, когда

выздоровевший Чернышевский перед возвращением на рудники придет прощаться к поэту, жить тому останется несколько месяцев.

Чернышевского поселили на кадаинском руднике в ветхом домике. Вспоминая об этом времени, революционер писал, что его ревматизм «довольно сильно чувствовал во время здешних зимних бурь». В Сибири Чернышевский пробыл двадцать лет, из них семь лет — на каторжных работах в Нерчинских рудниках. За ним учреждается самый бдительный секретный надзор. Тюремное начальство, понукаемое III отделением и шефом жандармов Шуваловым, принимает «все возможные меры к предупреждению побега Чернышевского или освобождению его».

В 1868 году петербургские власти спешат предупредить нерчинских тюремщиков, что на Чернышевского не распространяется амнистия. Больше того, даже после истечения семилетнего каторжного срока он не был освобожден, и, совершая новое гнусное преступление, царское правительство отправило узника в Вилюйский острог еще на целых двенадцать лет. Начались долгие годы еще более мучительных моральных и физических испытаний. Надо было иметь несгибаемую волю, чтобы выйти победителем в неравной борьбе. Революционные круги России несколько раз пытались вырвать Чернышевского из царского плена, но безуспешно.

В конце 1870 года в Петербурге с паспортом турецкого подданного Сакича появился известный революционер-народник, друг К. Маркса Г. А. Лопатин и под видом члена географического общества направился в Иркутск. Здесь он задержался для сбора сведений о местонахождении Чернышевского. А в это время русская заграничная агентура сообщила III отделению, что некий эмигрант тайно из-за границы направился в Сибирь. 1 февраля 1871 года Лопатина арестовали в Иркутске. Трижды совершал этот смелый человек побег из-под стражи, и в 1873 году ему все же удалось сбежать и скрыться за границу. Провалилась попытка увезти Чернышевского из Сибири и у И. Мышкина, который под видом жандармского поручика Мещеринова добрался до Вилюйска, но здесь его разоблачили и арестовали.

С великим мужеством и стойкостью переносил Чернышевский все тяготы нерчинской каторги, мучительное

одиночество в сырой и мрачной камере вилюйского острога. Под конвоем казаков и жандармов провел Чернышевский почти 12 лет. Условия жизни были очень тяжелыми. Лишенный общения с людьми, оторванный от кипучей деятельности, буквально «заживо погребенный», он с большим достоинством прожил эти трудные годы.

Чтобы дискредитировать Чернышевского, сломить волю, правительство пыталось вынудить его подписать прошение на имя царя о помиловании. Летом 1874 года в Вилюйск прибыл полковник Винников, который уверял Чернышевского, что, если он подаст просьбу о помиловании, его освободят из вилюйского заточения и со временем даже вернут в одну из центральных областей России. На это предложение Чернышевский ответил: «Благодарю, но, видите ли, в чем я должен просить помилования?.. Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, а об этом разве можно просить помилования?..» Тогда Винников попросил Чернышевского расписаться в том, что он прочитал предлагаемое прошение. Эту просьбу он выполнил и написал: «Читал, от подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».

Несмотря на то, что все труды Чернышевского были запрещены и даже имя его не разрешалось упоминать в печати, он и в ссылке при первой же возможности продолжал заниматься литературной и научной деятельностью. Поэтому каждая посылка с книгами доставляла ему особенно большую радость. Писал он чрезвычайно много и по самым разным отраслям знаний. Сибирские письма его к родным нередко приобретали форму своеобразных теоретических этюдов, посвященных вопросам философии, истории, естествознания, политической экономии. И в этих поднадзорных писаниях в отрыве от живой общественной действительности сказывались его колоссальная эрудиция, пафос революционного просветителя, сила убеждения.

Наиболее выдающимся произведением, созданным в сибирской ссылке, был роман «Пролог». Действие его относится к 1857 году, периоду подготовки крестьянской реформы. Автор изображает различные слои петербургского общества и острую идейную борьбу революционных демократов с помещиками-крепостниками и либералами. В. И. Ленин, цитируя то место «Пролога»,

где герой романа Волгин убеждает своего друга Соколовского в том, что нет никакой существенной разницы между помещиками и либералами, писал: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер...»

В «Прологе» настойчиво пропагандируется мысль о вооруженном восстании. От этого произведения Чернышевского, как и от других его трудов, по словам В. И. Ленина, «веет духом классовой борьбы». В январе 1871 года, воспользовавшись случаем, Чернышевский пересылает жене рукописи романа «Пролог» («Пролог пролога», «Дневник Левицкого»), повести «История одной девушки», трех первых глав рассказа «Потомок Барбаруссы», пьес «Драма без развязки», «Великодушный муж», «Мастерица варить кашу». За исключением первой части «Пролога», опубликованной в Лондоне в 1877 году, все остальные произведения были опубликованы после смерти автора.

С большим уважением и симпатией относился к Чернышевскому К. Маркс. Среди русских книг в библиотеке Маркса были все основные произведения Чернышевского.

Маркс специально изучал русский язык для того, чтобы в подлиннике читать книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России» и «познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского». В письме к Беккеру от 2 августа 1870 года Маркс просил прислать ему только что вышедший в Женеве том сочинений Чернышевского, содержавший его основную экономическую работу «Очерки из политической экономии (по Миллю)». В письме к членам комитета русской секции I Интернационала, представителем которой Маркс был в Интернационале, он пишет: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

А в работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: «Русская учащаяся молодежь, состоящая большей частью из детей крестьян и

прочего неимущего люда, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что мечтала уже о немедленном их осуществлении. С каждым днем это движение все больше разрасталось в учебных заведениях и вливало в русское общество массу неимущей, вышедшей из простого народа, образованной и проникнутой социалистическими идеями молодежи. Идейным вдохновителем этого движения был Чернышевский, в настоящее время находящийся в Сибири» [5].

В послесловии к своей статье «О социальном вопросе в России» Энгельс назвал Чернышевского великим мыслителем, которому Россия бесконечно обязана столь многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой навеки останется позорным пятном на памяти царя Александра II.

В конце августа 1883 года Чернышевский был доставлен в Иркутск, где узнал, что его переводят в Астрахань. 22 октября после двухмесячного изнурительного путешествия Николай Гаврилович прибыл в родной Саратов. Здесь ему было позволено сделать остановку для свидания с родными. Опасаясь волнений и сочувствия к Чернышевскому, его поместили в квартире жандармского полковника. Здесь и состоялось свидание с Ольгой Сократовной. Договорились, что она на следующий день выедет в Астрахань пароходом. Н. Г. Чернышевский прибыл в Астрахань 27 октября. Вскоре из Петербурга приехали сыновья, которых отец оставил детьми, а теперь Александру было 29, а Михаилу 25 лет.

После переезда из сибирской в волжскую ссылку у Чернышевского было желание организовать журнал, собрать вокруг лучшие литературные силы. Он хотел написать новые романы и повести, всеобщую историю человечества, энциклопедию человеческих знаний. Однако выполнению этих планов мешал полицейский режим. В 1888 году Чернышевский печатает статью «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь». В ней он резко критикует известную теорию английского священника Мальтуса, который, чтобы оправдать буржуазный строй, объяснял нищету и страдания трудящихся «нерассудительностью массы народа в деле размножения». Чтобы напомнить молодому поколению о великих деятелях 60-х годов, он пишет воспоминания о Некрасове и Добролюбове и подготавливает труд «Материалы для биографии Добролюбова». Составленная Чернышев-

ским ценнейшая книга не была издана при его жизни, она увидела свет в 1890 году.

Творческие поиски Чернышевского шли в том же направлении, что у Маркса и Энгельса. Но экономические и политические условия полуфеодальной России были безмерно далеки от условий жизни передовых западноевропейских государств. Пролетариат только формировался, революционная борьба крестьянства не возвышалась над уровнем разрозненных стихийных вспышек.

И все же, несмотря на незрелость социально-экономических и политических отношений, Чернышевский вплотную подошел к диалектическому материализму, внес заметный вклад в развитие общественной мысли. И мы не можем не удивляться тем «гениальным предвидениям», до которых возвысился Чернышевский.

Идеи Чернышевского выражали интересы борющихся с эксплуататорами крестьянских масс. К. Маркс и В. И. Ленин неоднократно отмечали теснейшую связь идейного движения в русском обществе, возглавляемого Чернышевским, с революционным движением в народных массах России. Энгельс называл Чернышевского и Добролюбова «социалистическими Лессингами», подчеркивая этим, что они стремились к осуществлению социализма.

Чернышевский был глубоким критиком капитализма и сторонником коммунизма. Он оценивал буржуазный строй с позиций защитников трудящихся, разоряемых капитализмом. Важно отметить, что Чернышевский высказал гениальную догадку, что наступление социализма является закономерным и неизбежным ввиду того, что оно вызывается самим характером общественного производства. В этой связи он писал: «...если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов» [6].

Чернышевский утверждал, что господство в исторической жизни должен приобрести простой народ, которому одному только выгодно и нужно устройство, называющееся социалистическим. Но в силу отсталости социально-экономических отношений России 60-х годов Чернышевский не мог видеть, что только развитие капитализма и пролетариата может создать условия и обще-

ственную силу для перехода к социализму. Он был социалистом-утопистом и, естественно, идеализировал патриархальную крестьянскую общину, считая возможным через нее прийти к социализму.

Центральным вопросом жизни России было тогда решительное и полное уничтожение крепостничества. В своих подцензурных статьях в «Современнике» Чернышевский развенчивал либеральные проекты «мирного разрешения» крестьянского вопроса, показывал, что откровенные крепостники и либералы сговорились между собой о проведении реформы за счет ограбления крестьян. Он справедливо отмечал, что «мирное и тихое развитие невозможно». Нужна социальная революция. Он ждал ее и стремился к ней. «Исторический путь, — писал Чернышевский, — не тротуар Невского проспекта: он идет целиком через поля то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность». Эта мысль Чернышевского обратила на себя внимание К. Маркса и В. И. Ленина. «Русские революционеры, — отмечал Ленин, — со времен Чернышевского неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины».

В тяжелые времена, когда приходилось в партийной работе переживать сложные моменты, Владимир Ильич, по словам Н. К. Крупской, любил повторять одно место из Чернышевского, где тот говорит, что «революционная борьба — это не тротуар Невского проспекта». Об этом В. И. Ленин писал в 1907 году, когда реакция давала особенно сильно о себе знать и когда партии приходилось временно отступать.

Несмотря на то, что Чернышевский и руководимые им революционеры-демократы — идеологи революционного крестьянства — остались утопическими социалистами, они ближе всех мыслителей домарксистской эпохи подошли к научному социализму. Они смело боролись против самодержавия за освобождение народа. Революционный демократизм Чернышевского опирался на его материалистическую философию, развивавшуюся в борьбе против реакции и либерализма. В. И. Ленин отмечал, что «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор

неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»[7].

Исключительно много и напряженно работал Н. Г. Чернышевский последние годы жизни в астраханской ссылке, где он провел более пяти лет. Благодаря постоянным хлопотам родных и друзей в 1889 году ему было разрешено вернуться в родной Саратов. Только четыре месяца прожил он в Саратове. В октябре 1889 года Чернышевский простудился. Это привело к новому обострению болезни, и 17 октября сердце этого мужественного человека остановилось. Похороны Николая Гавриловича превратились в многолюдную демонстрацию. В Саратов хлынул поток телеграмм и писем с выражением соболезнования и печали. Департамент полиции предписал местным властям панихиды запретить, а зачинщиков выявить и выловить. Под строгим надзором полиции похоронили Чернышевского. Огромная толпа народа безмолвно провожала его. Вплоть до революции 1905—1907 годов не разрешалось даже упоминать «опасного имени» Н. Г. Чернышевского.

...Из карцера Алексеевского равелина Н. Г. Чернышевский с непоколебимой убежденностью писал жене: «Скажу тебе одно: наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами».

Такая глубочайшая убежденность была основана на справедливости дела, которому посвятил свою жизнь Николай Гаврилович Чернышевский.

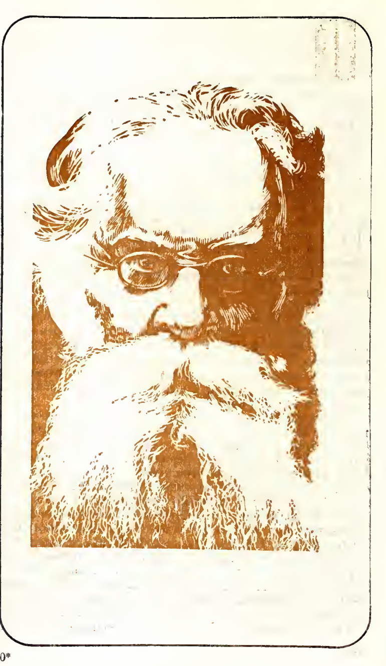
Отречемся от старого мира

Полковник в 26 лет. Кавалер орденов Анны и Станислава. Профессор Петербургской артиллерийской академии. Блестящий математик, перед которым были распахнуты все двери к головокружительной научной и военной карьере... Профессиональный революционер. Один из теоретиков «пропагандистского» течения в 60-е годы. Политический эмигрант. Поэт. Член I Интернационала. Близкий друг К. Маркса и Ф. Энгельса...

С трудом верится, что это факты из жизни одного человека — Петра Лавровича Лаврова. Выдающийся революционер, оказавший влияние не на одно поколение борцов за народную свободу, Лавров принадлежит к тем людям, которыми по праву гордится наша страна.

...Ничто, казалось, не предвещало, что впереди у этого человека столь бурная и трудная жизнь. Родился Лавров в 1823 году в богатой помещичьей семье. Родители были людьми образованными, не чуждыми либерального образа мыслей. В меру строги, чтоб «ненаглядный Петенька» не разбаловался, в меру добры и внимательны к каждому новому увлечению. А их у любознательного и живого ребенка — великое множество. И прежде всего большая любовь к книге. В 5 лет Петруша уже свободно читает по-русски и по-французски. К 14 годам добавляет знание еще двух языков — немецкого и английского. Серьезно увлечен математикой. Любит историю и литературу. Часто, прикрыв ладонью глаза, читает наизусть отрывки из Шиллера, Вольтера, Гюго и других любимых авторов.

В 1837 году Лаврова определили в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Потянулись строго расписанные по часам дни и месяцы учения. Но любознательному подростку мало тех знаний, которые получает он в классах. Он организовывает кружок самообразования, и кружковцы с завидным постоянством поглощают все, что пылится на книжных полках. Впрочем, в руки Лаврова попадались не только книги, страницы которых украшены затейливым штемпелем «Его императорского величества Михайловское артиллерийское училище». Лавров знакомится с сочинениями Сен-Симо-

на, Прудона, Шарля Фурье. Эти произведения не оставляют подростка равнодушным. И, присматриваясь к режиму Николая Палкина, он думает, думает, думает...

После окончания последнего курса в 1842 году Лавров оставлен при училище преподавателем математики. Несколько лет спустя по рекомендации знаменитого академика Остроградского он заменяет его в должности профессора математики Петербургской артиллерийской академии.

Лавров замечен. Как из рога изобилия, сыплются чины и награды. В 1849-м на плечах Лаврова — полковничьи погоны.

И все же ни матовый блеск шитого золотом мундира, ни быстрая, почти головокружительная карьера не могли заслонить от Лаврова страдания русского народа и деспотизм самодержавия. Постепенно, в обстановке революционного брожения конца 50-х — начала 60-х годов Лавров переходит от либерализма на позиции революционного демократизма. И пусть он не всегда последователен, пусть иногда в его трудах и поступках звучат либеральные нотки, то, что произошло, — явление вполне закономерное. К этому шло развитие мировоззрения молодого ученого. К этому призывала его совесть, ибо в условиях жесточайшего произвола и ограбления крестьян каждый русский человек должен был выбирать: или служить грабителям и насильникам, или примкнуть к тем, кто борется против всего этого.

Первые шаги на новом для себя поприще Лавров сделал в литературе. Попытки осмыслить окружающий мир выливаются в философские статьи, которые получили одобрение у вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского на страницах журнала «Современник». Расширяя свои познания, Лавров обратился не только к различным отраслям естествознания, но и к истории науки вообще. Это натолкнуло его на необходимость заняться историей, социологией, антропологией и философией. С 1852-го Лавров начал публиковать статьи по вопросам военной техники и естествознания, в 1856 году отослал пять своих стихотворений в Лондон А. И. Герцену. При этом он написал первое публицистическое произведение «Письмо к издателю», в котором изложил взгляды на настоящее и будущее России. В статье «Постепенно» (1862 г.) автор высмеивает на-

дежды на поэтапное преобразование общественного строя России путем реформ.

В 1860 году вышла в свет его книга «Очерки вопросов практической философии. Личность», послужившая поводом для работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии».

В мае 1861 года царское правительство попыталось отменить университетское самоуправление, ограничить доступ бедным и ввести полицейский режим в высших учебных заведениях. В сентябре во всех университетах вспыхнули крупные волнения; Петербургский, Московский и Казанский университеты временно были закрыты. В Петербурге 12 октября произошли столкновения студентов с полицией. 300 студентов были отправлены в Петропавловскую крепость. Многие были исключены. Тогда Герцен бросил клич: «В народ! В народ! вот ваше место, изгнанники науки!» Этот лозунг был подхвачен и Лавровым. Он произнес речь на студенческой сходке в университете и подписал публичные протесты против ареста М. Л. Михайлова и введения реакционного проекта университетского устава. Протесты передовых литераторов и общественных деятелей не помешали расправе над М. Л. Михайловым. Он был осужден на каторжные работы в сибирских золотых приисках. 23 марта 1862 года Лавров послал Михайлову стихотворение, в котором писал:

Над русской землею краснеет заря,
Заблещет светило свободы,
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...

В 1862 году Лавров вошел в тайное революционное общество «Земля и воля». Одновременно он редактирует «Энциклопедический словарь русских ученых и литераторов», используя свое положение главного редактора для распространения передовых идей и пропаганды естественнонаучных знаний. Особенно резко выступал «Энциклопедический словарь» против религии как плода невежества и обмана. Поэтому это издание вызвало негодование реакции и было в 1863 году прекращено за «вредное» политическое направление. Такая же участь постигла и «Заграничный вестник», издававшийся Лавровым в 1864—1866 годах. В марте 1865 года Лавров вносит предложение в Литературный фонд о выдаче де-

нежного пособия Н. Г. Чернышевскому и о ходатайстве перед правительством о пересмотре его дела. В этом же году он организует первое в России «Общество женского труда», участвует в «Комитете грамотности» и в «Обществе издания дешевых книг для народа», куда он делает денежные взносы. Общественная деятельность Лаврова, его связи с Чернышевским, выступления в защиту революционно настроенного студенчества создали ему репутацию «крамольного профессора». За ним устанавливается негласный надзор. Его публичные лекции запрещаются. Еще в 1861 году правительство воспротивилось избранию Лаврова профессором кафедры философии Петербургского университета.

После неудавшегося покушения Каракозова на царя в 1866 году по стране прокатывается волна обысков и арестов. Всюду ищут революционеров-террористов. Побывали полицейские и на квартире «крамольного профессора».

Найденные издевательские стихи против Николая I и Александра II и письма, свидетельствующие о близости хозяина дома к «государственным преступникам» — Чернышевскому и Михайлову, оказались вполне достаточным основанием, чтобы вызвать Лаврова на военносудебную комиссию.

Ни в ходе следствия, ни тем более после него Лавров не скрывал своих симпатий к Чернышевскому.

Во время разбирательства Лавров был обвинен в «сочувствии и близости к людям, известным правительству своим преступным направлением», и приговорен к 9 месяцам тюрьмы.

После освобождения из тюрьмы Лаврова отправили в ссылку — сначала в глухой городишко Тотьму, затем в губернский город Вологду, но через два месяца местные жандармы перевели его в еще большую глушь, чем Тотьма, — в Кадников. В этот период он написал работу «Исторические письма». Эти письма послужили началом его продолжительного влияния в революционных кругах как идеолога народничества. Они были напечатаны статьями в журнале «Неделя» под псевдонимом Миртова, а в 1870 году выпущены отдельной книгой и стали важной вехой в развитии революционного движения разночинной интеллигенции 70-х годов. На основе революционной пропаганды Чернышевского книга Лаврова была воспринята как теоретическое и нрав-

ственное обоснование роли интеллигенции в борьбе за освобождение народа.

«Исторические письма» появились в такой момент, когда русская радикальная интеллигенция находилась на перепутье. Лавров, видевший в интеллигенции «носителя» социального прогресса, призвал вернуть долг народу. В значительной степени под влиянием «Исторических писем» началось «хождение в народ».

Молодежь должна идти в народ, проповедовал Лавров, работать с ним, просвещать его. Народ представляет неодолимую силу, но сам этого пока не сознает. Ему нужно помочь осознать свою мощь. Сделать это могут только образованные люди. Именно интеллигенция должна соединить неосознанные силы народа с революционной идеей.

В ссылке Лавров окончательно убеждается, что правительство не оставит его деятельность без внимания. Двое жандармов, бродивших рядом с домом единственного в Кадникове ссыльного, зримо подтверждали эту мысль. Лавров решил бежать за границу. Но первая попытка окончилась неудачей. М. Ф. Негрескул, который должен был помочь Лаврову осуществить замысел, арестован. Но, к счастью Лаврова, в это время в Петербурге появился Г. А. Лопатин. Этот смелый, самоотверженнейший человек тайно увез Лаврова из ссылки. 1 марта 1870 года по фальшивому паспорту на имя доктора Веймора Лавров прибыл в Париж.

Благодаря продуманной Лопатиным системе предосторожностей некоторое время никто не замечал побега Лаврова: жандармы подойдут ночью к дому, посмотрят и спокойно уходят, так как за шторами виден его силуэт. Им и в голову не приходило, что это ходит из угла в угол Елизавета Карловна — мать Лаврова. Вскоре после успешного бегства Лаврова в Париж Елизавета Карловна последовала за ним. Она не хотела покидать любимого сына и до конца дней своих прожила с ним в изгнании.

В Париже Лавров устанавливает связи с учеными кругами. Его избирают членом Антропологического общества. Одновременно Лавров вступает в дружеские отношения с французскими социалистами и осенью 1870 года по рекомендации Луи Варлена, одного из единомышленников Бакунина, становится членом Парижской секции Интернационала. В 1871 году, в дни Па-

рижской коммуны, Лавров оказался в самом центре событий.

В конце марта Лаврову удалось послать в Брюссель две корреспонденции о событиях в Париже. Они были напечатаны в газете «Интернационал». В статьях четко выражено отношение Лаврова к революциоиному движению рабочего класса и к Парижской коммуне. Он писал, что революция во Франции, в результате которой образована Парижская коммуна, принципиально отличается от других революций. Главная ее особенность состоит в том, что к власти пришли простые рабочие. Лавров безоговорочно заявляет о своей полной поддержке республики пролетариата. В мае Лавров писал, что для тех, кто истинно желает прогресса человечеству, кто знает, «что лишь на пути социального переворота этот прогресс в настоящем возможен, кто привык всматриваться глубже в ход истории и не пугается некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества, для тех Парижская коммуна — одно из замечательнейших явлений истории». Заканчивается письмо поистине пророческими словами: «...Парижская коммуна 1871 г. будет важной эпохой человеческого движения, и эта дата не забудется».

По поручению Парижской коммуны Лавров ездил в Бельгию, где сделал Федеральному бельгийскому совету Интернационала доклад о положении дел в Париже, призывал Совет к содействию Коммуне. После этого Лавров по поручению коммунаров в мае 1871 года выехал в Лондон на встречу с руководителями Генерального совета Интернациоиала во главе с К. Марксом.

В июне 1871 года тайный агент III отделения А. Балашевич-Потоцкий сообщает в Петербург: «Сюда прибыл из Парижа полковник Лавров, и сегодня мы обедали с ним в отеле». Далее агент указывает, что Лавров присутствовал на собрании «членов и агентов Интернационала», что в Англии «будет устроен Центральный комитет Интернационала» и что Лавров и его товарищи находятся «в ужасном отчаянии» по поводу разгрома Парижской коммуны. Через две недели агент доносит, что Лавров был избраи делегатом русских коммунистов при Центральном лондонском комитете. Сам же Лавров видел главный результат своей поездки в Лондон в том, что там он «познакомился с Карлом Марксом и с Ф. Энгельсом».

Лавров был одним из немногих лиц, от которых Маркс мог почерпнуть достоверные сведения о событиях во Франции. Он посвятил Маркса во многие неизвестные детали.

Во время пребывания Лаврова в Лондоне между ним и Марксом устанавливаются теплые, дружеские отношения. 12 июля 1871 года Маркс приглашает Лаврова к себе домой: «Дорогой друг! Не будете ли Вы так добры прийти к нам пообедать в ближайшее воскресенье в 5 часов вечера? Вы встретите у нас некоторых из ваших парижских друзей. С братским приветом К. Маркс» [1].

В конце июля 1871 года Лавров возвратился в Париж. Более месяца прошло с того дня, как пала последняя баррикада Коммуны. Лучшие из ее сынов погибли или ушли в эмиграцию. 9 августа Энгельс пишет Лаврову, что число его «парижских друзей» в Лондоне, с некоторыми из которых он обедал еще в июле у Маркса, все увеличивается: «Сюда приехало несколько новых людей, о которых Уильямс Вам, вероятно, писал, среди них Вайян, Тейс, Лонге». В этом же письме Энгельс пишет, что «нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных процессов для наших исторических исследований...» [2]. Для этой же цели Энгельсу понадобился и подробный план Парижа, и он просит Лаврова узнать адрес издателя подобных карт. Письмо заканчивается такими словами: «Как видите, дорогой друг, в Париже нельзя проживать безнаказанно; по всей вероятности, у меня будет к Вам больше поручений, чем у Вас ко мне. А пока сообщите мне, что я должен предпринять относительно английских книг, и примите мой сердечный привет».

С Марксом Лавров встретился снова три года спустя, когда в Лондон перебралась редакция революционного журнала «Вперед!», сотрудником которого он был.

Когда вышел третий том журнала «Вперед!», Лавров послал его Марксу. В письме к Лаврову от 11 февраля 1875 года Маркс, поблагодарив за подарок, выразил особый интерес к разделу «Что делается на родине». Маркс сообщает о посылке Лаврову второго немецкого издания «Капитала». Письмо заканчивается так: «Мое здоровье значительно улучшилось после пребывания в Карлсбаде, но я вынужден еще сильно ограничивать свой рабочий день, а кроме того, вернувшись в Лондон,

я простудился и это не перестает меня донимать. Зайду к Вам, когда погода станет лучше. Ваш Карл Маркс» [3].

Через некоторое время, когда из Петербурга был доставлен только что вышедший 1-й том «Опыта истории мысли», Лавров преподносит его Марксу с надписью: «Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения». В период с начала 1875 года по май 1877 года Маркс и Лавров многократно посещали друг друга, проводя время в беседах по различным естественнонаучным и общественным вопросам. От Лаврова Маркс получал интересующие его сведения о России. В свою очередь, он помогал русскому эмигранту устанавливать и развивать конспиративные связи с Россией.

Смерть Карла Маркса глубоко потрясла Лаврова. В обращении, написанном им от имени русских социалистов и прочитанном над могилой Маркса его зятем Лонге, говорилось: «Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата... Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху».

В библиотеке Маркса было собрано немало русских книг о России. После его смерти Энгельс передает их в распоряжение Лаврова. «Вы, как признанный представитель русской революционной эмиграции и старый друг покойного, — пишет ему Энгельс, — конечно, больше, чем кто-либо другой, имеете право на собрание книг, составленное благодаря преданности Ваших и наших друзей в России, — с тем... чтобы оно послужило ядром для создания библиотеки русской революционной эмиграции» [4].

До конца своих дней Энгельс поддерживал дружеские связи с Лавровым.

Общение П. Л. Лаврова с К. Марксом, Ф. Энгельсом, знакомство с их произведениями стали замечательной школой для Лаврова. Он еще больше проникся верой в необходимость и возможность революции в России. Но на родной почве он не мог в то же время связать свои надежды с рабочим классом. Опыт Парижской коммуны помог Лаврову окончательно избавиться от колебаний между либерализмом и демократизмом, имевших место в 60-х годах, укрепил его интернациональные чувства. В пропаганде опыта Коммуны, в воспитании на

ее примере русской молодежи — одна из несомненных заслуг П. Л. Лаврова перед революционной историей России.

В 1873—1876 годах Лавров редактирует журнал и газету «Вперед!» (Цюрих, Лондон), ставших органами не только русского, но и международного рабочего и социалистического движения. Журнал имел широкую аудиторию, и его влияние не ограничивалось подпольем. Лавров был главным редактором и идейным руководителем журнала.

В течение всей своей жизни Лавров оставался непримиримым врагом русского самодержавия, буржуазии и реакции, справедливо видя в них причины бедствия своего народа и своей страны. «Ни одного талантливого государственного деятеля; карьеристы, стяжатели и просто жулики — вот кто управляет Россией, — бичевал самодержавие Лавров в одной из своих статей, — их ничто не интересует, кроме личной выгоды, они присягнут кому угодно во имя этой выгоды... Пора народу русскому покончить с Романовыми счеты, начатые тому 260 лет» — к такому выводу приходит Лавров.

Огромное впечатление производит описание голода в России. Причины этих бедствий Лавров видел в государственном строе России: «Русский государственный строй всюду высасывает все силы русского народа и фатально ведет его к вырождению. Если порядок этот удержится еще некоторое время, то он неизбежно истощит всю Россию, весь русский народ». Обличительный характер публицистики Лаврова показывает, что в этом смысле он продолжает дело Белинского, Герцена, Чернышевского и других деятелей эпохи падения крепостного права.

В конце 70-х годов «хождение в народ» исчерпало себя. Народники постепенно склоняются к политическому террору. Влияние Лаврова в России постепенно падает. В журнале начались разногласия. В 1877 году Лавров переехал из Лондона в Париж. Здесь он организовал (1878 г.) русско-польский революционный кружок, установил связь с варшавским социалистическим подпольем, с русскими организациями «Черный передел» и «Народная воля» и принял на себя представительство последней за границей. Лавров выполнял это ответственное поручение с исключительной добросовестностью, понимая важность данной миссии. Ему нередко удавалось

склонить общественное мнение Европы в сторону народовольцев.

Лавров был одним из инициаторов собраний различных фракций русской революционной эмиграции для обсуждения вопросов теории социализма и «практических действий русских социалистов в России», организатором народовольческой «Русской социально-революционной библиотеки», заграничного Красного Креста «Народной воли», редактором (вместе с Л. А. Тихомировым) «Вестника «Народной воли» (1883—1886), участником создания «Социалистической библиотеки» Цюрихского литературно-социалистического фонда, «Группы старых народовольцев».

Под впечатлением героизма террористов, осуществивших убийство Александра II, Лавров начал было склоняться к тактике террора. В «Вестнике «Народной воли» он опубликовал много статей, в которых развивал народнические взгляды. Будучи оторванным от реальных условий России, Лавров был уверен в неприменимости теории марксизма в России. Сохраняя высокое уважение к авторитету вождей международного пролетариата, с которыми его связывала личная дружба, он не допускал в редактируемом им органе «Народной воли» выпадов либеральных народников против марксистского учения. Но он категорически отказал Плеханову в опубликовании брошюры «Социализм и политическая борьба», в которой народничество критиковалось с позиций марксизма.

Лавров еще не мог понять историческое значение марксизма и роль пролетариата в предстоящей революции. До самой смерти Лавров, на глазах которого прошли все стадии освободительного движения второй половины XIX века, оставался честным революционером и социалистом, но преодолеть народнических иллюзий он так и не смог. В 1898 году друзья Лаврова в Париже торжественно отметили его 75-летие. Были приветствия, много говорилось о его заслугах перед русским и мировым революционным движением.

Умер Петр Лаврович Лавров 6 февраля 1900 года. Похороны были назначены на 11 февраля. С раннего утра к дому, где лежал он, со всех сторон стали стекаться толпы народа. Вся русская колония в Париже пришла проститься с человеком, чей могучий ум и чистое сердце были в течение четверти века их твердой опорой и на-

деждой. В половине второго восьмитысячная разноплеменная толпа двинулась проводить в последний путь П. Л. Лаврова. С возгласами «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Коммуна!» толпа, словно река, медленно двигалась по улице. Сначала тихо, а затем все громче и громче понеслись звуки:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!

Это был гимн победы того идеала, которому всю жизнь беззаветно служил Лавров. Когда французские социалисты подняли красный флаг, полицейские бросились отнимать его и учинили свалку. Это повторилось на кладбище, где полицейские хватали и рвали красные знамена. Выступая от имени французских социалистов, Поль Лафарг отметил, что товарищи из России имеют право гордиться Петром Лавровым. «Вечная честь русскому социалисту, давшему рабочему классу всего мира этого героя мысли, столь кроткого и вместе столь непобедимого!»

Собирался приехать на похороны и Г. В. Плеханов, но французские власти поставили ему условие, запрещающее выступать на могиле. Плеханов вынужден был отказаться от поездки, но в день похорон выступил с речью на собрании эмигрантов в Женеве.

В своей речи он сказал: «...Мы шли разными путями. Иногда, по отношению к данному вопросу теории или практики, мы могли быть и бывали противниками, но мы не могли быть и не были врагами. Не могли быть и не были потому, что мы, хотя и разными путями, шли к одной и той же цели. П. Л. Лавров был горячим и убежденным приверженцем современного международного социализма. И в этом смысле он был нашим товарищем... Но это не все. Нас сближала не только цель, общая социалистам всех стран; в частности, на нашей родине у нас был один общий враг: современный царизм... Лавров сделался жертвой царизма еще раньше, чем стал социалистом. Как только сложилось его мировоззрение, ясно было, что и он не избегнет судьбы всех тех, которые осмеливались на благородные чувства и независимую мысль в нашем отечестве, он стал неблагонадежен. Ссылка. Эмиграция. «Вперед!». «Вестник «Народной воли». Лавров был горячий и убежденный сторонник международного социализма. И если его стра-

даний из-за убеждений достаточно для того, чтобы обеспечить ему сочувствие всех честных людей, то его служение социализму обеспечивает ему горячее сочувствие к нему социалистов всех стран. Вся жизнь Лаврова — служение идее прогресса, истине, науке, революции».

В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич сообщает, что Ленин «очень внимательно читал в свои эмигрантские годы в Женеве толстый журнал «Вперед!» Лаврова» и его книгу «Парижская коммуна», которую считал «лучшей после «Гражданской войны во Франции» К. Маркса». Называя Лаврова «ветераном революционной теории», В. И. Ленин отдает должное его заслугам в теоретической области, его усилиям в поисках и выработке революционной тактики. Но в условиях 90-х годов Ленину приходилось больше обращать внимание не на заслуги и положительные стороны в деятельности Лаврова, а на его теоретические ошибки, его неверные взгляды на тактику, которые порой не содействовали, а препятствовали успешному развитию социал-демократического движения. Большое внимание этому вопросу было уделено в ранних работах В. И. Ленина, в частности в работе «Задачи русских социал-демократов», опубликованной в 1898 году.

В этой брошюре В. И. Ленин делал упор на практическую деятельность социал-демократов прежде всего среди фабрично-заводских, городских рабочих. Он указывал, что социал-демократы должны добиться соединения экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, в единую классовую борьбу пролетариата. Нужно смелее, решительнее вести политическую борьбу, добиваться, чтобы она из «тесных кабинетов интеллигенции» вышла на улицы. Но этому в значительной степени мешает старое, народовольческое «узкое» понимание борьбы.

В. И. Ленин это убедительно показывает на примере статьи П. Л. Лаврова «О программных вопросах» в «Летучем листке» народовольцев. Говоря об отношении программы народовольческой к программе социал-демократической, Лавров задается вопросом: возможна ли организация сильной рабочей партии при абсолютизме и помимо организации революционной партии, направленной против абсолютизма? Отвечая на этот вопрос, Лавров утверждает, что в условиях существования абсо-

лютизма невозможно создать русскую рабочую партию. «Если социал-демократам удалось бы сделать это, не организуя в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих же совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно...» [5]

Анализируя это положение, В. И. Ленин показал, что «для народовольца понятие политической борьбы тождественно с понятием политического *заговора*... Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы... Они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, пригвождающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. ...Без революционной теории не может быть и революционного движения...» [6].

Изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса наложило отпечаток на социологические воззрения Лаврова. В его работах появляются утверждения об объективном характере исторического процесса, о классовой борьбе, об определяющем значении экономических отношений в общественной жизни. В вопросах государства и революции, о союзниках пролетариата Лавров ближе всего подошел к марксизму.

Однако Лавров так до конца не понял всей глубины теории научного коммунизма, сущности закономерной смены основных этапов человеческой истории, не дошел до научного раскрытия движущих сил исторического прогресса. Задача перенесения марксизма на русскую почву оказалась Лаврову не по плечу. Сейчас особенно отчетливо видны те элементы утопизма и субъективизма, на

которые в свое время указывал В. И. Ленин, критикуя недостатки народнического социализма.

Вместе с тем исследование революционного движения, которое предшествовало созданию Российской социал-демократической партии, показывает, что Лавров и его единомышленники сделали немало в подготовке условий для появления партии нового типа — марксистско-ленинской. Сорок лет Лавров неустанно работал над теорией и практикой революционной борьбы. Он не уставал призывать к продолжению борьбы: «Надо бороться. Надо снова и снова идти на бой против деморализующего капитализма, против вечного врага русского народа, против вечного врага прогресса нашей родины. Надо снова и снова, ценою личных жертв и личных страданий, нести проповедь социализма в русский народ. Надо отстаивать свое знамя до конца».

Имя П. Л. Лаврова навсегда связано с историей русской общественной мысли и русского революционно-демократического движения. Среди несгибаемых революционеров, призывавших «отречься от старого мира» и построить наш, «новый мир», почетное место принадлежит Петру Лавровичу Лаврову — выдающемуся революционеру, ученому, мыслителю, педагогу, поэту, автору слов песни, которая стала олицетворением целой эпохи в истории нашей Родины:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Мы не чтим золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его поведем.
Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперед, вперед, вперед!

Бейте по головам хищной птицы!

Российская империя... Двуглавый орел — символ величия и могущества царствующей династии. Кажется, он парит высоко в воздухе, бросая зловещую тень на всю страну, высматривая крамолу, выискивая злоумышленников... Он — воплощение незыблемости существующих порядков. Он — символ прочности самодержавия.

«У русского гербового орла две головы, два жадные клюва — один династически-полицейский, а другой — буржуазный. ...Бейте же по обеим головам хищной птицы!» Так писал в прошлом столетии Н. К. Михайловский, призывая молодежь к борьбе против самодержавия.

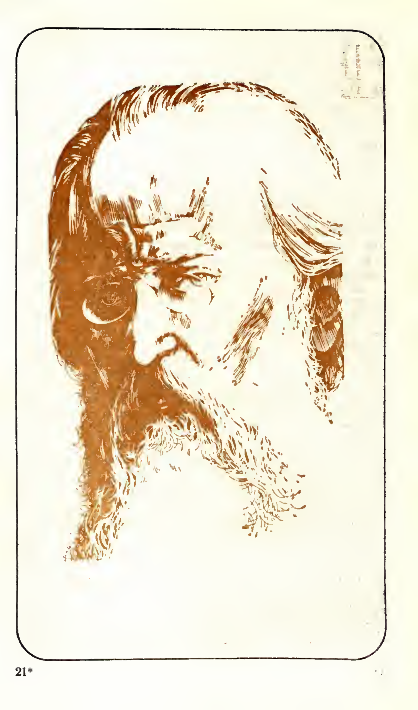
Николай Константинович Михайловский родился 15 ноября 1842 года в Мещовске Калужской губернии в бедной дворянской семье. Матери он лишился рано и не помнил ее. Отец был мелким чиновником. Его рассказы о службе в эпоху Николая I глубоко потрясли мальчика. Впечатления от крепостного права составили впоследствии психологическую основу того настроения, которое он называл «настроением кающегося дворянина».

Вскоре семья Михайловского из Мещовска переехала в Кострому, где Николай поступил в гимназию. Учиться ему было легко. Еще дома он овладел французским и немецким языками, получил хорошую подготовку и по другим предметам.

Когда Михайловский перешел в 4-й класс, умер отец. Мальчика взяли на воспитание родственники, жившие в Петербурге.

Впрочем, опекунам было не до подростка, тем более что капитал, составленный после распродажи имущества, был более чем скромен.

Опекуны поместили подростка в институт горных инженеров, где в подготовительных классах занятия шли по программе гимназии. Заведение было закрытое, но, как ни стремились власти оградить воспитанников от «крамольных» идей, охвативших многие слои русского общества, это им плохо удавалось. Тайком в стены института горных инженеров стали проносить журналы оппозиционных к правительству направлений. Здесь Ми-

хайловский познакомился с журналом «Современник», в котором писали такие кумиры учащейся молодежи, как Чернышевский, Добролюбов и поэт Некрасов.

В 1861 году произошли беспорядки в Петербургском университете, в результате которых много студентов было арестовано, а университет закрыт. Это не могло не отразиться и на других учебных заведениях. В Горном институте произошло столкновение кадетов с учебным начальством. Михайловский не только принимает непосредственное участие в студенческих выступлениях, но и становится одним из инициаторов волнений среди воспитанников. Сам он по этому поводу писал: «Получилась школьная революция, в которой я принял деятельное, горячее участие и был замечен». При этом он демонстративно пропускает занятия, молчит на экзаменах и открыто заявляет о своем нежелании быть офицером. «Школа эта мне стала ненавистна. Я мечтал быть вольным».

Дело кончилось тем, что Михайловский в 1863 году покинул стены Горного института. Из Костромы, куда он приехал после института, он писал сестре: «А выйти я должен за либеральные и даже можно сказать за якобинские убеждения, которые выразились преимущественно в том, что я носил длинные волосы и зачесывал их назад. Оказывается, что я Марат, Робеспьер... Впрочем, и не подумай, пожалуйста, что меня выгнали из корпуса, мне очень вежливо предложили выйти самому по домашним обстоятельствам». О последнем в своих воспоминаниях Михайловский не без иронии писал: «Мне было так настоятельно любезно предложено подать прошение об увольнении из корпуса, что я не мог отказаться». Некоторое время он готовился к поступлению на юридический факультет Петербургского университета, но потерпел неудачу и полностью занялся литературной работой.

Михайловский выступает на арену политической деятельности, когда правительство, оправившись от некоторой растерянности, связанной с революционной ситуацией 1859—1861 годов, встало на путь крайней реакции. Главный удар был нанесен по прогрессивным силам. В. И. Ленин писал, что «революционеры 61-го года... потерпели, по-видимому, полное поражение», но именно они сыграли великую освободительную роль в эпоху падения крепостного права.

Поражение шестидесятников имело тяжелые последствия. Революционные кружки и организации были разбиты, их участники и лидеры арестованы. Были закрыты лучшие органы печати. По словам А. И. Герцена, царизм вел страну «в черную гавань». Казалось, ничто не предвещало нового подъема общественного движения. Но в конце 60-х годов обозначились первые признаки пробуждения прогрессивных сил. Оно началось с подъема студенческого движения, оживления печати, появления новых лидеров общественной мысли. Одним из них и стал Н. К. Михайловский. Первая его критическая статья была опубликована в журнале «Рассвет» в 1860 году. С тех пор, по его выражению, он стал изредка «пописывать статейки» и помещать их в различных журналах.

Наиболее полно мировоззрение Михайловского того времени раскрывается в его публицистических статьях и заметках по женскому вопросу, появившихся в газете «Современное слово» и еженедельниках «Русь» и «Якорь» в 1863—1864 годах. Сам Михайловский, вспоминая о своих первых литературных опытах, признавал, что их приподнятый тон объяснялся воздействием идей «Колокола» и «Современника». Он считал себя последователем Чернышевского и даже пытался осуществить рекомендуемые романом «Что делать?» рецепты по организации кооперативных артелей. В 1864 году, получив небольшое наследство, Михайловский потратил его на переплетную мастерскую, которая, как и многие подобные предприятия, просуществовала очень недолго.

К периоду формирования мировоззрения Михайловского Чернышевский был уже арестован. Но сочинения его оказали громадное влияние на Михайловского, который в течение всей своей литературной деятельности чтил память Чернышевского и защищал его от нападок критиков и мракобесов. В середине 60-х годов Михайловский установил тесные связи с революционными кружками и организациями.

В этот период Михайловский сотрудничал в нескольких журналах, пока наконец в 1869 году Некрасов не пригласил его в «Отечественные записки».

В 70-е годы и начале 80-х годов «Отечественные записки» играли такую же роль в развитии общественной мысли России, как раньше «Современник» Некрасова и Чернышевского. Недаром реакционный жур-

налист И. А. Арсеньев писал в редактируемой им «Петербургской газете», что «Отечественные записки» возрождают «умерший насильственной смертью «Современник». Живой связью между этими изданиями был поэт Некрасов, собравший вокруг себя группу прогрессивных писателей и журналистов.

Журнал привлекал читателей не только высокохудожественными произведениями, которые часто появлялись на его страницах, но и своим демократическим настроем, умением выражать передовые идеалы эпохи. И, конечно же, в центре всего этого стояла борьба с пережитками крепостничества, со всем тем, что мешало демократическому развитию страны.

Прогрессивная печать, по мнению сотрудников «Отечественных записок», в конечном итоге должна была служить одной цели — политическому просвещению народа, воспитанию в нем гражданских идеалов. Пробуждение протеста в передовых слоях русского общества, а через них — в широких массах народа путем систематической и беспощадной дискредитации в глазах читателей всей системы самодержавия — такова важнейшая программа демократической печати, выдвинутая журналом.

На эту функцию литературы, в особенности периодической печати, обратил внимание Михайловский в обширной публицистической статье «Житейские и художественные драмы», опубликованной в «Отечественных записках» в 1879 году в январе — феврале. Анализируя причины участившихся самоубийств в России, автор писал, что в трагических самоубийствах проявляется стихийный протест русских людей против гнета самодержавия. Трагедия заключается как в самом факте насильственной смерти, так и в том, что протест обрывается вместе со смертью, что гибель проходит бесследно для окружающих или истолковывается ими по-обывательски. И в этом вина не столько самих «героев житейских драм», сколько литературы, и прежде всего журналистики — той разновидности литературы, которая ведет ежедневный, еженедельный, ежемесячный разговор с читателем.

Михайловский справедливо отмечает, что простому человеку нелегко разобраться в противоречиях русской действительности. Безмолвность, безропотность обусловлены веками холопской жизни, с одной стороны, и на-

личием тех «непостижимых путей», которыми вынуждена плутать мысль русского человека, — с другой. Человек, «привыкший лобызать руку, которая его бьет, и в этом лобызании видеть весь духовный смысл своей жизни, не только что не посмеет, а просто не сумеет проклясть, слов не найдет».

В «Отечественных записках» росли и крепли молодые таланты прогрессивного направления. В июле 1869 года Н. А. Некрасов в письме Краевскому писал: «Есть у нас сотрудник Николай Михайловский; теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, предстоит хорошая будущность. Кроме несомненной талантливости, он человек со сведениями, очень энергичен и работящ. «Отечественным записка» он может быть полезен, и надолго». Это пророчество полностью сбылось. Блестящие и глубокие по содержанию статьи Михайловского в первой половине 70-х годов сразу сделали его имя громким и любимым среди передовой, радикальной интеллигенции. А сам он настолько сблизился с обстановкой и всем духом «Отечественных записок», что после смерти Некрасова Салтыков-Щедрин и Елисеев предложили ему заместить Некрасова на посту третьего редактора. Михайловский согласился. Но по существу он оказался во главе журнала, так как являлся самым молодым и энергичным членом редакции, а Елисеев и Салтыков-Щедрин часто болели, ездили лечиться за границу. Последний доверял Михайловскому не только литературное ведение журнала, но и судьбу собственных статей.

С течением времени популярность Михайловского стала в среде молодежи так велика, что он по праву считался «властителем дум» своего поколения. «Великой исторической заслугой Михайловского, — писал В. И. Ленин, — в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью» [1].

Характерно, что имя публициста появляется под статьями, охватывающими самую разнообразную тема-

тику. Очень часто бывали выпуски журнала, в которых одновременно были помещены и серьезная социологическая статья, и литературное обозрение, и публицистическая заметка, и рецензия со знакомой подписью: Н. Михайловский.

Принципиальные выводы и взгляды Михайловский изложил в многочисленных работах и солидных публицистических статьях. К основным из них можно отнести: «Что такое прогресс?», «Аналогический метод в общественной науке», «Теория Дарвина и общественная наука», «Философия истории Луи Блана», «Идеализм, идолопоклонство и реализм», «Борьба за индивидуальность», «Вольница и подвижники», «Герои и толпа» и другие.

Одновременно Михайловский помогал революционному подполью.

В 1878 году он написал «Летучий листок» по поводу суда над В. Засулич. Прокламация была напечатана в подпольной типографии газеты «Начало». Автор листовки требовал созыва Земского собора и установления конституционного режима, утверждал, что если «общественные дела» не будет переданы «в общественные руки», то должен быть создан тайный «Комитет общественной безопасности».

Постепенно сотрудничество Михайловского с «Народной волей» расширяется. Он становится одним из редакторов «Листка», который выпускала эта организация. В своих статьях Михайловский бичует тиранию правящих классов, разоблачает политику «бархатного диктатора» Лорис-Меликова, назвав ее «лисий хвост и волчий рот».

Хлесткие, талантливо написанные статьи Михайловского, подписанные псевдонимом «Гроньяр», что в переводе с французского означает «ворчун», вызывали неизменный интерес у демократически настроенной молодежи.

На квартире Михайловского проходили заседания редакционной коллегии. Он снабжал редакцию различными документами, разоблачавшими политику царизма. Исполнительный комитет часто советовался с Михайловским по важным вопросам своей деятельности и тактики.

В 1882 году Михайловский выполнил последнее поручение народовольцев. Опасаясь террористических ак-

тов во время коронации, правительство предложило народникам «перемирие» и обещало со своей стороны выполнить их встречные условия. Вместе с В. Фигнер — единственным уцелевшим членом Исполнительного комитета, с которой он специально встречался в Харькове, Михайловский выдвинул два требования: освобождение Чернышевского и расследование бесчинств тюремщиков на карийской каторге.

Перемирия не получилось.

В этот период выявились и разногласия в некоторых вопросах между народовольцами и Михайловским. Если первые выступали против политической борьбы, считая ее ненужной и выгодной лишь имущим классам, то Михайловский, напротив, открыто призывал к ней.

В «Политических письмах социалиста», появившихся после Воронежско-Липецкого съезда организации «Народная воля», Михайловский обнаруживает широкое понимание задач политической борьбы. Подчеркивая, что они состоят в ликвидации самодержавия, а не в отдельных террористических актах против царя и его прислужников, Михайловский писал: «Нет, не Гейкинг и Кропоткин должны быть убиты, а идея самодержавия. Она должна быть вырвана с корнем из жизни и из сердца народа, долготерпеливого, темного, все еще ждущего чего-то от царя».

Царское правительство видело в Михайловском опасного и непримиримого врага. Его подозревали, не без основания, в тесной связи с революционерами, в том, что он скрывал их подпольную типографию, называли «главнокомандующим революционной армии». В июле 1879 года Н. В. Клеточников (агент «Народной воли» в III отделении тайной полиции) сообщил о готовящихся арестах революционеров, среди которых первыми в списках значились Морозов, Плеханов и Михайловский.

Но Михайловский достаточно осторожен. Как ни старались агенты полиции найти веские доказательства его революционной деятельности, им не удалось это сделать. Пришлось ограничиться административной высылкой Михайловского в 1882 году сначала в местечко Любань Новгородской губернии, затем в Выборг. Здесь ссыльный литератор написал свои публицистические «Письма постороннего», узнал о закрытии «Отечественных записок».

Только в 1885-м Мнхайловскому разрешили вернуться в столицу.

В Петербурге Мнхайловский сразу же включился в активную полнтнческую жизнь. В 1886 году он участвовал в демонстрацнн иа Волковом кладбнще по поводу двадцатнпятнлетней годовщины смертн Добролюбова. Позже ои был одним из «инициаторов беспорядка», происходнвшего во время похорон писателя Н. В. Шелгунова, за что ему вторнчно было воспрещеио жительство в столице н в центральиых губерниях.

После второй ссылки Михайловскнй работал в журнале «Северный вестник», в котором с конца 80-х годов ведущее место заннмали бывшие сотрудиики «Отечественных запнсок» — А. Н. Плещеев, С. Н. Южаков, Г. З. Елнсеев, В. П. Воронцов. В журнале печаталнсь Г. И. Успенский, В. Г. Короленко. Активное сотрудиичество передовых писателей сделало журиал в 1886—1888 годах прогресснвным изданием. Видную роль в этом играл н Н. К. Михайловский. Придя в «Северный вестннк», Михайловский приложил все усилия к тому, чтобы возродить традицин «Отечественных запнсок».

Деятельность Мнхайловского в «Севериом вестике» была весьма многообразиой. В его ведеиии целнком находились крнтнческие статьн н бнблнография. Кроме того, с ноября 1885 года по март 1888 года он регулярио выступал с ежемесячными лнтературиыми заметками «Дневник читателя», в которых отклнкался на злободневиые общественно-лнтературиые событня. Однако единства во взглядах на журнал у Мнхайловского с его владелнцей Евренновой не было. В коице коицов это прнвело к разрыву между ннмн. Мнхайловский уходит из «Северного вестннка».

Кроме «Северного вестника», Мнхайловский работал в «Русских ведомостях» и в «Русской мысли», ио нигде надолго не закреплялся н не сумел ни однн нз журиалов возвысить до уровня «Отечествениых записок». В 1892 году он прншел в «Русское богатство», с 1894 года возглавнл журнал, оставаясь его редактором до самой смерти.

Более сорока лет просуществовал журиал «Русское богатство». В нем отражен сложный и противоречивый путь развнтия русской общественной мыслн в коице XIX — начале XX века.

Долгое время журнал был близок к народовольческому направлению. В нем сотрудничали публицисты-народники Н. Ф. Анненский, А. М. Скабичевский, Г. И. Успенский и др. Усиление реакции после убийства Александра II гибельно отразилось на судьбе журнала. Писатели-народники стали отходить от «Русского богатства».

С середины 80-х годов издание превращается в орган, пропагандирующий толстовское учение о непротивлении злу. В целом содержание «Русского богатства» не вызывало большого интереса у читателей, и число подписчиков стало сокращаться. В 1892 году журнал перешел к Е. М. Гаршину, который сразу же пригласил Михайловского в редакцию. Последний начал с того, что восстановил артельный принцип издания журнала: было заключено соглашение, по которому в число совладельцев вошли основные его сотрудники — Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, К. М. Станюкович, Г. И. Успенский, А. И. Иванчин-Писарев. Позже к ним присоединились В. Г. Короленко, С. Н. Южаков, Н. Ф. Анненский и некоторые другие литераторы. Основную редакторскую работу выполнял Н. К. Михайловский, правда, главное управление по делам печати не утвердило его в звании редактора, и формально эти обязанности были поручены библиографу П. В. Быкову и доктору медицины С. И. Попову.

В начале 1894 года в журнале «Русское богатство» появились первые полемические статьи Михайловского, направленные против марксизма. Автор заявлял, что он остался верен заветам революционно-демократической мысли и выступает против марксистов лишь потому, что они «не желают стоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства».

В. И. Ленин отмечал, что публицисты «Русского богатства» приписывали марксистам нелепое намерение не учитывать всей совокупности общественных связей и взаимодействий, тогда как в действительности марксисты «были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни...» [2].

Критиком марксизма Михайловский оставался до конца своих дней. Истоки этого кроются прежде всего в идеалистических философских воззрениях литератора. В. И. Ленин писал, что «в философии Михайловский

сделал *шаг назад* от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А. Михайловский плелся именно за такими позитивистами» [3].

Одним из важных теоретических положений Михайловского стала его идея прогресса, изложенная в статье «Что такое прогресс?» (1869 г.). Автор пришел к следующему выводу: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов».

Из этого определения вытекала теория всестороннего и гармонического развития личности («неделимого»). Такое развитие, по мысли Михайловского, несовместимо ни с феодальным, ни с капиталистическим разделением труда, поскольку личность развивается «уродливо, односторонне». А личность у Михайловского — основной двигатель прогресса. Отсюда вытекала необходимость поднять массу до уровня высокоразвитой сознательной личности.

Несмотря на исторически ограниченный и непоследовательный характер этой теории, из нее делались далеко идущие общественные выводы. Она воспринималась как призыв к борьбе с деспотизмом самодержавия, с вопиющим социальным неравенством, за новый общественный строй, основанный на общинном и артельном труде, где будут созданы условия для всестороннего развития личности. Хотя эти взгляды и содержат элементы утопических иллюзий, они в свое время воодушевляли на борьбу тех, кто боролся за общественное развитие. Для теории прогресса Михайловского характерно субъективистское истолкование закономерностей общественных явлений. Ему казалось, что объективный ход истории коренным образом противоречит демократическим идеалам. В статье «Идеализм, идолопоклонство и реализм» он писал, что законы истории «существуют, но

они неизбежно осложняются идеалом, который именно и дает им реальное содержание».

Поскольку же человек является активной деятельной силой, посредством которой реализуются законы истории, то понятие «законы истории непреоборимы» он считал чисто условным, полагая, что воля личности может противостоять законам, не только изменять их, но и давать им содержание. Приписав материалистам фаталистический взгляд на развитие мира, Михайловский в соответствии со своим субъективным методом мышления утверждает, что первопричиной исторического прогресса является личность, нравственная идея.

В результате Михайловский пришел к теории о «героях и толпе», которая была одной из самых существенных его идейных ошибок. Он и ранее скептически относился к возможностям народной революции. Но после поражения революционеров 60-х годов такие его настроения значительно усилились. В связи с этим на страницах «Отечественных записок» со второй половины 1881 года печатается целая серия статей, посвященных проблемам: «интеллигенция и народ», «интеллигенция и буржуазия».

В своей теории о «героях и толпе» Михайловский рассматривал личность как главного творца истории, отводя народу, «толпе» пассивную роль. Правда, выдвигая на первый план одинокую личность «героя», Михайловский вовсе не забывал о народе: он считал, что дело «героя», задача его и заключается прежде всего в борьбе за интересы народа. Народ темен, забит, пассивен: надо повести его по правильному пути, чтобы идеологи реакции не воспользовались в корыстных целях его темнотой и забитостью. Долг интеллигенции — «разъяснить, растолковать крестьянам, что им полезно, а что вредно».

Взгляды Михайловского послужили одним из теоретических источников для народничества конца 70-х — начала 80-х годов.

Роднило Михайловского с народниками и его отрицательное отношение к развитию капитализма в России.

Рост капитализма в России Михайловскому не представлялся неизбежным. Он полагал, что Россия начинает развитие после Европы и она сможет воспользоваться опытом европейской цивилизации и стать на другой, более трудный, но и гораздо более гуманный путь, кото-

рый состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые существуют в России в форме общинного владения. Прогресс не есть фатальное однолинейное развитие. Россия имеет другую возможность: минуя «среднюю стадию европейского развития», стадию буржуазного общества и буржуазного государства, непосредственно перейти к лучшему, «высшему порядку» — социализму.

Отсюда вытекало неприятие Михайловским утверждения марксистов о развитии капитализма в России. Он заявлял, что поскольку русский капитализм находится «в зачаточном состоянии», то можно сознательно воздействовать на хозяйственную жизнь страны и «выбирать характер своей экономической политики». Это был типичный субъективистско-идеалистический подход к проблеме, столь характерный для Михайловского.

Если народники спорили на тему о возможности или невозможности развития капитализма в России, то марксисты справедливо утверждали, что Россия уже встала на путь капиталистического развития. Поэтому нужно было разгромить, показать несостоятельность воззрений народников и одного из их руководителей — Михайловского. Эту задачу взял на себя В. И. Ленин.

Впервые развернутую критику взглядов Михайловского В. И. Ленин изложил в 1894 году в своей знаменитой работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Над этой рукописью В. И. Ленин начал работать в Самаре в 1892—1893 годах. В самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма — либеральных народников. Эти рефераты явились подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Осенью 1894 года Ленин читал эту работу в петербургском марксистском кружке. «Помню, как всех захватила эта книга, — писала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская. — В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы». Первый ее выпуск был отпечатан на гектографе в июне 1894 года в Петербурге и распространен нелегально в Петербурге и других городах. Это издание книги имело на обложке пометку: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Пометка была сделана в целях конспирации. Местные организации размножали работу Ленина раз-

личными способами: отдельные выпуски переписывались от руки, печатались на машинке. Книга Ленина была хорошо известна группе «Освобождение труда», а также другим русским социал-демократическим организациям за границей.

«Русское Богатство», — писал В. И. Ленин в своей работе, — открыло поход против социал-демократов... Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике...

Г-н Н. Михайловский... открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего, — говорит он, — является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов... Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массою фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность» [4].

Подобное толкование Маркса было характерным для субъективистов, представителем которых и был Михайловский. В. И. Ленин на выдержках из «Капитала» доказал заблуждения Михайловского и других «друзей народа», которые полагают, что только производство ценностей подчинено экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того,

в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции. Социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественноисторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии». «Чтобы разобраться в этих вопросах, — пишет В. И. Ленин, — приведем... одно место из... предисловия к «Капиталу»: «Моя точка зрения состоит в том, — говорит Маркс, — что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»[5].

Между тем с точки зрения старых экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества — выгода всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации и что несоответствующие этой идеальной организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии, — рассуждает Михайловский, — состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Идея Маркса о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций в корне подрывает эту «ребячью мораль», претендующую на наименование социологии.

Новое в этой области, что не удалось обнаружить Михайловскому, — это вывод Маркса о том, что «при материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в *производственные отношения*. Последние всегда соответствуют той ступени развития производительности, которою в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, производственный порядок обусловливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив,

последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями... Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т. е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда — возникает эпоха общественного переворота. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся»[6].

В полемике с Михайловским В. И. Ленин доказывал, что марксизм имеет всемирно-историческое значение как в познании, так и в революционном преобразовании мира.

Более чем десятилетняя упорная полемическая война не помешала Ленину дать строго научную объективную оценку Михайловского и определить его место в истории освободительной борьбы. Критикуя идеалистические труды Михайловского, его отказ от традиций революционного народничества, либеральные призывы к молодежи, В. И. Ленин отдавал должное вкладу этого общественного деятеля в революционное движение. Ленин приветствовал остроумие и увлекательные произведения Михайловского, его умение связать «злобу дня» с передовыми идеалами, смелую критику «мерзостей жизни», постоянную готовность к защите обездоленных. Труды литератора звали русскую интеллигенцию к служению интересам народа, пробуждали чувство личной ответственности за судьбы страны, отстаивали демократические традиции, выступали против реакции.

«Мы чествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) и т. д., — писал Ленин, — за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского Богатства»[7].

Когда демократическая общественность праздновала 40-летие общественно-литературной деятельности Михайловского, ленинская газета «Искра» писала: «Г-н Михайловский родился под счастливой звездой. Первые литературные шаги его были обвеяны бодрящим возду-

хом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на самую революционнейшую из эпох в жизни русской интеллигенции... Мы, русские социал-демократы, чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольно примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья».

Николай Константинович умер внезапно от разрыва сердца 28 января 1904 года. Похороны его превратились во внушительную демонстрацию. За гробом шли около 5000 человек. На похоронах был А. М. Горький, который оставил небольшое, но теплое воспоминание о Михайловском. Он писал: «Я впервые видел его и думал — вот фанатик! Потом оказалось, это обыкновенный русский человек, добродушный и мягкий, несмотря на то, что жизнь ковала его тяжким молотом».

Другого выхода у нас нет

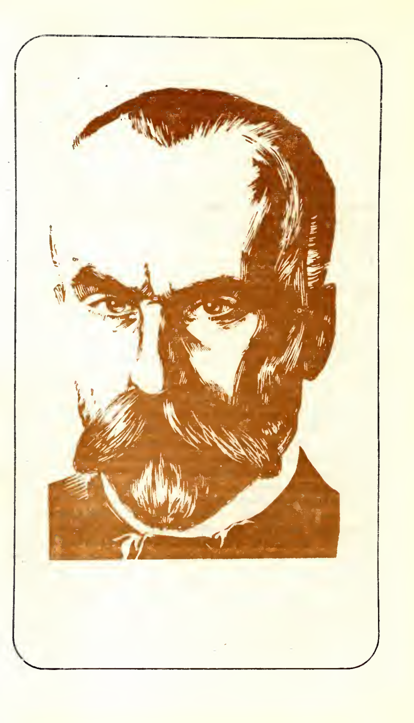
Прежде чем Г. В. Плеханов на Парижском учредительном конгрессе II Интернационала имел право сказать: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может», — Россия прошла долгий, мучительный путь поиска революционной теории, способной принести ей освобождение от самодержавия и эксплуатации.

Пушечные залпы в декабре 1825 года на Сенатской площади возвестили о начале этого пути. В неудачных попытках поднять крестьянские восстания, в дерзких покушениях на царя и его сановников, в утопических мечтаниях об «общинном» социализме шло его продолжение. Но ни дворянские революционеры, ни народники не могли освободить страну. Однако их жертвы не были напрасными.

Новое поколение революционеров стало понимать, что будущее России — в революционном движении рабочего класса, вооруженном самой передовой теорией — марксизмом.

Одним из таких людей стал Георгий Валентинович Плеханов.

Г. В. Плеханов родился 29 декабря 1856 года в селе Гудаловке Липецкого уезда Тамбовской губернии в обедневшей дворянской семье. Его отец Валентин Петрович был человеком «крутых нравов», одинаково деспотически обращавшийся с подвластными ему крепостными и со своими детьми. Он довольствовался жизнью заурядного помещика, лишенной духовных интересов, и потому не оказал серьезного влияния на интеллектуальное и моральное развитие своего сына. Но зато мать — Мария Федоровна Белинская, родственница В. Г. Белинского, женщина редких душевных качеств, оказала на сына большое влияние. Дочь обедневшего дворянина, она с молодости испытала нужду и унижение, работая гувернанткой в доме уездного предводителя дворянства. Мария Федоровна, несмотря на крутой, вспыльчивый характер мужа, не раз заступалась на глазах сына за крепостных. Не боялась она рассказывать — «пусть Жорж знает всю правду» — «ужасно революционные вещи» о царе, боге, помещиках.

Детские годы Г. В. Плеханов провел в родном селе Гудаловке со всеми традициями школы деревенского воспитания. Плеханов рано научился читать. Отец говорил ему: «Не читай так много, Жорж, а то, смотри, мозг высушишь». Начальное образование Плеханов получил под руководством матери. Затем его отправили учиться в Воронежскую военную гимназию.

В 1873 году Г. В. Плеханов поступил в артиллерийское училище в Петербурге. Казарменный режим юнкерского училища не удовлетворял его духовных запросов, и он добился перехода в 1874 году в Горный институт. Но судьба уготовила ему другой путь: путь революционера. В стенах института Плеханов сблизился с революционной молодежью, с головой ушел в новое, захватившее его на всю жизнь дело освобождения народа.

Дирекция института поспешила избавиться от «крамольного» студента. В 1876 году, несмотря на очевидные успехи, его отчислили «по малоуспешности».

В декабре 1876 года народническая организация «Земля и воля», членом которой был Плеханов, решила провести политическую демонстрацию в Петербурге. 6 декабря с утра к Казанскому собору начали стекаться группы рабочих и революционных студентов. Народу собралось много, и это сразу насторожило полицию, которая стала подтягивать к собору свои наряды. Правда, толпа вела себя тихо и даже... заказала молитву «за здравие раба божьего Николая». Но какого Николая — Николая Гавриловича Чернышевского, 12 лет томившегося на каторге! После молитвы на крыло колоннады поднялся юный Плеханов. Он рассказал собравшимся о судьбе Чернышевского, о людях, которые преследуются царем за то, что они выступают за свободу рабочих. Мы собрались здесь, сказал Плеханов, чтобы «заявить перед всем Петербургом, перед всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя. На нем написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно — да здравствует земля и воля!» В этот момент стоявший рядом молодой рабочий развернул красное знамя, и голоса подхватили призыв: «Да здравствует земля и воля! Да здравствует социальная революция!»

По делу о Казанской демонстрации был арестован 31 человек. Плеханову удалось скрыться. По решению

«Земли н воли» он покндает роднну. Во Францнн молодой эмнгрант познакомнлся с П. Л. Лавровым, которому вскоре пнсал: «С тех самых пор, как во мне иачала пробуждаться «крнтнческая мысль», вы, Маркс н Чернышевскнй былн любнмейшимн монмн авторами, воспитавшнми и развнвшимн мой ум во всех отиошеииях».

В 1877 году Плеханов нелегальио возвращается в Россню, поселившись под чужнм именем в Саратове. Здесь он оргаинзовал кружок народников н с нх помощью начал революцнонную пропаганду средн рабочих саратовских фабрик. Полнцин удалось напасть на след конспиратнвной квартиры и арестовать Георгня Валентиновнча. Но в полицейском участке ему удалось доказать свою иепричастность к революцнонерам, обыск на квартире не дал ннкаких компрометнрующих материалов, его отпустнли. После этого Плеханов решнл вернуться в Петербург.

Плеханов — прнзианный оратор народинков. В конце 1877 года его голос звучит на похоронах поэта Н. А. Некрасова, которого офнцнальиая Россня даже в этот скорбный час пыталась выдать за своего верноподдаиного служнтеля. После выступлеиня двое городовых пыталнсь арестовать Плехаиова, но тот словио раствopнлся в толпе.

В январе 1878 года в связн с гибелью на Василеостровском патроином заводе шестн рабочих Плехаиов иапнсал воззваиие «К рабочим патроиного завода», в котором призывал нх «взяться за ум: помощн ждать вам ие от кого! Не дождетесь вы ее от начальства! Долго ждало помощн от него крестьянство и дождалось кочек да болот, да податей еще тяжелее, еще больше прежнего! Долго терпелн н вы и дождались того, что вас жгут жнвьем н пускают по миру ваши семьи! Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ?!»

Летом 1878 года Плеханов, как н многне другие народиики, отправнлся «в народ». Он поехал на Дон, где казачество выступало протнв земского самоуправлеиия. Здесь ои устаиовнл связн с группой молодых казаков, которые готовы были подиять восстанне. Но Плехаиов понимал, что для успешного выступлення иадо поднять все казачество. Поэтому ои от нмеин «Землн н воли» напнсал воззваиие «Славному войску казацкому — доискому, уральскому, кубанскому, терскому и пр.» н от-

правился в Петербург, чтобы там его напечатать. Но здесь он узнал о провале и аресте многих руководителей «Земли и воли». В организации началось брожение, вызванное не столько арестами, сколько разочарованием в «пропагандистской» тактике. В 1879 году после воронежского съезда «Земли и воли» народники раскололись на две организации — «Черный передел» и «Народная воля».

Члены первой организации, возглавляемой Г. Плехановым, П. Аксельродом, В. Засулич и другими, ратовали за наделение бедных крестьян землей, верили в крестьянскую революцию и осуждали индивидуальный террор. Народовольцы А. Желябов, С. Перовская, В. Фигнер, Н. Морозов и их единомышленники уделяли большое внимание террористической борьбе, видя в ней средство пробуждения масс к активной революционной деятельности.

С 1879 года полиция объявила розыски Плеханова, и ему приходилось каждые два-три месяца менять паспорт. За поимку Плеханова была назначена крупная награда. В этих условиях он вынужден был уехать за границу.

Тридцать семь лет провел Г. В. Плеханов в изгнании: в Швейцарии, Франции, Италии. Он устанавливает связи с лидерами западноевропейской социал-демократии — В. Либкнехтом, К. Каутским, Ж. Гедом, обстоятельно изучает революционную литературу, ищет новые пути борьбы. В эмиграции Плеханов с огромным интересом читает произведения основоположников марксизма, осмысливает опыт революционной борьбы рабочего класса и западноевропейских социал-демократических партий.

Изучение марксистской литературы составило целую эпоху в жизни Плеханова. «Теория Маркса, — писал он, — подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль...» Изучение марксизма позволило ему правильно оценить сущность народнического движения и его идеологию, изжить народнический миф о «русской самобытности». Плеханов одним из первых увидел, что в стране активно развивается капитализм, что русский пролетариат выходит на арену классовой борьбы. Народничество становится отсталой идеологией, не отражающей новые экономические и политические сдвиги в стране.

Еще на страницах «Земли и воли» Плеханов констатировал разрыв между народниками и рабочими массами. Переезд за границу способствовал большему уяснению ведущей роли пролетариата в освободительном движении. Марксизм одерживал на Западе одну победу за другой, под его знаменем складывались массовые партии пролетариата, он становился всепобеждающей силой. Плеханов бросил семена марксизма на подготовленную почву России и на целых двадцать лет стал последовательным пропагандистом научного социализма.

Усвоению марксизма Плехановым способствовало и то, что на формирование его мировоззрения большое влияние оказали русские революционные демократы — Белинский и Чернышевский. «Мое собственное умственное развитие, — писал Плеханов, — совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского...»

Изучение трудов русских революционных мыслителей вплотную подвело Плеханова к теории Маркса, а глубокое знакомство с произведениями Маркса—Энгельса сформировало его марксистское мировоззрение. Вооружаясь революционной теорией марксизма и опытом европейского рабочего движения, Плеханов в начале 80-х годах постепенно отходил от народнических взглядов.

В 1883 году в Женеве совместно с П. Аксельродом, В. Засулич, В. Игнатовым и Л. Дейчем Плеханов создал первую русскую социал-демократическую группу «Освобождение труда», целью которой была пропаганда научного социализма в России и подготовка к организации русской рабочей социал-демократической партии. В опубликованной «Программе социал-демократической группы «Освобождение труда» говорилось:

«...Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни. Радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ. Поэтому социалистические

партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей. Группа «Освобождение труда» также признает великие принципы бывшей «Международной Ассоциации Рабочих» и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира».

Группа «Освобождение труда» поставила перед собой вполне конкретные цели, лучше всего сформулированные самим Плехановым: «Распространение идей научного коммунизма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки... Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России».

При этом Плеханов, в противовес доктрине народников, подчеркивал, что основная работа интеллигенции должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, «каким и являются промышленные рабочие».

Выполняя эти задачи, группа «Освобождение труда» сравнительно за короткий срок перевела на русский язык и издала работы К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал», «Нищета философии», а позже — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и другие. Плеханов сам перевел многие произведения, в том числе «Манифест»: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил перевести его на русский язык». Когда перевод был окончен, Плеханов написал об этом П. Л. Лаврову и высказал идею о том, что неплохо было бы обратиться к К. Марксу и Ф. Энгельсу с просьбой написать предисловие для русского издания. Лавров одобрил эту идею и по совету Плеханова обратился к авторам «Манифеста», которые отнеслись к этой просьбе положительно. В предисловии к русскому изданию книги К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что «Россия представля-

ет собой передовой отряд революционного движения в Европе».

Кроме перевода на русский язык произведений Маркса и Энгельса, членами группы «Освобождение труда» был написан ряд самостоятельных произведений, популяризирующих марксизм, а также содержащих марксистский анализ русских общественных отношений. Это было необходимо потому, что в русском революционном движении все еще господствовали народнические теории. В тех сложных исторических условиях Плеханов первым показал, что научный социализм — единственно верный революционный путь для России. Деятельность Плеханова и его соратников получила высокую оценку и поддержку Ф. Энгельса, с которым у Плеханова установились дружеские связи.

В. И. Ленин позже подчеркивал, что группа «Освобождение труда» теоретически основала русскую социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению.

На пути распространения марксизма в России стояло не только самодержавие, но и народничество.

С активной борьбы с бывшими единомышленниками начинается период блестящей научно-публицистической деятельности Плеханова, продолжавшейся до 1903 года. В эти годы он написал серию превосходных сочинений по основным вопросам марксизма.

О разрыве Плеханова с народничеством свидетельствует его работа «Социализм и политическая борьба», опубликованная в 1883 году. В предисловии к ней автор пишет: «Предлагаемая брошюра может подать повод ко многим недоразумениям или даже неудовольствиям. Лица, сочувствующие направлению «Земли и воли» и «Черного передела», могут упрекнуть меня в том, что я отступил от теории так называемого народничества. Сторонникам других фракций нашей революционной партии может не понравиться моя критика дорогих им воззрений. Считаю нелишним поэтому небольшое предварительное объяснение». В нем Плеханов пишет:

«...Стремление работать в *народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по-прежнему. *Теоретические* же его положения, дей-

ствительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Степана Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им, по необходимости, придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и воли» не соответствуют положению промышленных рабочих».

Далее Плеханов сделал оговорку, что расхождение во мнениях нисколько не уменьшает его «уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа».

Эпиграфом к брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов взял марксистское положение, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая». В начале своей работы автор отметил, что с тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом.

Анализируя несостоятельность народничества, автор пишет, что оно основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, но при этом народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, поскольку именно оно оказалось более восприимчивым к революционной пропаганде. Практическая революционная деятельность сторонников «Народной воли» должна была по крайней мере сопровождаться теоретической революцией в умах социалистов, подчеркивает Плеханов. «Взрывая Зимний дворец, нужно было вместе с тем взорвать и наши старые анархические и народнические традиции» о «самобытности» пути и «социалистическом характере» русской общины.

После позитивного изложения основных идей научного социализма и анализа их неоспоримых преимуществ по сравнению с народничеством и анархизмом, получившими в тот период в России сравнительно широкое распространение, Плеханов делает вывод, что насущной задачей русских революционеров является борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка пролетариата к будущей самостоятельной, руководящей роли — с другой. «Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития совпадут в истории нашего отечества — значит отдалять наступление и того, и другого, — писал Георгий Валентинович. — Но от нас зависит сблизить эти два момента. Мы должны последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам «Манифеста», «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии», и в то же время ни на минуту не переставали вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата».

Издание брошюры Плеханова «Социализм и политическая борьба» явилось первым серьезным ударом по народничеству. Эта работа сыграла важную роль в расчистке почвы для распространения и победы марксизма и для создания революционной социал-демократической рабочей партии в России.

Еще более обстоятельный анализ несостоятельности народничества и объективной необходимости распространения научного социализма в России сделан Г. В. Плехановым в работе «Наши разногласия» (1885 г.).

Исходя из факта вступления России в стадию капиталистического развития, Плеханов призвал революционеров различных течений отбросить отчаянную «попытку оживить революционные теории доброго старого времени» и возвыситься до признания того, что «русская революция сольется со всемирным социализмом». Автор справедливо утверждал, что коммунистическая революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из мещанско-крестьянского социализма. Сельская община по своему характеру будет стремиться уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам обще-

жития. Поэтому она не может двинуть Россию на путь коммунизма. Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс, освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных созидательных усилий.

Книга Плеханова «Наши разногласия» привлекла внимание Ф. Энгельса, который после ознакомления с ней писал В. И. Засулич: «...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»[1].

Особенно важную роль в пропаганде марксизма приобрела работа Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где была дана развернутая критика народнической идеологии с философских позиций. В 1895 году ее удалось издать легально в России, причем туманное название было дано сознательно — для отвода глаз цензуры. И замысел удался вполне. Пока органы надзора обнаружили свою ошибку, тираж книги был почти полностью распродан. По-настоящему книгу нужно было озаглавить, как писал впоследствии Плеханов, «В защиту материалистического взгляда на историю» или «В защиту марксизма». Эта книга по праву является одним из классических произведений марксизма. В ней блестяще раскрылись теоретический и литературный талант Плеханова. На этом произведении Плеханова, по словам Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов».

Огромное значение первых марксистских работ Плеханова не исчерпывается критикой народничества. В них сторонники революционной борьбы находили и конкретную программу деятельности русских марксистов. Определяя их главные задачи, Плеханов указал на настоятельную необходимость создания партии рабочего класса. Он был глубоко убежден в том, что дальнейшее развертывание пролетарского движения в России немыслимо без боевой организации, вооруженной учением марксизма и способной возглавить и направить революционную борьбу масс, повести их на решитель-

ный штурм старого мира: «...Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию».

Наряду с научно-литературной деятельностью с конца 80-х годов Плеханов принимает активное участие в международном рабочем движении. Укрепляется его связь с деятелями социал-демократических партий различных стран. Выдающиеся произведения Плеханова, его речи и доклады на международных социалистических конгрессах создали ему славу крупнейшего марксистского теоретика, одного из признанных руководителей социал-демократического движения, борца с оппортунистическими извращениями марксизма.

В июле 1889 года в Париже состоялся первый конгресс II Интернационала. Среди делегатов были А. Бебель, В. Либкнехт, П. Лафарг, Элеонора Маркс-Эвелинг. От русских социалистов в нем принимали участие Плеханов и Аксельрод. В своем выступлении на конгрессе, обращаясь к делегатам, Плеханов говорил: «Граждане! Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия, во всяком случае, не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата».

После конгресса Плеханов решил заехать в Лондон и осуществить свою давнюю мечту — познакомиться с Ф. Энгельсом. Вспоминая об этой встрече, Плеханов писал, что он имел удовольствие почти в течение целой недели вести с Энгельсом продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы.

Знакомство Плеханова с Ф. Энгельсом положило начало активной переписке. Одно из своих писем Плеханов заканчивал словами: «Простите, дорогой учитель, что беспокою Вас», за что Энгельс с присущей ему скромностью пожурил Плеханова: «Дорогой Плеханов! Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем», — а далее уже благодарил русского революционера за сообщения и отвечал на его вопросы. В 1894 го-

ду в одном из писем Плеханов писал Энгельсу: «Задачей всей моей жизни я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей».

Активная научно-публицистическая и организационная деятельность Г. В. Плеханова и его группы постепенно начинала приносить свои плоды. В России одна за другой стали возникать социал-демократические группы. Революционеры, высылаемые царским правительством из больших городов, создавали такие кружки на местах.

Члены группы «Освобождение труда» ставили задачу перед интеллигенцией — помочь рабочим осознать свою историческую миссию и организоваться в самостоятельную политическую партию путем объединения многочисленных социалистических кружков. Плеханов видел в этом «единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России».

Вместе с тем в программе группы «Освобождение труда» имелись ошибочные положения. К ним следует отнести абстрактность ее аграрной части и замалчивание вопроса о движущих силах революции. Недооценив революционность крестьянства, Плеханов в то же время переоценивал роль буржуазии в борьбе с царизмом. И все же, несмотря на эти недостатки, первые семена марксизма, брошенные на плодородную почву российского революционного движения Плехановым и его группой, дали обильные всходы.

Вопрос о союзниках пролетариата в революции приобретал в тот период весьма актуальное значение. Его научное решение принадлежит В. И. Ленину. В России шел процесс соединения рабочего движения с марксизмом. Складывались предпосылки для создания революционной партии. Прообразом партии нового типа стал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», организованный Лениным.

Учитывая усиление влияния анархизма на революционное движение в некоторых странах Западной Европы, Плеханов написал в 1894 году брошюру «Анархизм и социализм». Она была издана на немецком и французском языках.

Большим вкладом в теорию марксизма является критика Плехановым народнической теории героев и толпы в работе «К вопросу о роли личности в истории».

Эта теория, игнорируя роль народных масс и сводя историю к деятельности отдельных выдающихся личностей, приводила к отрицанию политической борьбы масс. Такой подход в практической деятельности наносил огромный вред развивавшемуся тогда революционному движению в России.

Анализируя теоретические выводы марксизма в свете практики революционного движения, Плеханов показывает, что теория толпы и героев зиждется на антинаучном, идеалистическом понимании развития общества. «Кто разрушил Бастилию? Кто сражался на баррикадах в июле 1830 и в феврале 1848 г.? Чье оружие поразило абсолютизм в Берлине? Кто сверг Меттерниха в Вене? Народ, народ, народ, т. е. бедный трудящийся класс, т. е. преимущественно рабочие... Никакими софизмами нельзя вычеркнуть из истории тот факт, что решающая роль в борьбе западноевропейских стран за свое политическое освобождение принадлежала народу, и только народу». Неизбежность победы коммунизма Плеханов связывает не с деятельностью героев, а с беззаветной борьбой самого революционного класса истории — рабочего класса.

Вместе с тем Плеханов научно определил и значение выдающихся личностей, показал, что сила действительно великой личности в осознании ею закономерностей исторического процесса и действий в соответствии с этими закономерностями.

Велики заслуги Г. В. Плеханова перед революционным движением в борьбе с оппортунизмом и ревизионизмом.

В 90-х годах Бернштейн и некоторые другие деятели социал-демократии под видом развития марксизма, по существу, отказывались от диалектического материализма. Бернштейнианство быстро получило распространение в Западной Европе, отчасти и в России, вырастая в серьезную угрозу дальнейшему развитию международного рабочего движения. Плеханов справедливо писал: «...Оппортунизм приобрел много сторонников в рядах социал-демократии разных стран. И в этом распространении оппортунизма заключается самая главная из всех опасностей, угрожающих ей в настоящее время».

При этом в рядах европейской социал-демократии открытая ревизия марксистских взглядов не встретила должного отпора. Даже левые силы, которые выступи-

ли против ревизионизма, в целом не смогли дать отпора ревизионистам, особенно в области философии. Именно Плеханов в то время оказался единственным в международной социал-демократии, кто последовательно боролся за марксистское мировоззрение. В. И. Ленин, оценивая заслуги Плеханова в эти годы, писал: «...единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов»[2].

В 1898 году Плеханов опубликовал статью «Бернштейн и материализм», за которой последовало еще несколько полемических работ — «За что нам его благодарить», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм или кантианизм» и др. Плеханов писал Каутскому: «Вы без сомнения найдете, что я был мало любезен по отношению к Бернштейну и К. Шмидту. И вы будете правы. Но примите во внимание, что для меня эти господа являются злейшими врагами марксизма...»

Ревизионистское течение в тот период приобрело международный характер. Представителями оппортунистической линии II Интернационала в России в то время были «экономисты» и «легальные марксисты». Поэтому и против них Плеханов направил острое оружие марксистской критики. Он разоблачал как чуждые марксизму писания «экономистов», направленные против создания политической партии рабочего класса и принижавшие роль социалистического сознания в рабочем движении. В статьях «Г-н Струве в роли критика марксовой теории общественного развития» он метко определил существо литературных выступлений «легальных марксистов», назвав их буржуазной пародией на марксизм. И «экономисты», и «легальные марксисты», отмечал Плеханов, являются последователями Бернштейна, пропагандистами его оппортунистических и ревизионистских идей в России.

Глубокие по содержанию, простые и доходчивые по форме сочинения Плеханова разоблачали ревизионистов, отстаивали единство и целостность марксистского мировоззрения. Несомненно, эти работы стали вкладом в марксизм, не потеряли своего значения и в наше время.

Многие положения Плеханова звучат настолько современно, что кажется, будто они нацелены против нынешних «теорий» — «демократического социализма», «народного капитализма» и многих других. Не утратила своего значения в наши дни и критика сущности кантианства. В своих философских работах Плеханов вскрывал сущность кантовского дуализма и агностицизма и объяснял, почему кантианство стало философией ревизионизма. «Кантианство, — писал он, — не философия борьбы, не философия людей действия. Это — философия половинчатых людей, философия компромисса».

Плеханов, занимаясь вопросами развития международного рабочего движения, никогда не порывал своих связей с родиной. Особенно они укрепились тогда, когда под руководством В. И. Ленина развернулась борьба за создание революционной партии нового типа.

Первая встреча Г. В. Плеханова с В. И. Лениным состоялась весной 1895 года в Швейцарии, куда В. И. Ленин приехал для установления контактов с членами группы «Освобождение труда» и переговоров об издании газеты для рабочих. Ленин произвел на членов группы «Освобождение труда» большое впечатление. Плеханов, обычно скупой на похвалы, писал своей жене о Ленине: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди».

По свидетельству Г. М. Кржижановского, Плеханов утверждал, что за период многолетнего пребывания за границей у него перебывало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с молодым Ульяновым. Плеханов отмечал «...и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию».

Благодаря встрече с В. И. Лениным начинается новый этап в деятельности группы «Освобождение труда». Она устанавливает более тесные связи с социал-демократическим движением в России, и особенно с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Вскоре после своего возвращения из ссылки, в 1900 году, В. И. Ленин вторично едет в Швейцарию, чтобы договориться с Г. В. Плехановым и другими чле-

нами группы «Освобождение труда» о совместном издании «Искры».

Но уже в этот период между Лениным и Плехановым возникли трения по вопросам тактики революционной борьбы, об отношении к идеологу либеральной буржуазии Струве, о составе редакции. В конце концов часть разногласий была устранена. В редакцию «Искры» на равных началах вошли Ленин, Мартов, Потресов, Плеханов, Аксельрод и Засулич. «Искра» развернула борьбу с «экономистами». Большую роль в этом деле сыграла книга Ленина «Что делать?». Группа «Освобождение труда» полностью поддержала эту борьбу, а первый марксист России Г. В. Плеханов назвал В. И. Ленина «одним из самых важных деятелей нашей партии».

В результате активной деятельности В. И. Ленина в начале XX века успешно проходило объединение социал-демократических кружков и комитетов в партию. Это потребовало разработки проекта программы и устава партии. Проект программы было поручено написать Плеханову, а ее аграрную часть и устав — Ленину. Здесь уже появились более серьезные разногласия между двумя ведущими марксистами того времени. Ленин подверг резкой и справедливой критике предложенные Плехановым некоторые положения проекта программы, в которых отсутствовала характеристика русского капитализма и было опущено указание на диктатуру пролетариата. Плеханов не соглашался с ленинской идеей национализации земли. Но к моменту II съезда партии члены редакции «Искры» достигли соглашения на марксистской основе и по этим вопросам.

В результате большой теоретической и организационной работы «Искры» в 1903 году состоялся II съезд РСДРП, фактически создавший партию и в то же время положивший начало делению партии на большевиков и меньшевиков. Съезд открыл Плеханов. Он с гордостью говорил, что социал-демократическая партия стала — «и в теоретическом, и в практическом отношении — самою сильною партией из всех существующих в России революционных и оппозиционных партий».

Но уже через два месяца после съезда ошибочные взгляды Плеханова послужили основой для его отхода к оппортунизму. Осенью 1903 года он ввел в редакцию «Искры» всех старых ее редакторов, нарушив таким об-

разом решения II съезда партии. В знак протеста Ленин вышел из редакции. В результате с 52-го номера «Искра» стала меньшевистской, а сам Плеханов стал проповедовать идею уживчивости с оппортунистами, которых он еще недавно так остро разоблачал.

Начиная с 1903 года меньшевики во главе с Г. В. Плехановым представляли собой русскую разновидность международного оппортунизма. Политические выступления Г. В. Плеханова в последующие 15 лет характеризовались отходом от основных принципов марксизма. Эта ошибочная политическая позиция Плеханова явилась прежде всего результатом непонимания им характера новой эпохи как эпохи империализма и пролетарских революций, непонимания значения союза пролетариата с крестьянством и руководящей роли пролетариата как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции. Отрицательно повлияли на Плеханова также многолетняя оторванность от русского практического рабочего движения и его связи с правыми вождями II Интернационала.

В годы первой русской революции (1905—1907 гг.) Плеханов отстаивал меньшевистскую линию в вопросах тактики. Поскольку эта революция носит буржуазный характер, рассуждал он, ее руководителем и главной движущей силой может являться только буржуазия. Рабочий класс не должен выдвигать лозунг вооруженного восстания, стремиться к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо эти его действия могут отпугнуть либеральную буржуазию и нанести ущерб революции. Задача рабочего класса состоит в том, чтобы помочь либеральной буржуазии захватить власть. «Не надо было браться за оружие» — в этих словах Плеханов выразил свое отношение к Декабрьскому вооруженному восстанию в Москве.

Это лишний раз подтверждает, что Плеханов не смог понять особенностей исторической обстановки в стране, не учитывал, что первая русская революция развернулась уже в условиях, когда буржуазия в силу своей реакционности не могла возглавить революцию. Не веря в силу и способность рабочего класса России возглавить революцию, повести за собой крестьянство, Плеханов отрицал гегемонию пролетариата в буржуазной революции.

Отмечая заслуги Плеханова до 1903 года и его тактические ошибки во время революции 1905 года, В. И. Ленин писал, что теоретические работы его — «главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики»[3].

После революции 1905 года Плеханов нашел в себе силы занять правильную позицию, выступил вместе с Лениным и большевиками против ликвидаторов, отстаивая необходимость решительного размежевания с противниками партии.

В тот же период Плеханов выступил против махистской ревизии марксизма. Его работа «Воинствующий материализм» сыграла заметную роль в разгроме этого реакционного философского течения. Считая борьбу Плеханова против махизма (а также и против ликвидаторства) его «большой заслугой», В. И. Ленин в то же время критиковал недостатки, которыми страдали выступления Плеханова против махистов, стремление Плеханова использовать критику махизма против большевиков.

Не смог Плеханов определить правильную линию и в годы первой мировой войны. Он не понял империалистического характера войны со стороны России и ее союзников, считая ее оборонительной и потому справедливой, отстаивал оборонческую тактику и защиту своего отечества — царской России. Неправильная оценка характера войны привела Плеханова к тому, что он отождествил корыстные интересы тогдашних правителей с национальными интересами России, думал, что интересы нации требуют поддерживать преступную политику правительства. Ленин со всей беспощадностью критиковал его позиции в этом вопросе, указывая, что Плеханов порвал с марксизмом и не понял всей глубины тех изменений, которые принесла с собой новая эпоха — эпоха империализма.

Все это содействовало тому, что Плеханов не пошел с большевиками, когда они повели народ на борьбу против обанкротившихся капиталистов и помещиков. После

Февральской революции 1917 года Плеханов вернулся на родину. Новую обстановку, сложившуюся в эпоху революционных преобразований, он не смог правильно оценить и выступил против «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, против взятого большевиками курса на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Не верил он и в возможность построения социализма в России ввиду ее экономической и культурной отсталости.

К Великой Октябрьской социалистической революции Плеханов отнесся с недоверием и непониманием. Он продолжал твердить об экономической незрелости России для социалистической революции, повторяя догмы оппортунистов II Интернационала, согласно которым пролетариат должен брать власть лишь тогда, когда он составляет большинство в стране. Он так и не сумел в 1917 году подняться до понимания того, что Россия сможет стать первой страной, пролагающей путь к социализму, торжеству которого он мужественно посвятил лучшие годы своей жизни.

В этот период Плеханов выступил в своей газете «Единство» с рядом статей и заметок, в которых тщетно пытался доказать, что Россия не созрела еще для социалистического переворота. Но когда эсер Савинков предложил ему возглавить правительство, которое белогвардейцы надеялись создать после подавления революции, Плеханов ответил: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать...» Когда же окружавшие его люди из газеты и группы «Единство» стали предрекать Советам скорый конец, Плеханов ответил, что «большевики взяли власть надолго, и может быть, навсегда».

Зимой 1917/18 года Г. В. Плеханов заболел и был помещен в больницу. Затем он поехал в санаторий «Питкеярви» в Финляндии, где и скончался 30 мая 1918 года.

Тело Г. В. Плеханова перевезли в Петроград и, согласно завещанию, похоронили на Литературных мостках Волкова кладбища, рядом с могилой В. Г. Белинского.

Помня о заслугах Г. В. Плеханова, тотчас же после его смерти молодое Советское государство по инициативе В. И. Ленина провело ряд мероприятий, увековечивших память великого сына русского народа. Впо-

следствии в Ленинграде, на площади у Технологического института, был поставлен ему памятник.

Несмотря на серьезные ошибки Плеханова, он имеет огромные заслуги перед русским и международным революционным движением. В статье «Критические заметки по национальному вопросу», опубликованной в 1913 году, В. И. Ленин подчеркивал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [4]. Возвращаясь в 1921 году к этому вопросу, Владимир Ильич писал, что «*нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» [5].

...Георгий Валентинович Плеханов — исключительно яркая и богато одаренная личность, человек большой культуры, выдающийся ученый и теоретик, первый марксист в России. Ему по праву принадлежит одно из ведущих мест среди крупнейших общественных деятелей русского и международного социалистического движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Не могу я жить в покое

[1] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 372.
[2] Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 48.
[3] Там же.
[4] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.
[5] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 240.
[6] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 519—520.
[7] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 357.
[8] Там же, с. 549.
[9] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 428.

Встреча, которая длилась сорок лет

[1] Леннн В. И. ПСС, т. 2, с. 12.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 456.
[3] Леннн В. И. ПСС, т. 2, с. 9.
[4] Леннн В. И. ПСС, т. 26, с. 49.
[5] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 31, с. 275.
[6] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 32.
[7] Там же, с. 359.
[8] Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 50.
[9] Там же, с. 55.
[10] Там же, с. 258—259.
[11] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 523.
[12] Там же, с. 385.
[13] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 188.

Ннкакнх компромиссов!

[1] Леннн В. И. ПСС, т. 14, с. 220.
[2] Там же, с. 215.
[3] См.: Чубннскнй В. Внльгельм Либкнехт. М., 1968, с. 11—12.
[4] Там же, с. 36.
[5] Леннн В. И. ПСС, т. 23, с. 365.
[6] Там же, с. 366.

7 В кн.: Деятелн международного рабочего двнжения о релнгнн н церкви. М., 1976, с. 52.

8 См.: Чубннскнй В. Вильгельм Лнбкнехт, с. 195.

«Враг наших врагов»

1 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 474.

2 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 378.

3 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 653.

4 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 23.

5 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 349.

6 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 32—33.

Вот о чем надо мечтать!

1 Леннн В И. ПСС, т. 6, с. 171.

2 Бебель А. Из моей жизнн. М., 1963, с. 130.

3 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 142.

4 Бебель А. Из моей жизнн, с. 164.

5 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 200.

6 Неопублнкованные пнсьма А. Бебеля. — В журн. «Новая и новейшая нсторня», 1960, № 3, с. 138.

7 Леннн В. И. ПСС, т. 23, с. 367.

8 Леннн В. И. ПСС, т. 4, с. 219.

9 Леннн В. И. ПСС, т. 23, с. 363—364.

Будущее прннадлежит нам

1 Маркс К н Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 196.

2 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 455.

3 Там же.

4 Там же, с. 456.

5 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 498—499.

6 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 527.

7 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 270.

8 Там же, с. 18

9 Леннн В. И. ПСС, т. 23, с. 46.

На баррикадах Парнжской коммуны

1 Леннн В. И. ПСС, т. 22, с. 294.

2 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 321—322.

3 Леннн В. И. ПСС, т. 13, с. 76.

4 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 332.

5 Маркс К н Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 198.

6 Леннн В. И. ПСС, т. 20, с. 222.

7 Маркс К. н Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 197.

Аксиома социальной философии

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 528.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 271.
[3] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 584.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 456.
[5] Ленин В. И. ПСС, т. 23, с. 46.
[6] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 298.

Радость жизни и борьбы

[1] Ленин В. И. ПСС, т. 10, с. 25.
[2] Там же, с. 28.
[3] Ленин В. И. ПСС, т. 19, с. 54.
[4] Ленин В. И. ПСС, т. 9, с. 157.

Несправедливая справедливость

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 215.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 24—25.
[3] Там же, с. 26.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 395.
[5] Там же, с. 403.
[6] Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 131.
[7] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 29.
[8] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 48—49.
[9] Там же, с. 279—280.
[10] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 472.
[11] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 337.
[12] Ленин В. И. ПСС, т. 4, с. 268.

Беспокойный дух...

[1] Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 1. М., 1934, с. 171.
[2] Герцен А. И. Соч., т. 7, с. 353—354.
[3] Ленин В. И. ПСС, т. 33, с. 104.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 45—46.
[5] Ленин В. И. ПСС, т. 21, с. 386.
[6] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 380.
[7] Ленин В. И. ПСС, т. 33, с. 60.

Ожидание близкой революции

[1] Чернышевский Н. Г. Соч., т. 14, 1949, с. 48.
[2] Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 175.
[3] Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 94.
[4] Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 29
[5] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 389.

6 Чернышевский Н. Г. Соч., т. 9, 1949, с. 222.
7 Ленин В. И. ПСС, т. 18, с. 384.

Отречемся от старого мира

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 33, с. 207.
2 Там же, с. 231.
3 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 99.
4 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 83.
5 См.: Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 459.
6 Там же, с. 459—460, 462.

Бейте по головам хищной птицы!

1 Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 333—334.
2 Ленин В. И. ПСС, т. 1, с. 161.
3 Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 335.
4 Ленин В. И. ПСС, т.1, с. 129—130.
5 Там же, с. 132—133.
6 Там же, с. 135.
7 Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 336—337.

Другого выхода у нас нет

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260.
2 Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 20.
3 Ленин В. И. ПСС, т. 14, с. 226—227.
4 Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 129.
5 Ленин В. И. ПСС, т. 42, с. 290.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4.

Маркс К. Нищета философии. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4.

Маркс К. О Прудоне (письмо И. Б. Швейцеру). Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16.

Маркс К. Гражданская война во Франции. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17.

Маркс К. Критика Готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19.

Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Фридрих Энгельс. Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Август Бебель. Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском. Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26.

Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., Политиздат, 1979.

Богословский Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1889. М., «Молодая гвардия», 2-е испр. издание, 1957.

Волгин В. П. Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его «Завещание»). М.—Л., «Красная новь», 1924.

Вольский Ст. Сен-Симон. М., 1935.

Гемков Генрих. Август Бебель. Пер. с нем. М., Политиздат, 1972.

Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., «Мысль», 1969.
Демиденко А. И. Петр Лаврович Лавров (Жизнь и деятельность. 1823—1900). М., «Просвещение», 1969.
Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., «Молодая гвардия», 1977, ЖЗЛ.
Иоаннисян А. Р. Шарль Фурье. М., Изд-во АН СССР, 1958.
Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., «Наука», 1968.
Левандовский А. П. Сен-Симон. М., «Молодая гвардия», 1973, ЖЗЛ.
Молчанов Н. Н. Жорес (1859—1914 гг.). М., «Молодая гвардия», 1969, ЖЗЛ.
Овчаренко Н. Е. Август Бебель. Краткий очерк жизни и деятельности. М., Соцэкгиз, 1963.
Осиновский И. Н. Томас Мор, М., «Наука», 1974.
Пирумова Н. М. Бакунин. М., «Молодая гвардия», 1970, ЖЗЛ.
Поршнев Б. Ф. Мелье. М., «Молодая гвардия», 1964, ЖЗЛ.
Рутенбург В. И. Кампанелла. Л., 1956.
Чубинский-Надеждин В. В. Вильгельм Либкнехт — солдат революции. М., «Мысль», 1968.
Штекли А. Э. Кампанелла, изд. 3-е. М., «Молодая гвардия», 1966, ЖЗЛ.
Яновская М. И. Карл Либкнехт. М., «Молодая гвардия», 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

Валовой Д. В., Лапшина Г. Е.

В15 Имена на обелиске/Худож. Н. Лавецкий. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 367 с., портр.

85 к. 100 000 экз.

В книге рассказывается о жизни и деятельности выдающихся революционеров, чьи имена высечены на первом советском памятнике-обелиске в Александровском саду Московского Кремля.

В $\frac{70302-040}{078(02)-80}$ Б3—036—001—79. 4700000000 ББК 66.03 10

ИБ № 2326

Дмитрий Васильевич Валовой,
Генриэтта Евгеньевна Лапшина

ИМЕНА НА ОБЕЛИСКЕ

Редакторы **И. Андреев, И. Кобылинн**
Художник **Н. Лавецкий**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **И. Соленов**
Корректоры **Т. Пескова, Е. Самолетова**

Сдано в набор 20.06.79. Подписано в печать 25.01.80. А01128. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.-печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,1: Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Заказ 890.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

МАРКС
ЭНГЕЛЬС

ЛИБКНЕХТ
ЛАССАЛЬ
БЕБЕЛЬ
КАМПАНЕЛЛА
МЕЛЬЕ
УИНСТЕНЛИ
МОР

СЕН-СИМОН
ВАЙЯН
ФУРЬЕ
ЖОРЕС
ПРУДОН
БАКУНИН
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
ЛАВРОВ
МИХАЙЛОВСКИЙ
ПЛЕХАНОВ

